

А.М. ГОРЬКИЙ В ГЕРМАНИИ

писатель
и его
окружение

в социокультурном
и
литературно-медийном
пространстве

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**А.М. ГОРЬКИЙ В ГЕРМАНИИ:
ПИСАТЕЛЬ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
И ЛИТЕРАТУРНО-МЕДИЙНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

Ответственный редактор
О.А. Клинг

Москва
ИМЛИ РАН
2023

УДК 821.161.1.0+821.112.2.0

ББК 83.3

Г 71

Коллективная монография
издана за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00131.
Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

Редакционная коллегия

О.А. Клинг, Т.В. Кудрявцева, Е.Р. Матевосян, Н.Н. Примочкина, М.М. Ожигова

Коллектив авторов

О.А. Клинг, Т.В. Кудрявцева, Е.Р. Матевосян, Н.Н. Примочкина, М. Бёмиг,
А.И. Жеребин, Е.М. Захарова, С.М. Демкина, Ю.М. Ёгорова, Ю.У. Каскина,
О.С. Кудлай, Е.Н. Никитин, М.М. Ожигова, М.В. Ромашкина, А.Л. Семенова,
Л.В. Суматохина, Д.А. Сухоева, О.В. Шуган

Ответственный редактор

О.А. Клинг,

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории литературы филологического факультета,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ведущий
научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук

Рецензенты

Н.М. Солнцева,

доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

О.В. Быстрова,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

Г 71 А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в
социокультурном и литературно-медийном пространстве /
отв. ред. О.А. Клинг. — М.: ИМЛИ РАН, 2023. — 304 с. —
<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3>
<https://elibrary.ru/QNTCKL>
ISBN 978-5-9208-0724-3

Коллективная монография посвящена малоизученному периоду жизни и творчества А.М. Горького в Германии (1921–1923 гг.). Основные авторы — участники проекта РНФ (№ 21-18-00131), а также специально приглашенные ученые, эксперты по данной теме. Структура книги отражает многие аспекты в изучении наследия писателя, авторитет которого в Германии был чрезвычайно высок. Это летопись жизни и творчества Горького, издание его произведений в Германии, Горький и журналистика, Горький и немецкая литература, Горький и немецкий театр, Горький и немецкая философия, окружение Горького в Германии, др. Издание рассчитано на филологов, читателей, интересующихся наследием Горького, русской литературой, эмиграцией, русско-немецкими культурными связями.

Ключевые слова: А.М. Горький, Германия, русская и немецкая литература.

УДК 821.161.1.0+821.112.2.0

ББК 83.3

ISBN 978-5-9208-0724-3

© Коллектив авторов, 2023

© ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2023

A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**A.M. GORKY IN GERMANY:
THE WRITER
AND HIS ENVIRONMENT
IN THE SOCIOCULTURAL
AND LITERARY-MEDIA SPACE**

Edited by
Oleg A. Kling

Moscow
IWL RAS
2023

Collective monograph published at the expense of the Russian Science
Foundation Grant No. 21-18-00131

Approved for publication by the Academical Council of
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Editorial Group

O.A. Kling, T.V. Kudryavtseva, E.R. Matevosyan, N.N. Primochkina, M.M. Ozhigova

Team of authors

O.A. Kling, T.V. Kudryavtseva, E.R. Matevosyan, N.N. Primochkina, M. Böhmig,
A.I. Zherebin, E.M. Zakharova, S.M. Demkina, Yu.M. Egorova, Y.U. Kaskina,
O.S. Kudlay, E.N. Nikitin, M.M. Ozhigova, M.V. Romashkina, A.L. Semenova,
L.V. Sumatokhina, D.A. Sukhova, O.V. Shugan

Executive Editor

Oleg A. Kling,

DSc in Philology, Professor, Head of the Department of Theory of Literature,
Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; Leading Research
Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences

Reviewers

Nataliia M. Solntseva,
DSc in Philology, Professor,
Lomonosov Moscow State University

Olga V. Bystrova,
PhD in Philology, Senior Researcher,

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Kling, Oleg A., editor

***A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and
Literary-Media Space.*** Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023. 304 p.

(In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3>

ISBN 978-5-9208-0724-3

Abstract: The collective monograph is devoted to the little-studied period of A.M. Gorky's life and creative work in Germany (1921–1923). The main authors are participants of the project Russian Science Foundation (No. 21-18-00131), as well as specially invited scientists and experts on the subject. The structure of the book reflects many aspects in the study of the heritage of the writer, whose authority in Germany was extremely high. This chronicles the life and work of Gorky, the publication of his works in Germany, Gorky and journalism, Gorky and German literature, Gorky and German theater, Gorky and German philosophy, the surroundings of Gorky in Germany, etc. The publication is intended for philologists, readers interested in Gorky's legacy, Russian literature, emigration and Russian-German cultural ties.

Keywords: A.M. Gorky, Germany, Russian and German literature.

This is an open access book
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

ISBN 978-5-9208-0724-3

© Research Team, 2023
© IWL RAS, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1

А.М. Горький в социокультурном пространстве Германии

- Имя А.М. Горького на культурной карте Германии
(**Т.В. Кудрявцева**) 13
- Мемуары как источник реконструкции жизни
и творчества А.М. Горького в Германии (**О.А. Клинг**) . 33
- Первые постановки пьес Горького на берлинских
сценах в зеркале немецкой печати
(1902–1906 гг.) (**М. Бёмиг**) 56
- М. Горький и искусство немецкого экспрессионизма:
параллели и пересечения (**Н.Н. Примочкина**) 71

Глава 2

А.М. Горький и медийное пространство

- М. Горький: от «Летописи» к «Беседе» (**А.Л. Семенова**) . . . 99
- М. Горький и Ф.А. Браун: по материалам
Архива А.М. Горького в Институте мировой
литературы (**Ю.У. Каскина**) 113
- О работе «Издательства З.И. Гржебина» в Германии
(**Е.Н. Никитин**) 134
- М. Горький и немецкое издательство «Малик»:
к истории взаимоотношений (**Е.Р. Матевосян**) . . 147

Глава 3

А.М. Горький и немецкая философия

- Осмысление М. Горьким немецкого периода идеи «Заката
Европы» О. Шпенглера (**О.В. Шуган**) 163

Немецкие философы в личной библиотеке А.М. Горького (Музей А.М. Горького ИМЛИ РАН) (С.М. Демкина)	173
Эстетика прозы немецкого периода А.М. Горького: «полемика» с Иммануилом Кантом в «Рассказе об одном романе» (1924) (М.М. Ожигова).	187

Глава 4

А.М. Горький и его окружение

А.М. Горький и В.Б. Шкловский: к истории личных и творческих отношений в Германии (О.С. Кудлай)	205
«С космою дымною на лбу»: портреты А.М. Горького в литературном наследии В.Ф. Ходасевича (Д.А. Сухоева)	222
М. Горький и немецкий писатель Теодор Пливье (Л.В. Суматохина)	234

Глава 5

Восприятие художественных и эстетических идей А.М. Горького в Германии

Максим Горький как герой социально-эстетической утопии Георга Лукача (А.И. Жеребин)	245
Восприятие повести М. Горького «Мать» в Германии первой трети XX века (Ю.М. Егорова).	259
Вечные темы и разные эпохи: что осталось от «Матери» Горького после встречи с Б. Брехтом (М.В. Ромашкина)	271

Глава 6

А.М. Горький до Германии

Перед отъездом: «Южный край» о М. Горьком (1914–1917 гг.) (Е.М. Захарова).	289
--	-----

CONTENTS

Chapter 1 A.M. Gorky in the Sociocultural Space of Germany

A.M. Gorky's Name on the Cultural Map of Germany (T.V. Kudryavtseva)	13
Memoirs as a Source for Reconstructing the Life and Work of A.M. Gorky in Germany (O.A. Kling).	33
The First Performances of Gorky's Plays on the Berlin Stages in the Mirror of the German Press (1902–1906) (Michaela Böhmig)	56
M. Gorky and the Art of German Expressionism: Parallels and Intersections (N.N. Primochkina)	71

Chapter 2 A.M. Gorky and the Media Space

M. Gorky: from “Chronicle” to “Conversation” (A.L. Semenova).	99
M. Gorky and F.A. Brown: Based on the Materials of the Archive of A.M. Gorky in the Institute of World Literature (Yu.U. Kaskina).	113
About the Work of Z.I. Grzhebin Publishing House in Germany (E.N. Nikitin)	134
M. Gorky and the German Publishing House “Malik”: to the History of Relationships (E.R. Matevosyan)	147

Chapter 3 A.M. Gorky and German Philosophy

M. Gorky's Perception of the Idea of “The Decline of Europe” by O. Spengler in the German Period (O.V. Shugan).	163
---	-----

German Philosophers in the Personal Library of A.M. Gorky (Museum of A.M. Gorky IWL RAS) (S.M. Demkina)	173
Aesthetics of Prose of the German Period by A.M. Gorky: the “Discussion” with Immanuel Kant in “The Story about a Novel” (1924) (M.M. Ozhigova) . . .	187

Chapter 4

A.M. Gorky and His Environment

A.M. Gorky and V.B. Shklovsky: about the Story of their Personal and Creative Relationships in Germany (O.S. Kudlay)	205
“S kosmóyu dymnoyu na lbu”: Portraits of A.M. Gorky in the Works of V.F. Khodasevich (D.A. Suchoeva) . . .	222
M. Gorky and the German Writer Theodor Plivier (L.V. Sumatohina)	234

Chapter 5

Perception of A.M. Gorky’s Artistic and Aesthetic Ideas in Germany

Maxim Gorky as Hero of the Social and the Aesthetic Utopia of Georg Lukács (A.I. Zherebin)	245
Perception of M. Gorky’s Story “Mother” in Germany of the First Third of the XX Century (Yu.M. Egorova) . . .	259
Eternal Themes and Different Ages: what Remains of Gorky’s “Mother” after Meeting B. Brecht (M.V. Romashkina)	271

Chapter 6

A.M. Gorky before Germany

Before Departure: “Iuzhnyi krai” about M. Gorky (1914–1917) (E.M. Zakharova)	289
--	-----

Глава 1

А.М. Горький в социокультурном пространстве Германии

ИМЯ А.М. ГОРЬКОГО НА КУЛЬТУРНОЙ КАРТЕ ГЕРМАНИИ

© 2023 г. Т.В. Кудрявцева

Статья подготовлена в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 21-18-00131 «А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве»).

Аннотация: В статье представлены свидетельства пребывания А.М. Горького в Германии в 1921–1923 гг. Прослеживается, как его личность и творческое наследие, некогда ставшее принадлежностью мировой литературы, воспринимается в чужом культурном пространстве XXI в., а именно спустя столетие после пребывания Горького в Германии в начале XX в. К анализу привлекаются как материальные объекты культуры (музейные комплексы, памятники и пр.), ономастическая геолокация, так и элементы мемориальной культуры, имеющие отношение к письменным источникам. Это воспоминания современников, исследования и т.д.

Ключевые слова: Горький, Германия, мемориальная культура, рецептивная эстетика.

Информация об авторе: Тамара Викторовна Кудрявцева — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: muchina@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8279-8639>

Для цитирования: Кудрявцева Т.В. Имя А.М. Горького на культурной карте Германии // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 13–32. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-13-32>

A.M. GORKY'S NAME ON THE CULTURAL MAP OF GERMANY

© 2023. Tamara V. Kudryavtseva

Acknowledgements: This article was prepared in A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences as part of the Russian Science Foundation grant (RSF, project № 21-18-00131, "A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space").

Abstract: The article presents evidence of A.M. Gorky's stay in Germany in 1921–1923. It is traced how his personality and creative heritage, which once became part of world literature, is perceived in a foreign cultural space of the XXI century, namely, a century after Gorky's stay in Germany in the early twentieth century. The analysis involves material cultural objects (museum complexes, monuments, etc.), onomastic geolocation and elements of memorial culture related to written sources (memoirs of contemporaries, research etc.).

Keywords: Gorky, Germany, memorial culture, receptive aesthetics.

Information about the author: Tamara V. Kudryavtseva, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: muchina@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8279-8639>

For citation: Kudryavtseva, T.V. "A.M. Gorky's Name on the Cultural Map of Germany." *A.M. Gor'kii v Germanii: pisatel' i ego okruzhenie v sotsiokul'turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 13–32. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-13-32>

Как известно, А.М. Горький два раза посещал Германию. В 1906 г. писатель провел двадцать дней (февраль–март) в Берлине перед отъездом в Америку. Во время пребывания в столице Германии Горький встречался с многими представителями немецкой культуры, с которыми был знаком лич-

но или ранее поддерживал письменные контакты, а также получил возможность завязать новые знакомства (Г. Гауптман, А. Бебель, К. Каутский, К. Либкнехт, М. Рейнхардт и др.).

Здесь писатель, по его собственному признанию, впервые выступил перед немецкой публикой в театре, присутствовал на постановке своих пьес и т. д.¹

Второй и более продолжительный визит писателя в эту страну (начало ноября 1921 — конец ноября 1923) также начался с Берлина. Горький провел в столице Германии около месяца, однако на этот раз состоялась лишь одна встреча писателя с немецкими интеллектуалами, а именно с режиссером Максом Рейнгардтом².

С декабря 1921 по апрель 1922 г. Горький лечился в легочном санатории в местечке Санкт-Блазиен в Шварцвальде. О том, что писатель рассматривался германским правительством как лицо далеко не частное, свидетельствует письмо в адрес Советского Постоянного представительства в Берлине от 13 декабря 1921 г. из Министерства иностранных дел Германии, в котором «окружной службе Санкт-Блазиена предписано оказывать А.М. Горькому во время его пребывания в Шварцвальде все допустимые законом льготы»³.

В Санкт-Блазиене, не в последнюю очередь благодаря немецким СМИ («Одoleвают журналисты»)⁴, писатель оказывается в центре внимания немцев: «<...> Одoleли немцы! <...> они приходят ко мне со словесными, писанными и печатными проектами <...>. Тут и Эдвин Гюнт, и д-р Оффендерфер, и Густав Лаубе и т. д. и прочие, — имен их я не [знаю] помню, значения — не знаю⁵. Немцы разных возрастов и профессий⁶ <...> приходит в гости местный учитель. <...> Являются разные шиллероподобные люди с длинны-

¹ См.: Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1999. Т. 5. С. 145, 147, 153.

² См.: Летопись жизни и творчества А. М. Горького. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Вып. 3: 1917–1929. С. 256.

³ Там же. С. 257.

⁴ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13. С. 273.

⁵ Там же. С. 269.

⁶ Там же. С. 272.

ми волосами и языками и говорят, что необходимо спасти человечество⁷. <...> Звонят ко мне из Базеля, звонят из Кельна, — все желают разговаривать со мной, и все “доктора философии”»⁸.

Горький получает письма от знакомых и незнакомых ему адресантов: «Получаю кучу писем от немцев»⁹; «Пишут письма о необходимости создания международного языка»¹⁰; «Р. Зейдлер, о необходимости немецко-русского союза — Э. Пискатор»¹¹. От объединения «Помощь артистов голодающим в России» Горький получает письмо, в котором сообщается о подготовке большого театрального представления и аукциона произведений немецких художников в пользу России¹².

19 декабря 1921 г. писатель получил приглашение присутствовать на лекции для рабочих на тему о России и русской литературе во Фрайбургском университете¹³.

В январе 1922 г. издатель журнала «Вестник св. Грааля» («Der Gralsbote») Вальтер Метт пишет Горькому письмо с предложением сотрудничать с «Вестником»: «Я бы хотел, чтобы взоры людей <...> обратились к <...> объединяющему: неизменному и вечному духовному, которое делает их братьями»¹⁴. Горький ответил согласием: «С идеей организации интеллектуальных сил Европы <...> в 1911 году выступали Ваши талантливые соотечественники профессор Вильгельм Оствальд и прекрасный поэт Рихард Демель. <...>. [Когда-то мощное сердце Фихте прозвучало колоколом возрождения для Вашей страны <...>. Я искренно желаю Вам успеха и, по мере сил, готов содействовать Вашей работе <...>»¹⁵.

⁷ Там же. С. 275.

⁸ Там же. С. 277.

⁹ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 19.

¹⁰ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2002. Т. 13. С. 275.

¹¹ Там же. С. 628.

¹² См.: Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Вып. 3: 1917—1929. С. 259.

¹³ Там же. С. 258.

¹⁴ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 13. С. 364.

¹⁵ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 14. С. 13–14.

В январе 1922 г. писатель получает также письмо от Общества друзей Музея Гёте из Франкфурта-на-Майне с предложением принять участие в проведении «Недели Гёте» и просьбой прислать несколько строк для юбилейного издания «Недели Гёте»¹⁶. Горький откликается на приглашение письмом в редакцию газеты «Frankfurter Zeitung»: «Вы предлагаете мне написать несколько строк о Гёте. Что я скажу? Я живу на земле Европы, а эта земля еще не впитала в себя кровь миллионов людей и уже снова встает над нею грозный призрак кровавой бойни. <...> Европе грозит гибель в крови и хаосе. <...> Нации, родившие Данте, Шекспира, Вольтера, Гёте, Толстого, мечтают о том, как хорошо иметь вождями Атиллу, Чингис-Хана, Тамерлана. Если существует Дьявол или какой-то другой творец бессмысленного зла, — он, торжествуя, хохочет. <...> И тени <...> прекрасного Шиллера и великого Гёте <...> художников слова <...> которые создали идеи гуманизма <...> слушая злой смех Дьявола, грустно думают: — Да, мы напрасно творили великое!»¹⁷

Уже находясь в Германии, Горький продолжает следить за ситуацией, которая сложилась в Советской России вследствие неурожая 1921 г. В письме в редакцию газеты во Фрайбурге он, в частности, благодарит газету, объявившую о сборе средств голодающим в России, за поддержку его инициативы¹⁸ (как известно, 6 июля 1921 г. Горький пишет открытое письмо Герхарту Гауптману, в котором просит немецкого писателя, а вместе с ним и «всех честных людей Европы и Америки о немедленной помощи русскому народу»)¹⁹.

Это письмо — одно из многих обращений Горького о помощи голодающим России. Так писатель откликается на письмо секретаря Австрийского бюро помощи деятелей искусств русским голодающим, который просит Горького обратиться с воззванием к австрийской интеллигенции²⁰.

¹⁶ См.: Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Вып. 3: 1917–1929. С. 268.

¹⁷ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 14. С. 23–24.

¹⁸ Там же. С. 24–25; 374–375.

¹⁹ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 13. С. 203–204.

²⁰ См.: Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Вып. 3: 1917–1929. С. 272.

Кроме того, Горький пишет для сборника «Россия и мир» («Rußland und die Welt», 2022), посвященного проблемам международной помощи голодающим в России, статью «Если Европа не образумится» («Wenn Europa sich nicht besinnt»)²¹. Книга вышла в берлинском издательстве «Политика и экономика» («Verlag für Politik und Wirtschaft»). Один из авторов книги и активный участник акции Гауптман позже вспоминал: «Выпуском этой книги мы ответили на призыв Максима Горького к ученым и писателям всего мира помочь молодой Советской республике... Собрана была солидная по тем временам сумма; мы купили медикаменты и отправили их пароходом в революционную Россию» (из беседы Гауптмана с группой советских военных корреспондентов, 1945 г.)²².

О поддержке инициированной Горьким акции помощи голодающему народу России свидетельствовало также выступление писателя Бернхардта Келлермана в Берлинской филармонии на вечере в пользу голодающих России о взаимодействии русской и немецкой культур. Имя Горького прозвучало среди имен других русских писателей, сыгравших особенно важную роль в духовной жизни немецкого народа²³.

О внимании к творчеству Горького в Германии в тот период свидетельствует предложение издателя Курта Вольфа издать книги Горького²⁴, а также факт экранизации в Германии повести «Трое» и положительная оценка фильма²⁵.

В то же время Горький получает письмо из Фрайбурга от компании «Express-Film» и редакции журнала «День в кино» («Der Tag in Film») с просьбой дать согласие на выпуск в свет

²¹ Там же. С. 272–273.

²² Вайс Г. Поездка к Гергарту Гауптману. Из блокнота журналиста // «Нева». 1956. № 6. С. 172–173. Цит. по: Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Вып. 3: 1917–1929. С. 276.

²³ Там же. С. 258.

²⁴ См.: Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 14. С. 30.

²⁵ См.: Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Вып. 3: 1917–1929. С. 268; Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 14. С. 382.

документального фильма о нем, съемки которого проводились в Санкт-Блазиене без ведома писателя. Компания обещает прислать ему на просмотр оттиск фильма²⁶.

Несмотря на активную деятельность писателя во время его лечения в Санкт-Блазиене, зафиксированные свидетельства о его пребывании там (музеи, мемориальные доски, названия и пр.) отсутствуют (архивы и публикации в местных СМИ мало исследованы). В основном память о писателе ограничивается упоминаниями в культурно-исторических справочниках и туристических проспектах об этом курорте²⁷.

3 апреля 1922 г.²⁸ Горький покидает Санкт-Блазиен и направляется в Берлин. На этот раз он пробыл в столице почти два с половиной месяца. Здесь его взаимоотношения с немецкими интеллектуалами связаны с учреждением журнала «Путник» («Беседа»), в котором предполагалось публиковать критические обзоры литературы Франции, Германии и Англии²⁹. В числе сотрудников Горький хотел видеть А. Эйнштейна, Э. Штейнаха, Т. Манна, Б. Келлермана и др. немецких интеллектуалов³⁰. В частности, в журнале был опубликован обзор известного немецкого историка литературы А. Лютера «Немецкая литература последних лет»³¹.

Контакты Горького в эти месяцы обусловлены также продолжающимися откликами на его призывы оказать помощь голодающим России. В апреле 1922 г. Горький получает пись-

²⁶ См.: Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Вып. 3: 1917–1929. С. 274.

²⁷ См. также: Baur B. Letztes Jahr in St. Blasien: Die Geschichte eines Kurortes und seiner prominenten Gäste. Norderstedt: BoD — Books on Demand, 2021; Mutter Th. Lenin hat für St. Blasien geworben // Badische Zeitung. 28.11.2017. URL: <https://www.badische-zeitung.de/lenin-hat-fuer-st-blasien-geworben--145756148.html>.

²⁸ См.: Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Вып. 3: 1917–1929. С. 277.

²⁹ См.: Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 14. С. 46.

³⁰ См.: Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Выпуск 3: 1917–1929. С. 278; Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма. Т. 14. С. 45.

³¹ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 14. С. 395.

мо от представителя Австрийского бюро помощи деятелей искусств, в котором сообщается, что 1 мая все театры Вены будут играть в пользу голодающих России. Сам Горький откликается на эту информацию воззванием к австрийской общественности о помощи голодающим³². Зримых следов кратковременного пребывания Горького в Берлине не сохранилось.

В начале второй декады июня 1922 г. Горький отправляется поправлять здоровье на курорт Герингсдорф (остров Узедом в Балтийском море), где пробудет до конца сентября того же года.

Во время пребывания в Герингсдорфе писатель получает несколько предложений о сотрудничестве от немецкоязычных СМИ. В частности, в июне 1922 г. один из берлинских корреспондентов сообщает Горькому о желании венской социалистической газеты «Вечер» («Der Abend») сотрудничать с ним. К письму был приложен номер газеты с копиями отрывков из произведений писателя на немецком языке³³. О том, что интерес к творчеству Горького не был случайным, свидетельствует и письмо из редакции центрального органа Коммунистической партии Германии, газеты «Красное знамя» («Rote Fahne»), в котором речь идет о положительной оценке Горького как человека и художника слова³⁴.

В августе того же года Горький получает письмо от немецкого литературоведа, редактора берлинского издательства С. Фишер (S. Fischer), а с 1922 г. — старшего редактора журнала «Новое обозрение» («Neue Rundschau») — Рудольфа Кайзера с просьбой выступить на страницах издаваемого им журнала³⁵.

Горький жил в Герингсдорфе на вилле Ирмгард (Villa Irmgard), которую он арендовал у почитателя таланта Горького берлинского юриста Фридриха Бехера. После 1945 г. остров

³² См.: Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 3: 1917–1929. С. 278; Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 14. С. 278.

³³ См.: Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 3: 1917–1929. С. 285.

³⁴ Там же. С. 286.

³⁵ Там же. С. 290.

Узедом вошел в зону влияния СССР, а затем — в состав ГДР. По инициативе советского коменданта острова в 1948 г. в здании виллы был открыт музей Горького (Maxim-Gorki-Museum)³⁶. После воссоединения Германии в 1989 г. вилла получила статус краеведческого музея и мемориала («Heimatmuseum und Gedenkstätte für Maxim Gorki im Ostseebad Heringsdorf»).

В музее можно осмотреть помещения, где жил и работал Горький, восстановлена обстановка тех лет, полностью сохранен облик гостиной, сохранилась оригинальная мебель. В кабинете Горького посетители могут видеть автографы, памятные вещи, книжные публикации писателя на немецком языке, изданные в Германии. В выставочных залах хранятся портреты Горького. На здании виллы установлена мемориальная доска, напоминающая о том, что «в 1922 году здесь проживал великий пролетарский русский писатель Максим Горький». Один из главных экспонатов музея — книга отзывов. В ней имеется запись Горького, сделанная в день его отъезда из отеля: «И несмотря ни на что, все-таки люди, со временем, будут жить, как братья» («Und dennoch und trotz alledem werden die Menschen eines Tages wie Brüder leben»). Эти слова можно видеть на одной из стен музея³⁷. Содержание записи, по свидетельствам очевидцев, отражает реакцию Горького на его встречу с больными детьми герингсдорфских бедняков, положение которых являло резкий контраст с роскошной жизнью курортников³⁸.

В 1952 г. имя Горького было присвоено местной гимназии (Maxim-Gorki-Gymnasium), а перед зданием школы установили памятник писателю. После воссоединения страны произошло слияние гимназии с другим образовательным учреждением, имя Горького убрали из названия новой школы,

³⁶ См.: Museum Villa Irmgard URL: <https://www.heringsdorf.m-vp.de/museum-villa-irmgard>.

³⁷ Künzel T. Auf Usedom: Gorki-Haus in der Gorki-Straße // Moskauer deutsche Zeitung. 04.11.2021 URL: <https://mdz-moskau.eu/auf-usedom-gorki-haus-in-der-gorki-strasse/>.

³⁸ См. подпр.: Finke B. Villa Irmgard: Maxim-Gorki-Str. 13 (Heringsdorf) // Finke B. Villen in den Kaiserbädern auf Usedom. Berlin: CULTURCONmedien, 2008, S. 26–27; Meerkatz C. Für Gorki war schon die Villa Poesie // Usedom exclusive, 2000. Bd. 1, no. 2, S. 36–37.

памятник переместили к зданию виллы Ирмгард. В память о пребывании Горького в Герингсдорфе улица Лангенбергвег (Langenbergweg), на которой стоит вила, была переименована в улицу Максима Горького (Maxim-Gorki-Straße). Имя Горького носит также библиотека в Герингсдорфе и пятизвездочный апартамент-отель «Парк Горького» («Ostseeresidenz Gorki-Park»).

25 сентября 1922 г. Горький переехал в нижнелужицкое курортное местечко Бад Сааров (Bad Saarow) недалеко от Берлина. Писатель поселяется в «Новом санатории» («Das Neue Sanatorium am Kurpark») на озере Шармютцель. Непосредственных следов пребывания Горького в Саарове, как и в Берлине, почти не осталось. Однако местные жители до сих пор хранят воспоминания своих земляков о писателе, который «бродил с тростью по берегу озера и в сосновом бору в своем широком темном пальто и мягкой шляпе», о том, что он «любил сидеть в кондитерской “Балыц” на Вокзальной площади или вблизи “винного ресторанчика Альтмана” сыграть партию в шахматы с сааровчанами»³⁹. Здание санатория, где Горький занимал целый этаж, снесли в конце 1989 г., однако на месте, где располагался отель, была установлена памятная стела с бюстом писателя.

О пребывании писателя в Саарове напоминает деревянный дом в псевдорусском северном стиле, построенный в 1920 г. для семьи берлинского банкира Курта Ландсберга и носивший название «Вилла Путти» («Villa Putti»). Бывал ли там Горький, неизвестно. 19 декабря 1972 г. по случаю 50-летия образования СССР в Саарове был открыт Мемориальный комплекс Максима Горького (Maxim-Gorki-Gedenkstätte Saarow-Pieskow), включавший библиотеку, насчитывающую 8000 тысяч книг Горького на разных языках. «Вилла Путти», которая вошла в состав комплекса, получила имя писателя (Gorki-Haus). Во времена ГДР мемориал встречал ежегодно более 10000 тысяч по-

³⁹ См. подпр.: Stürmer A. Das neueste Heft «Die Mark Brandenburg». Kurgast Gorki und andere Russen // Märkische Allgemeine. 08.04.2018. URL: <https://www.maz-online.de/kultur/kurgast-gorki-und-andere-russen-V2M2J6MLVNYQRCDWJZ2BVR5GBI.html>.

сетителей. О мемориальном комплексе в Саарове можно прочитать, в частности, в статье Хельги Гебхардт 1983 г.⁴⁰

В свое время основатель музея Р. Ульрих признавался: «Мы стараемся пробуждать интерес к творчеству Горького, особенно у молодежи <...>. Устраиваем тематические экскурсии, учитывая возраст наших посетителей, а зимой собираем ребят на “литературные встречи у самовара”. Дети вместе с нами размышляют о том, какую роль играют в жизни литература и искусство, которым так преданно служил русский писатель»⁴¹.

В 1999 г. дом вернулся к законным собственникам. Наследники Ландсберга вернулись из Бразилии, куда он в 1938 г. бежал с семьей от нацистов. Позже дом был продан, и в настоящее время здесь размещается мини-отель, который называется именем Горького (Villa Maxim-Gorki-Haus). Книжный фонд бывшего музея приняла городская библиотека Саарова. Однако у постояльцев есть возможность познакомиться с творчеством Горького по книгам, стоящим на специальной полке. С некоторыми первыми изданиями произведений Горького жители и посетители Саарова могут познакомиться в открытом в 2016 г. «Литературном кабинете» Союза содействия развитию искусства и сохранению исторического наследия «Literaturkabinett des Fördervereins»⁴². В Литературном кабинете также собрана коллекция графических работ, имеющих отношение к творчеству писателя, аудиодокументы, фотографии и слайды. К юбилейным датам, связанным с жизнью Горького, устраиваются выставки. В частности, большая выставка была организована к 150-летию юбилею писателя (150 Jahre Maxim Gorki)⁴³. Кроме того, в дни памяти Горького здесь прошел научный коллоквиум.

⁴⁰ Gebhardt H. Zehn Jahre Maxim-Gorki-Gedenkstätte in Bad Saarow-Pieskow // Zeitschrift für Slawistik, no. 2, 1983, S. 918–920.

⁴¹ Цит. по: Чудов В. Максим Горький — вдали от родины // Литература. Отражение внутреннего мира людей. URL: <https://ubeditelno.ru/articles/art002.shtml>.

⁴² См.: Literaturkabinett. URL: <https://www.foerderverein-bad-saarow.de/Literaturangebote/Literaturkabinett/>.

⁴³ См.: Ausstellungseröffnung im SaarowCentrum // Spreebote online. 28.03.2018. URL: <https://spreebote-online.de/kultur/150-jahre-maxim-gorki/>.

О писателе в Саарове напоминает школа, которая носит его имя. На школьном дворе в 1969 г. был установлен памятник, выполненный скульптором Герхардом Гросманом в виде мозаики из мейсенского фарфора. Писатель изображен в окружении детей, на фоне мотивов «Песни о буревестнике». На официальном сайте школы имеется страничка, посвященная Горькому, где размещена его биография, портрет и несколько высказываний писателя на немецком языке:

«Je mehr ich las, umso näher brachten die Bücher mir die Welt, um so heller und bedeutsamer wurde für mich das Leben» («Чем больше я читал, тем более книги роднили меня с миром, тем ярче, значительнее становилась для меня жизнь». — «Как я учился»).

«Die Wissenschaft ist der Verstand der Welt, die Kunst ihre Seele» («Как наука является разумом мира, так искусство — сердце его». — «Несвоевременные мысли»).

«Es genügt nicht das Bestehende darzustellen, notwendig ist an das Erwünschte und an das Mögliche zu denken» («Мало изобразить сущее, необходимо помнить о желаемом и возможном». — «Беседа с молодыми»)⁴⁴. На заглавной странице сайта размещены слова Горького из пьесы «На дне» «Der Mensch kann den Menschen zum Guten führen» («Человек — может добру научить»).

Эти, равно как и многие другие изречения Горького из его публицистических статей, а также цитаты из художественных произведений, стали крылатыми фразами, и в наши дни, прежде всего благодаря немецким интернет-сайтам, доступны носителям немецкого языка во всем мире, что свидетельствует о высокой актуальности сегодня когда-то сказанного русским писателем. Так, слова Горького из «Беседы с молодыми», получившие широкую известность в немецкоязычном культурном пространстве в немалой степени благодаря Эрнсту Блоху, который взял ее в качестве эпиграфа к главе «Карл Маркс и человечность; мате-

⁴⁴ Maxim Gorki — Schriftsteller 1868–1936). URL: <http://www.gorkischule.de/>.

риал надежды» («Karl Marx und die Menschlichkeit; Stoff der Hoffnung») к своему сочинению «Принцип Надежда»⁴⁵, превратилась в крылатую фразу, без которой практически не обходится ни одно немецкоязычное современное исследование по социальной утопии.

Одним из важных свидетельств пребывания Горького в Саарове служит встреча писателя зимой 1923 г. с австрийским журналистом и писателем Э.Э. Кишем. О своем знакомстве с Горьким он сообщает в статье 1928 г., опубликованной в газете немецких коммунистов «Красное знамя» по случаю шестидесятилетнего юбилея Горького: «В Саарове-Пискове на дворе стояла зима, виллы спали за опущенными ставнями, а озеро Шармюцель не бороздили ни парусные лодки, ни яхты.

В санатории Саарова вечный странник Максим Горький занимал квартиру из двух маленьких комнат, в которых он казался таким посторонним, и которые имели вид такого временного пристанища, как будто их обитатель пребывал в позе прыжка, готовый кочевать дальше, как тридцать лет назад, когда он бродяжничал по степям, ночевал в стогах и знал людей, которые были готовы убивать друг друга за гривенник, и тех, что были готовы биться насмерть из-за бабы, даже если речь шла об отце и сыне.

В Саарове тогда срубили в садах все березы, потому что не было угля, а с озера поднимался туман, скрывавший окрестности. Зимой и в тумане все они похожи. Здесь, под Берлином местность напоминала ландшафт под Ростовом-на-Дону.

Рабочий стол Горького был завален книгами, журналами и рукописями, внешность стоявшего писателя была далека от того образа, который сложился в среде западной молодежи. В дни нашего знакомства с «Ночлежкой» было модным представлять Пепла в облике писателя, одетым в яркую, с застежкой на плече полотняную рубаху, которую окрестили тогда «блузой Горького», широкую, мешковатую, в шароварах и вы-

⁴⁵ Bloch E. *Das Prinzip Hoffnung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1959. S. 1602.

соких сапогах. Внешность Горького была далека от этого образа. Это был высокий худой человек, с седой головой и усами, с усталыми большими глазами на впалом лице»⁴⁶.

Для исследователей личности и творчества Горького, прежде всего его взаимоотношений с русской эмиграцией и позиции писателя по поводу событий тех лет в России, немаловажное значение имеет объяснение Кишем причин, побудивших его отправиться на встречу с Горьким:

«В любое другое время предложение посетить Максима Горького меня бы ужасно обрадовало. Но тогда, в январе 1923 г. он уехал из Советской России, которой угрожала опасность, и именно тогда в капиталистической прессе мелькали многочисленные непроверенные высказывания Горького о зверствах в Москве, о злоупотреблениях властью со стороны большевиков и т. п.»⁴⁷.

В ходе беседы у Киша не осталось сомнений в том, что отъезд писателя за границу не был демонстрацией «против советской власти»⁴⁸.

Киш принадлежал к поколению, для которого «Горький был фигурой номер один. <...> Входявшие в жизнь на рубеже веков, из классики сразу окунулись в рассказы Горького; на месте напыщенных королевских особ прошлых времен нам вдруг явились голодающие рабочие и странные бродяги, вместо сверкающих золотом тронных залов мы попали в подвалы, ночлежки, увидели ночные пристани, бескрайние степи. Это не было простой сменой кулис — нет, стилизованное прошлое сменилось реальным настоящим, героизированная фантазия — голой правдой»⁴⁹. Поэтому для Киша, как он пишет, все, кто «находился под впечатлением этого юношеского переживания и два десятилетия хранили Горькому

⁴⁶ Цит. по изд.: Kisch E.E. *Bekanntschaft mit Maxim Gorki* // Kisch E.E. *Mein Leben für die Zeitung 1926–1947. Journalistische Texte* 2. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1983. S. 113.

⁴⁷ Ibid. S. 111.

⁴⁸ Ibid. S. 112.

⁴⁹ Ibidem.

верность <...> были счастливы, что Горький не был в рядах предателя Керенского <...> выступил на стороне пролетариата <...>»⁵⁰.

О пребывании Горького в Саарове свидетельствует небольшое биографическое исследование специалиста по русской литературе Кристи Эберт «Максим Горький в Саарове. 1922/23».

Среди прочего она пишет и об обстоятельствах визита к Горькому Э.Э. Киша, напоминая об июльском процессе 1922 г. против эсеров после покушения на Ленина и о неприятии писателем большевистского террора как такового⁵¹. Как отмечает рецензент книги, политик и редактор журнала «Листок» («Das Blättchen») Вольфганг Брауэр, «визит Киша носил контрольный характер, а его статья в коммунистической прессе появилась не случайно в начале второго показательного процесса за несколько лет до «большой чистки». В 1923 году он хотел выяснить <...> действительно ли Горький окружил себя «эмигрантским отребьем» и стал противником диктатуры пролетариата»⁵².

В связи с ухудшением состояния здоровья в начале июня 1923 г. Горький по настоянию врачей едет в курортное местечко Гюнтерсталь близ Фрайбурга в Шварцвальде, где он пробудет до конца ноября того же года. Переезд писателя именно во Фрайбург, возможно, был связан с предложением Фрайбургского университета, поступившим Горькому еще в 1921 г., прочитать доклад о России и о русской литературе. Свидетельств того, была ли прочитана лекция, нет. Выбор писателя мог также объясняться тем, что во Фрайбурге был создан «Университетский комитет помощи голодающим России» («Akademisches

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ См.: Ebert K. Maxim Gorki in Saarow 1922/23. Frankfurt-an-der Oder: Verlag für Berlin-Brandenburg, 2019.

⁵² Brauer W. Gorki in Saarow // Das Blättchen. N 22. 2019. URL: <https://das-blaettchen.de/2019/10/bemerkungen-257-50066.html>. О пребывании Горького в Саарове см. также: Ausstellungen zur Geschichte von Bad Saarow: der Schriftsteller Maxim Gorki. Bad Saarow: Förderverein Kurort Bad Saarow e.V., 2008. 1 CD.

Hilfskomitee für das hungernde Russland»). О пребывании Горького в Гюнтерстале имеется информация в книге австрийской славистики, профессора Фрайбургского университета Э. Шорэ Elisabeth Cheauré «“Русский” Фрайбург: люди — места — следы»⁵³.

Писатель жил сначала в гостинице Кибург (Hotel Kyburg), потом снимал дом на Деревенской улице (Dorfstraße). Здание отеля не сохранилось, а дом выдержал испытание временем и был отреставрирован. О пребывании в нем Горького в 1923 г. ничего не напоминает. Однако одна из улиц Фрайбурга носит имя Горького.

Большую работу по увековечению памяти писателя в наши дни ведет житель Фрайбурга, один из членов местного краеведческого общества Вальтер Хокенйос, выступающий с многочисленными лекциями и докладами по всей Европе⁵⁴.

В годы пребывания Горького в Германии продолжали издаваться его произведения в переводе на немецкий язык. В конце 1923 г. издательство Курта Вольфа совместно с издательством Ладыжникова выпустило восьмитомное собрание сочинений писателя⁵⁵. В общей сложности в разных издательствах увидели свет более 10 сборников рассказов Горького на немецком языке. Среди них — «Zerstörung der Persönlichkeit» (Dresden: R. Kaemmerer, 1922), «Ein junges Mädchen» (Berlin: Ullstein, 1922), «Die Geschichte eines Verbrechens» (Stuttgart: Julius Hoffmann, 1922), «Die Geschichte eines Bäckergehilfen», «Der Vagabund», «Der rote Waska u. a. Novellen», «Ein wildes Mädchen», «Gesunkene Leute», «Das Ehepaar Orlow» (Berlin-Grünwald: Berliner Buchversand, 1923) и др. Свидетельством неослабевающего интереса немецких издательств к творчеству Горького в наши дни служит количество переизда-

⁵³ Cheauré E. Das “russische” Freiburg: Menschen – Orte – Spuren. Freiburg: Rombach Druck- und Verlagshaus, 2020.

⁵⁴ См., в частности: Hockenjos K. Maxim Gorki im Schwarzwald // Schau-ins-Land: Jahresheft des Breisgau-Geschichtsvereins. Freiburg, 2013. Bd. 132. S. 107–123.

⁵⁵ Gorki M. Gesammelte Werke. Erste Reihe in acht Bänden. Berlin; München: Kurt Wolff-Verlag, Ladyschnikow-Verlag, 1923.

ний его произведений в объединенной Германии (только в 2022 г. увидели свет около тридцати книжных публикаций писателя).

Об актуальности присутствия фигуры Горького в современном культурном пространстве Германии помимо востребованности его творчества на книжном рынке, сохранения памяти о писателе в местах его пребывания служат примеры ономастической мемориализации вне зависимости от реальной привязки имени, которое присваивается тому или иному объекту материальной или духовной культуры, к определенному географическому ареалу. Именно последнее служит свидетельством канонизации Горького, имя которого прочно вошло в коллективное сознание немцев.

Именем Горького в разное время называли в Германии (прежде всего в ГДР) улицы, культурные, образовательные организации и учреждения и прочее. Имя писателя сегодня носят улицы в городах бывшей ГДР — Магдебурге, Дрездене, Галле, Ростоке и др. Примечательно, что первая улица имени Горького появилась во французском секторе Берлина в 1947 г. Имя Горького сохранила молодежная турбаза (Jugendherberge Maxim Gorki) в Веймаре.

Самый известный оним в немецком языке, в состав которого входит имя Горького, — знаменитый берлинский Театр Максима Горького (Maxim-Gorki-Theater), открытый в 1952 г. в столице ГДР в здании основанного 1791 г. старейшего концертного зала Берлина (Sing-Akademie zu Berlin).

Годом раньше театр имени Максима Горького (Maxim-Gorki-Theater) открылся на месте бывшего Оперного театра в Магдебурге. В 1997 г. театр получил новое название — Столичный театр земли Заксен-Анхальт (Theater der Landeshauptstadt).

В 1960 г. в Восточном Берлине был основан любительский рабочий театр имени Максима Горького (Arbeitertheater «Maxim Gorki»). После воссоединения страны театр продолжает существовать под названием «Любительский театр имени Максима Горького» (Amateurtheater Maxim Gorki-tik).

В 1951 г. имя писателя получила одна из первых типографий Германии (Fürstlich Sächsischer Hofbuchdruckerei zu Altenburg). Она была основана в 1594 г. в саксонском городе Торгау, спустя несколько лет переместилась в тюрингский город Альтенбург, а спустя столетия, после образования ГДР, стала государственной типографией (Betrieb und VEB Druckhaus «Maxim Gorki» Altenburg). В 1993 г., после воссоединения Германии, имя Горького убрали из названия предприятия, перешедшего в частные руки. Документы, относящиеся к периоду, когда типография носила имя писателя, хранятся в Государственном архиве земли Тюрингия.

Во времена ГДР именем Горького назывались и библиотеки. В 1951 г. была открыта существующая до сих пор библиотека имени Максима Горького (Maxim-Gorki-Bibliothek) в Альтенбурге. Имя писателя носила городская библиотека города Айслебен вблизи Галле, открытая еще в 1854 г. После воссоединения в связи с объединением с другими библиотеками название было утрачено.

В ГДР имя Горького получили многие образовательные учреждения. Помимо упомянутых следует назвать основанную в 1694 г. Королевскую гимназию имени Фридриха во Франкфурте-на-Одере (Königliches Friedrichs-Gymnasium zu Frankfurt-an-der Oder). До 1992 г. она называлась Политехническая школа имени Максима Горького (Polytechnische Oberschule (POS) Maxim Gorki), а затем была переименована в Городскую гимназию III имени Фридриха (Städtisches Gymnasium III – Friedrichsgymnasium). В 2008 г. это образовательное учреждение было закрыто. С 1949 по 1959 г. в Дрездене (ГДР) находился интернациональный детский дом имени Максима Горького (Maxim-Gorki-Heim, MGH), в котором воспитывались дети, вывезенные с территории военных действий во Вьетнаме и Корее.

Список литературы

1. Вайс Г. Поездка к Гергарту Гауптману. Из блокнота журналиста // «Нева». 1956. № 6. С. 172–173.
2. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1999. Т. 5. 578 с.
3. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13. 739 с.
4. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. 823 с.
5. Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Вып. 3: 1917–1929. 767 с.
6. Чудов В. Максим Горький — вдали от родины // Литература. Отражение внутреннего мира людей. URL: <https://ubeditelno.ru/articles/art002.shtml> (дата обращения: 05.10.2022).
7. Ausstellungen zur Geschichte von Bad Saarow: der Schriftsteller Maxim Gorki. Bad Saarow: Förderverein Kurort Bad Saarow e.V., 2008. 1 CD.
8. Ausstellungseröffnung im Saarow Centrum // Spreebote online. 28.03.2018. URL: <https://spreebote-online.de/kultur/150-jahre-maxim-gorki/> (дата обращения: 12.10.2022).
9. Baur B. Letztes Jahr in St. Blasien: Die Geschichte eines Kurortes und seiner prominenten Gäste. Norderstedt: BoD — Books on Demand, 2021. 206 S.
10. Bloch E. *Das Prinzip Hoffnung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1959. S. 1602.
11. Brauer W. Gorki in Saarow // Das Blättchen. , no. 22, 2019. URL: <https://das-blaettchen.de/2019/10/bemerkungen-257-50066.html> (дата обращения: 05.10.2022).
12. Cheauré E. *Das “russische” Freiburg: Menschen – Orte – Spuren*. Freiburg: Rombach Druck- und Verlagshaus, 2020. 450 S.
13. Ebert K. Maxim Gorki in Saarow 1922/23. Frankfurt-an-der Oder: Verlag für Berlin-Brandenburg, 2019. 32 p.
14. Finke B. Villa Irmgard: Maxim-Gorki-Str. 13 (Heringsdorf) // Finke B. Villen in den Kaiserbädern auf Usedom. Berlin: CULTURCONmedien, 2008. S. 26–27.
15. Gebhardt H. Zehn Jahre Maxim-Gorki-Gedenkstätte in Bad Saarow-Pieskow // Zeitschrift für Slawistik 28 (1983). S. 918–920.
16. Gorki M. *Gesammelte Werke*. Erste Reihe in acht Bänden. Berlin; München: Kurt Wolff-Verlag, Ladyschnikow-Verlag, 1923. Bd. 1–8.
17. Hockenjos K. Maxim Gorki im Schwarzwald // Schau-ins-Land: Jahresheft des Breisgau-Geschichtsvereins. Bd. 132. Freiburg, 2013. S. 107–123.

18. *Kisch E.E.* Bekanntschaft mit Maxim Gorki // Kisch E.E. Mein Leben für die Zeitung 1926–1947. Journalistische Texte 2. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1983. S. 113.
19. *Künzel T.* Auf Usedom: Gorki-Haus in der Gorki-Straße // Moskauer deutsche Zeitung. 04.11.2021. URL: <https://mdz-moskau.eu/auf-usedom-gorki-haus-in-der-gorki-strasse/> (дата обращения: 10.10.2022).
20. *Meerkatz C.* Für Gorki war schon die Villa Poesie // Usedom exclusive. Bd. 1, no. 2, 2000. S. 36–37.
21. *Mutter Th.* Lenin hat für St. Blasien geworben // Badische Zeitung. 28.11.2017. URL: <https://www.badische-zeitung.de/lenin-hat-fuer-st-blasien-geworben--145756148.html> (дата обращения: 17.10.2022).
22. *Stürmer A.* Das neueste Heft «Die Mark Brandenburg». Kurgast Gorki und andere Russen // Märkische Allgemeine. 08.04.2018. URL: <https://www.maz-online.de/kultur/kurgast-gorki-und-andere-russen-V2M2J6MLVNYQRCDWJZ2BVR5GBI.html>. (дата обращения: 14.10.2022).

МЕМУАРЫ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А.М. ГОРЬКОГО В ГЕРМАНИИ

© 2023 г. О.А. Клинт

Статья подготовлена в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 21-18-00131 «А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве»).

Аннотация: Мемуары являются важным источником реконструкции жизни и творчества А.М. Горького в Германии. Немецкий период (1921–1923) занимает важное место во взаимоотношениях А.М. Горького и В.Ф. Ходасевича. Этот этап жизни и творчества А.М. Горького представляется наименее изученным. Берлинское окружение Горького, который играл важную роль в немецком социокультурном и литературно-медийном пространстве, было чрезвычайно широким, но именно В.Ф. Ходасевич занимал в нем особое место. Через изучение его взаимоотношений с Горьким можно воссоздать многое в немецком периоде писателя — горьковский текст Ходасевича важен для заполнения в нем лакун. Ходасевич — не только участник, но и первый историк важного горьковского начинания — журнала «Беседа» (1923). Оценки и суждения Ходасевича, его горьковский текст занимают центральное место в реконструкции судьбы Горького немецкого периода. Природа книги Н.Н. Берберовой «Курсив мой» сложная: и литературная, и мемуарная. Однако «горьковский текст» Берберовой подчеркнуто документален. Он создан по дневниковым записям, сделанным в доме писателя. Воспоминания Берберовой о Горьком помогают реконструировать малоизученный немецкий период жизни и творчества писателя. Эта реконструкция была частично проведена В.Ф. Ходасевичем. Но этот опыт не умаляет ценность книги Берберовой. «Курсив мой» Берберовой — своего рода хроника жизни Горького, в том числе в Германии, которая важна для летописи жизни и творчества писателя. У Берберовой во временной организации описания первой встречи

с Горьким доминирует вечер. Семантический центр жизни Горького в Саарове — воскресный обед в доме писателя. Формально немецкий период Горького охватывал 1921–1923 гг. Однако верхнюю планку не по географическому принципу Берберова поднимает до 1924 г.

Ключевые слова: А.М. Горький, В.Ф. Ходасевич, Германия, Берлин, горьковский текст Ходасевича, журнал «Беседа», Н.Н. Берберова, Германия, «горьковский текст» Берберовой, словесный портрет.

Информация об авторе: Олег Алексеевич Клинг — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории литературы филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: okling@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1543-5253>

Для цитирования: Клинг О.А. Мемуары как источник реконструкции жизни и творчества А.М. Горького в Германии // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 33–55. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-33-55>

MEMOIRS AS A SOURCE FOR RECONSTRUCTING THE LIFE AND WORK OF A.M. GORKY IN GERMANY

© 2023. Oleg A. Kling

Acknowledgements: This article was prepared in A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences as part of the Russian Science Foundation grant (RSF, project № 21-18-00131, “A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space”).

Abstract: Memoirs are an important source for the reconstruction of A.M. Gorky's life and work in Germany. The German period (1921–1923) takes an important place in the relationship between A.M. Gorky and V.F. Khodasevich. This stage of Gorky's life and work is the least studied. The Berlin surroundings of Gorky, who played an important role in the German sociocultural

and literary-media space, were extremely wide, but it was V.F. Khodasevich who occupied a special place in it. Through the study of his relationship with Gorky, it is possible to recreate much in the writer's German period — Khodasevich's text is important for filling gaps in it. Khodasevich is not only a participant, but also the first historian of an important Gorky undertaking — the journal *Beseda* (1923). Khodasevich's assessments and judgments, and his Gorky text, are central to the reconstruction of Gorky's fate in the German period. The nature of N.N. Berberova's book "My Italics" is complex: both literary and memoir. However, Berberova's "Gorky text" is emphatically documentary. It is created by diary entries made in the home of the writer. Berberova's recollections of Gorky help to reconstruct the little-studied German period of the writer's life and work. This reconstruction was partly carried out by V.F. Khodasevich. But this experience does not diminish the value of Berberova's book. Berberova's *Italics* is a kind of chronicle of Gorky's life, including his staying in Germany, which is important for chronicling the writer's life and work. In Berberova, the temporal organization of the description of the first meeting with Gorky is dominated by the evening. The semantic center of Gorky's life in Saarow is the Sunday dinner at the writer's home. Formally, Gorky's German period covered the years 1921–1923. However, Berberova raises the upper bar not on the geographical principle to 1924.

Keywords: A.M. Gorky, V.F. Khodasevich, Germany, Berlin, Khodasevich's Gorky text, the "Beseda" journal, N.N. Berberova, Berberova's "Gorky text," verbal portrait.

Information about the author: Oleg A. Kling, DSc in Philology, Professor, Head of the Department of Theory of Literature, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, 119991 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: okling@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1543-5253>

For citation: Kling, O.A. "Memoirs as a Source for Reconstructing the Life and Work of A.M. Gorky in Germany." *A.M. Gor'kii v Germanii: pisatel' i ego okruzhenie v sotsio-kul'turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 33–55. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-33-55>

Мемуары являются важным источником реконструкции жизни и творчества А.М. Горького в Германии. Немецкий период (1921–1923) занимает важное место во взаимоотношениях А.М. Горького и В.Ф. Ходасевича. Правда, этот этап жизни и творчества А.М. Горького наименее изученный. И это большое упущение. Горький и во время жизни в Германии стоял в центре мировых политических и литературных событий. Он играл важную роль в немецком социокультурном и литературно-медийном пространстве. В том числе литературной жизни Берлина. Писатель, авторитет которого в Германии был чрезвычайно высок (стоял в одном ряду с И.С. Тургеневым, Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым), оказался связующим звеном в политических и культурных процессах двух стран, игравших ведущую роль в мировой политике. Произведения Горького значительно влияют на немецких писателей. Однако он был в центре не только «немецкого», но и «русского» Берлина. Окружение Горького в Берлине чрезвычайно большое: М.И. Будберг, Андрей Белый, Н.И. Петровская, П.П. Крючков, А.Н. Толстой, С.С. Юшкевич, В.Б. Шкловский, И.Ф. Наживин, А.М. Ремизов, Б.А. Пильняк, Н.Н. Берберова, С.А. Есенин, П.П. Муратов, И.П. Ладыжников, Роман Гуль, Г.Д. Гребенщиков, др. Каждый из перечисленных заслуживает особого внимания и сам по себе, и в связи с Горьким, но В.Ф. Ходасевич занимает в этом окружении особое место. Через изучение его взаимоотношений с Горьким можно воссоздать многое в немецком периоде писателя. В этих взаимоотношениях было несколько этапов: заочный — петроградский — немецкий — итальянский. В данной статье речь идет о немецком периоде, хотя эти этапы и связаны между собой, порой наплывают друг на друга.

Отзыв Ходасевича о Горьком в рецензии 1906 г. в «Золотом руне» на седьмую книгу товарищества «Знание» — пролог к теме «Горький и Ходасевич». Как подчеркивали И.П. Андреева и Н.А. Богомолов, «вместе с символистами выступая против «наивного» реализма знаньевцев, Ходасевич выделял произведения Л.Н. Андреева и М. Горького. В рецензии на «Нижегородский сборник» он назвал «пленительным по трогательности

набросок Горького «Идиллия» (Искусство, 1905, № 5–7. С. 172)»¹. Исследователи отмечают, что на первых порах такая позиция противоречила брюсовской в «Весах» (1905, № 4): «Горький исписался»². И.П. Андреева и Н.А. Богомолов писали, что «в пьесе «Дети солнца» Ходасевич увидел поворот к символизму»³. Ходасевич вопрошал в конце рецензии: «И не надо ли смотреть на “Детей солнца” как на одно из подтверждений слов Метерлинка о “приближении духовного периода”, о “пробуждении души”?»⁴ Однако вскоре после появления пьесы «Варвары» критик разочаровался в Горьком⁵.

Предыстория заочных отношений с Ходасевичем была и у Горького. Поэт вспоминал: «Весной 1908 года моя приятельница Нина Петровская была на Капри и видела на столе у Горького мою первую книгу стихов. Горький спрашивал обо мне, потому что читал все и интересовался всеми»⁶. Далее Ходасевич продолжает: «Однако долгие годы меж нами не было никакой связи. Моя литературная жизнь протекала среди людей, которые Горькому были чужды и которым Горький был так же чужд»⁷.

Стоит рассмотреть горьковский текст Ходасевича. Он не такой уж большой: два очерка воспоминаний, несколько писем Горькому. Однако этот горьковский текст Ходасевича чрезвычайно важен, в том числе для заполнения лакун в изучении Горького в немецкий период. Ходасевич, при всей разнице судеб, масштаба дарований, возраста, литературных и политических взглядов двух писателей, был одним из самых близких людей Горького в эмиграции (важнейшую роль в изучении

¹ Андреева И.П., Богатырева И.С., Бочаров С.Г., Бочарова И.А., Галушкин А.Ю., Зорин А.Л., Ранчин А.Б., Ратгауз М.Г. Комментарий // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2. С. 539.

² Там же. С. 539.

³ Там же. С. 539.

⁴ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 1. С. 376–377.

⁵ Андреева И.П., Богатырева И.С., Бочаров С.Г., Бочарова И.А., Галушкин А.Ю., Зорин А.Л., Ранчин А.Б., Ратгауз М.Г. Комментарий // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2. С. 539.

⁶ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 151.

⁷ Там же. С. 151.

этой темы принадлежит И.А. Бочаровой, др. комментаторам в собрании сочинений Ходасевича. Н.А. Богомолов отмечал: «...Очень редко исследователи и мемуаристы пытались восстановить истинный облик писателя, последовательного и противоречивого, отважного и испуганного, счастливого и глубоко трагического. И среди лучшего в этом корпусе воспоминаний — мемуарные очерки Ходасевича...»⁸. Потому стоит подробно рассмотреть, как в посмертных очерках о Горьком Ходасевич воссоздает не только свои взаимоотношения с писателем, но и важнейшие события его жизни в Германии. Ядро этих взаимоотношений во время жизни в Германии заключено в цитируемом ниже отрывке: «Вражда Горького с Зиновьевым (впоследствии сыгравшая важную роль в моей жизни) закончилась тем, что осенью 1921 года Горький был принужден покинуть не только Петербург, но и советскую Россию. Он уехал в Германию. В июле 1922 г. обстоятельства личной жизни привели меня туда же. Некоторое время я прожил в Берлине, а в октябре Горький уговорил меня перебраться в маленький городок Saarow, близ Фюрстенвальде. Он там жил в санатории, а я в небольшом отеле возле вокзала. Мы виделись каждый день, иногда по два и по три раза. Весной 1923 г. я и сам перебрался в тот же санаторий. Сааровская жизнь оборвалась летом, когда Горький с семьей переехал под Фрейбург. Я думаю, что тут были кое-какие политические причины, но официально все объяснялось болезнью Горького. Мы расстались. Осенью я ездил на несколько дней во Фрейбург, а затем, в ноябре, уехал в Прагу. Спустя несколько времени туда приехал Горький, поселившийся в отеле “Беранек”, где жил и я. Однако обоих нас влекло захолустье, и в начале декабря мы переселились в пустой, занесенный снегом Мариенбад. Оба мы в то время хлопотали о визах в Италию. Моя виза пришла в марте 1924 г., и так как деньги мои были на исходе, то я поспешил уехать, не дожидаясь Горького. Проведя неделю в Венеции и недели три в Риме, я уехал оттуда 13 апреля — в тот самый день, когда Горький вечером должен был приехать.

⁸ Богомолов Н.А. У истоков трагедии // Ходасевич В.Ф. Воспоминания о Горьком. М.: Правда, 1989. С. 5.

Денежные дела заставили меня прожить до августа в Париже, а потом в Ирландии. Наконец, в начале октября, мы съехались с Горьким в Сорренто, где и прожили вместе до 18 апреля 1925 г. С того дня я Горького уже не видал.

Таким образом, мое с ним знакомство длилось семь лет. Если сложить те месяцы, которые я прожил с ним под одной кровлей, то получится года полтора, и потому я имею основания думать, что хорошо знал его и довольно много знаю о нем»⁹.

В этом фрагменте проявились если не все, то многие черты прозы Ходасевича: соединение объективности и в то же время субъективности повествования, правда фактов и старание избежать стихии вымыслов, соединение стилей историка и участника описываемых событий.

В общении Горького и Ходасевича длиной в семь лет немецкий период проходил с июня 1922 по март 1924 г. Во второй части воспоминаний о Горьком Ходасевич более пространно воссоздает жизнь писателя в Германии. Мемуарист отмечает, что под воздействием Горького началось его участие в эмигрантской печати. Это только один из многочисленных других фактов участия Горького в организации медиапространства русского зарубежья. Ходасевич — не только участник, но и первый историк важного горьковского начинания — журнала «Беседа» (1923). События вокруг «Беседы» — центральный сюжет горьковского текста Ходасевича. Идея издавать «Беседу» принадлежала В.Б. Шкловскому, но без Горького этот проект не реализовался бы. Ходасевич писал: «Шкловский увлек своей затеей Горького и меня. Мы выработали план журнала. Редакция литературного отдела составила из Горького, Андрея Белого и меня. Научный отдел, введенный по настоянию Горького, был поручен профессорам Брауну и Адлеру»¹⁰. По предложению Ходасевича будущий журнал называли «Беседой», в память о Державине, который оказал на него решающее влияние¹¹. Горький соглашается

⁹ Ходасевич В.Ф. Воспоминания о Горьком. М.: Правда, 1989. С. 154–155.

¹⁰ Там же. С. 360–361.

¹¹ Андреева И.П., Бочаров С.Г., Зорин А.Л., Сурат И.З. Комментарий // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 3. С. 541–545.

с таким названием журнала. Это свидетельство его доверия Ходасевичу, который считал себя в поэзии приемником Державина. В 1931 г. Ходасевич завершит роман «Державин», который закрепит в глазах читателей и критиков эту литературную связь. В случае с Горьким Ходасевич будет с нажимом подчеркивать свое исключительное право на наследие Державина. Когда Горький уже после возвращения в СССР поместит к книге «Державин. Стихотворения» (1933) свое предисловие к задуманной им серии «Библиотека поэта», критик напишет с сарказмом: «Трудно придумать сочетание имен, более нелепое и даже комическое: певец Ленина “опредисловил” певца Фелицы! Однако самое забавное – не сочетание это, а именно горьковская статья»¹².

Хотя Ходасевич отмечает и сильные стороны писателя («Горький есть человек несомненного и незаурядного литературного дарования. У него — зоркий глаз и умение весьма выразительно передать то, что сей глаз наблюдает. Свойства эти встречаются вовсе уж не так часто, и отрицать известную ценность их, так же как их наличность у Горького, было бы неправдиво»¹³), вывод его негативен: «Но как мыслитель вообще и как литературный теоретик в частности, Горький слаб. Чем реже он выступает на этом поприще, тем для него лучше»¹⁴.

Комментатор статьи «Научный камуфляж. — Советский Державин. — Горький о поэзии» в собрании сочинений Ходасевича в четырех томах И.А. Бочарова отмечает, что данная статья печатается по вырезке из парижской газеты «Возрождение», хранящейся в архиве Горького в ИМЛИ РАН: «...рукой Горького красным карандашом в ней отчеркнуто одно место, при этом не из последней части статьи, относящейся к самому Горькому, а, видимо, больше всего задевшая его фраза о колхозных библиотеках, где Державина “обратят на цыгарки”»¹⁵.

¹² Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2. С. 279.

¹³ Там же. С. 279.

¹⁴ Там же. С. 279.

¹⁵ Там же. С. 537.

И тем ценнее объективное свидетельство Ходасевича об источниках финансирования берлинского журнала «Беседа» в посмертном очерке о Горьком: «До сих пор ходят слухи, что он издавался на московские деньги. В действительности его выпускало издательство “Эпоха”, основанное на средства меньшевика Д. “Эпоха” тем охотнее пошла нам навстречу, что участие Горького, казалось, гарантировало допущение журнала в советскую Россию. Так же точно смотрел на дело и сам Горький, все еще веривший, что его авторитет у большевиков не окончательно утрачен»¹⁶.

Однако события с журналом «Беседа» и самим Горьким приняли драматичный оборот. Ходасевич так это описывает: «Весной 1923 г. появилась первая книжка “Беседы”. За ней последовала вторая. “Международная книга”, — берлинское советское учреждение, ведавшее книготорговлей, приобретала наш журнал в количестве не то десяти, не то двадцати экземпляров, уверяя, однако, что как только будет получено разрешение на ввоз “Беседы” в РСФСР, она будет покупать не менее тысячи. Горький писал в Москву письма — не знаю, кому, — при мне говорил о “Беседе” с приезжавшим в Saarow Рыковым, который в то время был заместителем Ленина. В ответ получались ссылки на канцелярскую волокиту и обещания уладить дело. Тогда он решился на репрессию: написал в Москву, что не будет сотрудничать в советских изданиях, пока “Беседу” не пропустят в Россию. Этого решения он придерживался даже ригористически»¹⁷.

До решения с допуском и продажей «Беседы» в России Горький отказывается от полученного через Ходасевича предложения напечатать в частном журнале «Россия», издававшемся в Москве, свой рассказ. «Характерно, что несколько месяцев тому назад существовали как будто только технические, канцелярские препятствия, а теперь оказывалось, что весь вопрос еще должен быть обсужден принципиально, то есть в высших инстанциях. В то же время стало обнаруживаться, что в России

¹⁶ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 361.

¹⁷ Там же. С. 361.

косо смотрят на писателей, посылающих материал в “Беседу”. Рукописи оттуда почти не приходили, и таким образом отпал смысл всего предприятия.

Но Горький уже сжился с мыслью о свободном журнале. Кроме того, ему было необходимо настоять на своем, чтобы поддержать в Москве свой падающий авторитет, которым он весьма дорожил, несмотря на то что, кроме умирающего Ленина, ненавидел весь Кремль. Утратить этот авторитет — значило “испортить биографию”, потерять ореол любимца “революционных масс” и титул “буревестника”. Недаром Троцкий уже осмеливался открыто, в печати, называть его контрреволюционером¹⁸. В этой ситуации положение Горького в Германии оказывается сложным. По свидетельству Ходасевича, за Горьким «...по пятам ходили шпики: немецкие, — боявшиеся, что он сделает революцию, и советские, — следившие, как бы он не сделал контрреволюцию»¹⁹. Как фиксировал Ходасевич, «...Германии в самом деле грозила опасность превратиться в советскую республику. Надо было оттуда уезжать»²⁰. Горький и Ходасевич запрашивают итальянские визы и ждут их сначала в Праге, затем в Мариенбаде. Уже давно ходили слухи об охлаждении между Горьким и советским правительством. Горький сторонился эмигрантских кругов, хотя и не скрывал свои недовольства позиции по отношению к нему Москвы. Опять же через один из эмигрантских журналов «...просили узнать, не согласится ли Алексей Максимович в нем участвовать...»²¹, Ходасевич же «...передал вопрос Горькому и с его слов ответил, что в принципе это возможно, но эмигрантская печать должна первая сделать некоторые шаги к сближению»²².

Но этим планам не суждено было осуществиться. В них вмешивается еще один человек из окружения Горького в Германии, влиятельнее Ходасевича, — М.И. Будберг. Ходасевич вспоминал: «Не знаю, в какой степени серьезно отнесся Горь-

¹⁸ Там же. С. 361–362.

¹⁹ Там же. С. 362.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

кий к возможности своего участия в эмигрантском журнале. Думаю даже, что он только представлял себе это, как соблазнительный, но несбыточный поступок — вроде выхода из советского подданства, о чем он порой даже принимался писать заявление во ВЦИК, быть может — до слез умиляясь над этим трагическим посланием, о котором знал наперед, что никогда его не отправит по адресу. Как бы то ни было, он, по-видимому, рассказал Маре о полученном мною письме». В разговоре с Ходасевичем она настоятельно просила его не ссорить Горького с большевиками. «После этого разговора я стал замечать, что настроения Алексея Максимовича внушают окружающим беспокойство и что меня подозревают в дурном влиянии»²³ — писал Ходасевич.

После смерти Ленина Горький по настоянию своего окружения пишет воспоминания о нем, нарушив тем самым свое обещание не печататься в СССР, пока не разрешат ввозить туда журнал «Беседа». Тем не менее, по свидетельству Ходасевича, на письмо Н.К. Крупской с описанием последних дней Ленина «Горький ответил ей резким письмом, в котором категорически требовал допустить в Россию «Беседу»»²⁴.

На первых порах показалось, что письмо к Крупской возымело действие. В конце мая М.И. Будберг сообщила Ходасевичу радостное известие: «Беседа» допущена в Россию. Ходасевич отмечал, однако, важную деталь: сообщение Будберг о «Беседе» было сделано ею в виде приписки к письму Горького, «который сам мне об этом не обмолвился ни единым словом: не потому ли, что сомневался?»²⁵. И действительно радость была преждевременна. Как вспоминал Ходасевич, 26 июня С.Г. Сумский сообщил ему, что «Международная книга» обещает купить для советской России до тысячи экземпляров каждого номера. 25 августа он уже писал Ходасевичу, что, «по-видимому, разрешение дано А. М. для утешения, а «Беседу» приказано душиť. Наконец, во второй половине сентября, через четыре месяца после «разрешения», «Международная книга» купила по десяти

²³ Там же. С. 363.

²⁴ Там же. С. 364.

²⁵ Там же.

экземпляров 1, 2 и 3 номеров “Беседы” и по двадцати пяти экземпляров 4-го и 5-го номеров; итого – восемьдесят экземпляров вместо обещанных пяти тысяч. Тогда же обнаружилось, что даже те экземпляры, которые были посланы в Публичную библиотеку и Румянцевский музей, имевшие право получать книги из-за границы без цензуры, — вернулись в Берлин с надписью: “Запрещено к ввозу”. Стало ясно, что Сумский прав: Горького просто водили за нос»²⁶.

Как вспоминал Ходасевич, Горький говорил о большевиках с раздражением или с иронией. Чтение советских газет портило ему кровь. Но при встрече, к примеру, с приехавшим из Москвы московским писателем Андреем Соболем Горький надевал официальную советскую маску. Сразу после ухода Соболя маска снималась. «Соответственную личину надевал и Соболев при Горьком: ложь порождает ложь»²⁷, — не без укора подчеркивал Ходасевич.

Однажды Соболев не выдержал и стал жаловаться, что советская критика все более заменяется политическим сыском и доносами. Ходасевич решил написать об этом статью для берлинской газеты «Дни», издававшейся под редакцией А.Ф. Керенского. Услышав о затее со статьей, Горький был готов сделать для «Дня» приписку от себя, что он присоединяется к изложенному в статье. Ходасевич, однако, отговорил его от этого²⁸. И тем не менее Ходасевич понимал, что его и Горького пути расходятся. Он воздает должное старшему писателю («...ко мне лично Горький всегда относился очень хорошо, и за его бескорыстную, порой очень теплую дружбу я чувствовал признательность, о которой забыть не могу и теперь»²⁹), и тем не менее он предугадал: «...я уже как-то не видел будущей своей встречи с Горьким. Так и случилось»³⁰.

Берлинский сюжет с «Беседой» завершился, когда Ходасевич уже был в Париже. В своих воспоминаниях Ходасевич

²⁶ Там же. С. 364–365.

²⁷ Там же. С. 366.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 371.

³⁰ Там же.

приводит письмо Горького к нему: «“Беседа” — кончилась. Очень жалко... По вопросу — огромнейшей важности вопросу! — о том, пущать или не пущать “Беседу” на Русь, было созвано многочисленное и чрезвычайное совещание сугубо мудрых. За то, чтобы пущать, высказались трое: Ионов, Каменев и Белицкий, а все остальные: “не пущать, тогда Горький воротится домой”. А он и не воротился! Он тоже упрямый»³¹.

Ходасевич в ответном письме упрекнул Горького в истории с «Беседой» в лукавстве: почему некоторое время назад он скрыл, что журнал в России не разрешили. Горький оправдывался: разрешение было дано, но позже аннулировано. Ходасевич считал это ложью³². Он считал, что Горький шел с большевиками «на похабный мир... пока можно тянуть — жить за границей, а средства для жизни получать из России. Я понял и то, что дальнейшая полемика сведется к тому, что Алексей Максимович будет мне лгать, а я его буду уличать во лжи. Но эта работа мне давно уже была тяжела. Пора было ее бросить. Прострадав несколько дней, я решил не отвечать Горькому вовсе, никогда. На том кончились наши отношения»³³. Завершение истории с журналом «Беседа», начавшейся в немецкий период жизни и творчества Горького и частично продолжавшейся в итальянском, стала финалом взаимоотношений Горького и Ходасевича. Тем не менее Ходасевич довольно объективно и полно осветил важные моменты эмигрантской жизни писателя. Оценки и суждения Ходасевича, его горьковский текст занимают центральное место в реконструкции судьбы Горького немецкого периода.

В «Биографическом справочнике», который был составлен самой Н.Н. Берберовой и является органичной частью ее книги «Курсив мой», указывается: записи о жизни в доме А.М. Горького были сделаны в 1920-е годы. Природа книги «Курсив мой» сложная. Не в последнюю очередь, как отмечала А. Кузнецова,

³¹ Там же. С. 371.

³² Там же.

³³ Там же. С. 373–374.

она литературная³⁴, но не в меньшей степени и мемуарная. Для нас важно, однако, что «горьковский текст» Берберовой подчеркнуто документален. В лаконичном разделе о Горьком в «Биографическом справочнике» подчеркивается: по дневниковым записям, сделанным в доме Горького, «были написаны три очерка, напечатанные в “Последних новостях” в июне 1936 г., сейчас же после смерти Горького...»³⁵. Важное авторское дополнение: «Эти три очерка почти без изменений включены теперь в мою книгу»³⁶. Тем самым воспоминания о Горьком помогают реконструировать малоизученный немецкий период писателя. Эта реконструкция была частично проведена по воспоминаниям В.Ф. Ходасевича: он «довольно объективно и полно осветил важные моменты эмигрантской жизни писателя. Оценки и суждения Ходасевича, его горьковский текст занимают центральное место в реконструкции судьбы Горького немецкого периода»³⁷. Но этот опыт ни в коей мере не умаляет ценность книги Берберовой «Курсив мой». Чтобы избежать упреков во вторичности своих воспоминаний о Горьком по отношению к мемуарам Ходасевича, с которым оба они жили в доме Горького, Берберова писала: «Когда Ходасевич писал свою статью о Горьком в конце 1930-х годов, он, конечно, с моего позволения, воспользовался и моими записями, и самими очерками. Потому возможны совпадения»³⁸. Можно назвать воспоминания Берберовой и Ходасевича о Горьком двойными зеркалами (О.С. Кудлай), в которых отражается, то совпадая, то нет, их общий герой. Безусловно, воспоминания Берберовой — своего рода хроника жизни Горького, в том числе в Германии, которая важна для Летописи жизни и творчества писателя.

³⁴ Кузнецова Анна. Ее «Курсив...» // Берберова Н.Н. Курсив мой. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. С. 11.

³⁵ Берберова Н.Н. Курсив мой. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. С. 619.

³⁶ Там же С. 619.

³⁷ Клинг О.А. Немецкий период А.М. Горького в реконструкции В.Ф. Ходасевича // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 177.

³⁸ Берберова Н.Н. Курсив мой. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. С. 619.

Она существенно ее дополняет. В «Летописи жизни и творчества А.М. Горького» 1959 г. многочисленные факты, собранные Ходасевичем, уместились в две строчки: «Август, начало... декабрь. Встречается в Герингсдорфе и Саарове с поэтом В.Ф. Ходасевичем»³⁹. Берберова вообще не упоминается.

В книге «Курсив мой» напрямую перекликается с Ходасевичем своеобразная интродукция к очерку о Горьком. Это «легенда», которая «пришла... через Ходасевича. Фоном ее была огромная квартира Горького на Кронкверском проспекте в Петербурге»⁴⁰. Интродукция почти дословно совпадает с тем местом очерка Ходасевича, где описываются обстоятельства жизни Горького послереволюционного петербургского периода. Но дальше в реконструкции жизни Горького Берберова все же идет своим путем. Правда, Берберова в начале мемуарной главы «Товий и Ангел» использует «краткие записи Ходасевича»⁴¹ о берлинской литературной жизни. Затем приводит «отдельный к ним листок “Встречи с Белым”»⁴². Про Горького она берет оттуда лишь один факт: «В Берлине Ходасевича ждало письмо Горького. Он выехал к Горькому в Херингсдорф сейчас же, как приехал, и провел там два дня»⁴³. Берберова не сопровождала мужа. И ее воспоминания о Горьком тоже не следуют за ним, они начинаются в том же Херингсдорфе, где 27 августа 1922 г. на вилле Ирмгард произошло ее знакомство с писателем. Берберова еще раз подчеркивает хронологическое несовпадение ее и Ходасевича первое посещение Херингсдорфа: после приезда в Германию 30 июня 1922 г. там уже был Ходасевич⁴⁴. Она впервые посетила Горького вместе с Ходасевичем, как указано выше, 27 августа 1922 г. Но ее портрет Горького написан не от лица «мы»

³⁹ Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Вып. 3: 1917–1929. С. 288.

⁴⁰ Берберова Н.Н. Курсив мой. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. С. 202.

⁴¹ Там же. С. 184.

⁴² Там же. С. 184–185.

⁴³ Там же. С. 184.

⁴⁴ Там же.

(я и Ходасевич), а «я» (Берберова): «И вот: первые минуты в столовой, пронзительный взгляд голубых глаз, глухой, с покашливанием голос, движения рук — очень гладких, чистых и ровных (кто-то сказал, как у солдата, вышедшего из лазарета), весь его облик высокого, сутулого человека, с впалой грудью и прямыми ногами. Да, у него была снисходительная, не всегда нравившаяся улыбка, лицо, которое умело становиться злым (когда краснела шея и скулы двигались под кожей), у него была привычка смотреть поверх собеседника, когда бывал ему задан какой-нибудь острый или неприятный вопрос, барабанивать пальцами по столу или, не слушая, напевать что-то. Все это было в нем, но, кроме этого, было еще и другое: природное очарование умного, не похожего на остальных людей человека, прожившего большую, трудную и замечательную жизнь. И в тот вечер я (курсив мой. — О.К.), конечно, видела только это очарование...»⁴⁵.

В этой зарисовке с натуры сиюминутное впечатление от облика персонажа. Но в ней есть и наслоение позднейших впечатлений, суждений: про руки писателя («кто-то сказал, как у солдата, вышедшего из лазарета»), «не всегда нравившаяся улыбка», «лицо, которое умело становиться злым», «привычка смотреть поверх собеседника». Но в этой зарисовке на первый план выдвигается «природное очарование» Горького. Берберова «видит только это очарование»⁴⁶. Здесь проявляется преимущество словесного материала в работе над портретом перед живописным: наложение нескольких пластов изображения, временных и пространственных, разных точек зрения. Это свойство распространяется не только на многочисленные другие берберовские портреты. Их много: Андрея Белого, И.А. Бунина, А.А. Блока, Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус, других. Общее в них наложение первого зрительского восприятия героев своей книги на более поздние, личностного видения на чужое в том числе. Наиболее ярко это проявилось в описании знакомства с Мережковскими.

⁴⁵ Там же. С. 205.

⁴⁶ Там же.

Прием «сдвигения» (А.А. Ахматова о «Заблудившемся трамвае» Н.С. Гумилева) разных временных и пространственных планов есть и в структуре других, не портретных частей книги «Курсив мой». Это закономерно для мемуарной литературы. Потому в портретную часть врывается более позднее знание о Горьком, но тоже от своего «я»: «...я не знала еще, что многое из того, что говорится Горьким как бы для меня, на самом деле говорится всегда, при всякой новой встрече с незнакомым человеком, которого он хочет расположить к себе, что самый тон его разговора, даже движения, которыми он его сопровождает, — от его актерства, а не от непосредственного чувства к собеседнику»⁴⁷. Можно предположить, что от более позднего видения ядро преамбулы (второе предложение в горьковском сюжете) к очерку о Горьком мировоззренческое: «Не разрыв интеллигенции с народом, но разрыв между двумя частями интеллигенции казался мне всегда для русской культуры роковым. Разрыв между интеллигенцией и народом в России был гораздо слабее, чем во многих других странах»⁴⁸. Берберова уверяет: «В первый вечер у Горького я поняла, что этот человек принадлежит к другой части интеллигенции, чем те люди, которых я знала до сих пор»⁴⁹. Трудно судить, действительно ли это понимание водораздела между автором и персонажем сложилось в первый вечер знакомства. Стоит обратить внимание на смену временной организации первого дня знакомства с писателем: «Чай сменился обедом, в тишине столовой мы сидели вчетвером: Горький, Ходасевич, художник И.Н. Ракицкий... и я»⁵⁰. Но у Берберовой во временной организации доминирует вечер: «О чем говорилось в тот вечер? Сначала — о Петербурге»⁵¹. Горький, по свидетельству Берберовой, упоминал утро: «Как удачно вы приехали... сегодня утром все уехали, и Шаляпин, и Максим»⁵². Обед переходит в вечер: «Но к концу обеда с этим было

⁴⁷ Там же. С. 205–206.

⁴⁸ Там же. С. 204.

⁴⁹ Там же. С. 205.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 206.

⁵² Там же.

покончено. Разговор перешел на литературу, на современную литературу, на молодежь, на моих петербургских сверстников и наконец на меня. Как сотни начинающих, да еще, кроме стихов, ничего писать не умеющих, я должна была прочесть ему мои стихи»⁵³.

Берберова не раз обозначает время: *вечер*, создавая в сюжете о Горьком своеобразный аналог цветаевского «Нездешнего вечера», впервые опубликованного в парижских «Современных записках» (1936, № 61), только более камерный — с четырьмя участниками. Но это камертон воспоминаний об ушедшем из жизни к тому времени писателе.

Берберова передает впечатление Горького от своих стихов: «Он слушал внимательно...»⁵⁴, но тут же к сиюминутному, личностному добавляет обобщение: «...он всегда слушал внимательно, что бы ему ни читали, что бы ни рассказывали, — и запоминал на всю жизнь, таково было свойство его памяти. Стихи вообще он очень любил, во всяком случае, они трогали его до слез — и хорошие, и даже совсем не хорошие»⁵⁵. И тут же приводит наказ Горького, обращенный к ней: «Старайтесь... не торопитесь печататься, учитесь...»⁵⁶. И снова соединение в облике Горького своего и чужого: «Он был всегда — и ко мне — доброжелателен: для него человек, решивший посвятить себя литературе, науке, искусству, был свят»⁵⁷.

Реконструируется нездешний вечер: «Горничная, убрав со стола, ушла. За окном стемнело. Теперь Горький рассказывал. Много раз после этого вечера я слышала эти же самые рассказы о том же самом, рассказанные теми же словами таким же неопытным слушателям, какой была я тогда. Но, слушая Горького впервые, нельзя было не восхититься его даром... Часы показывали второй час ночи... Руки его лежали на столе, лицо с характерными открытыми ноздрями и висячими усами было поднято, голос, колеблясь, то удалялся от меня — и это значит, что

⁵³ Там же. С. 206.

⁵⁴ Там же. С. 205–206.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 206.

⁵⁷ Там же.

дремота одолевает меня, то приближался ко мне — и это значит, что я широко открываю глаза, боюсь заснуть. Что делать! Морской воздух, путешествие, молодость делали то, что я с трудом удерживалась от того, чтобы не положить голову на стол.

Ему не надо было ставить вопросов. Подпершись одной рукой, другой шевеля перед собой, он говорил и курил; когда закуривал, то не гасил спичек, а складывал из них в пепельнице костер. Наконец он взглянул на меня пристально.

— Пора спать, — сказал он улыбаясь, — уведите поэтессу⁵⁸.

Берберова завершает описание «нездешнего вечера»: «Художник Ракицкий, исполнявший в доме должность хозяйки за отсутствием таковой, отвел меня наверх... В этой комнате еще накануне ночевал Шаляпин, которого я до того видела всего два раза на сцене, в России, и мне казалось, что в воздухе еще витает его тень. Когда я осталась одна, я долго сидела на постели. Я слышала за стеной кашель Горького, его шаги, перелистывание страниц (он читал перед сном). Всякое суждение о том, что я видела и слышала, я откладывала на потом»⁵⁹. И эти суждения Берберова действительно отложила «на потом» — в свои мемуары.

По-иному, чем первый «нездешний вечер» с Горьким 27 августа 1922 г. в Херингсдорфе, Берберова структурирует еще один немецкий отрезок жизни писателя — в Саарове. Берберова в стиле летописи пишет: «25 сентября 1922 года Горький переехал в Сааров, в полутора часах езды по железной дороге от Берлина, в сторону Франкфурта-на-Одере, а в начале ноября он уговорил и нас переехать туда. Мы поселились в двух комнатах в гостинице около вокзала»⁶⁰. Кстати, преамбула еще к описанию первого знакомства с Горьким — в ней со слов Ходасевича речь шла о квартире писателя на Кронверкской — связана и сюжетом в Саарове: «“Кронверкская” атмосфера, дух постоянного двора в доме Горького, возобновилась в Саарове, в тихом дачном месте, пустом зимой, на берегу большого озера... “Кронверкская” атмосфера возобновилась, правда, только по воскресеньям: уже с утренним поездом из Берлина начинали

⁵⁸ Там же. С. 207–208.

⁵⁹ Там же. С. 208.

⁶⁰ Там же.

приезжать люди близкие и случайные, но преимущественно, конечно, так называемые “свои”, которых было не мало»⁶¹. Семантический центр жизни Горького в Саарове — воскресный обед в доме писателя.

«И вот накрывается стол на двенадцать человек, со всего дома сносятся стулья. М.И. Будберг, секретарша и друг Горького, разливает суп»⁶². Берберова прерывает текущий хронотоп своей зарисовки и помещает краткий экскурс в жизнь Будберг, который является своеобразной аннотацией, рекламой к ее книге «Железная женщина». Но снова возвращается к текущему времени и пространству: «Итак: М.И. Будберг разливает суп. Разговор за столом шумный, каждый словно говорит для себя, никого не слушая. Мария Федоровна говорит, что клецки в супе несъедобны, и спрашивает, верю ли я в Бога. Семен Юшкевич, смотря вокруг себя грустными глазами, о том, что все ни к чему, и скоро будет смерть, и пора о душе подумать. Андрей Белый с напряженной улыбкой сверлящими глазами смотрит себе в тарелку — ему забыли дать ложку, и он молча ждет, когда кто-нибудь из домашних это заметит. Он ошеломлен шумом, хохотом на “молодом” конце стола и гробовым молчанием самого хозяина, который смотрит поверх всех, барабанит по столу пальцами и молчит — это значит, что он не в духе. Тут же сидят Ходасевич, Виктор Шкловский, Сумский (издатель “Эпохи”), Гржебин, Ладыжников (старый друг Горького и его издатель тоже), дирижер и пианист Добровейн, другие гости. Только постепенно Горький оттаивает, и к концу обеда затевается уже стройный разговор, преимущественно говорит сам Горький, иногда говорит Ходасевич или Белый... Но Белый здесь не такой, как всегда, здесь его церемонная вежливость бывает доведена до крайних пределов, он соглашается со всеми, едва вникая, даже с Марией Федоровной в том, что курица пережарена. И сейчас же до слез смущается»⁶³.

⁶¹ Там же. С. 208.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 210–211.

Себя Берберова не упоминает, хотя мы видим происходящее за столом ее глазами. Она возвращается к конкретному эпизоду с Белым («Но может быть, это был самый верный тон, тон Белого в разговорах с Горьким?») и добавляет обобщение вневременного характера: «Спорить с Горьким было трудно. Убедить его в чем-либо нельзя было уже потому, что он имел удивительную способность: не слушать того, что ему не нравилось, не отвечать, когда ему задавался вопрос, на который у него не было ответа. Он “делал глухое ухо”, как выражалась М.И. Будберг... он до такой степени делал это “делал глухое ухо”, что оставалось только замолчать. Иногда, впрочем, не “делал глухое ухо”, он с злым лицом, красный вставал и уходил к себе, в дверях напоследок роняя: — Нет, это не так. — И спор бывал окончен»⁶⁴.

Прием, использованный в описании Будберг (сначала «живая» картинка с супом, потом экскурс в ее биографию), повторяется при передаче “кронверкской” атмосферы в описании других гостей горьковского дома. После Будберг идет, как ее называет Берберова, «вторая жена», на самом деле гражданская жена Горького М.Ф. Андреева. Берберова хотела создать и написала мировой бестселлер, но почему-то не упомянула и сотой части фактов из ее жизни, которые могли потрясти мир. Интересно, что, передавая ее речь, писательница пометает курсивом слово «вилла» из ее лексикона. Не отсюда ли в том числе выросло название книги «Курсив мой». С титулом «железной женщины» Будберг могла конкурировать первая жена Горького — Е.П. Пешкова. Но Берберова не педалировала эти темы. Только иронично прокомментировала: «Мария Федоровна не приезжала в те дни, когда к Горькому приезжала Екатерина Павловна — первая его жена и мать его сына. Она была совсем в другом роде. Приезжала она прямо из Москвы, из кремлевских приемных, заряженная всевозможными новостями. Тогда из кабинета Горького слышалось: “Владимир Ильич сказал... А Феликс Эдмундович на это ответил...”»⁶⁵.

⁶⁴ Там же. С. 211.

⁶⁵ Там же. С. 209.

И еще один парный контраст «двух жен»: «С Марией Федоровной приезжал П.П. Крючков, доверенное лицо Горького, что-то вроде фактотума; позже Сталин доказал, что он был “врагом народа”, и расстрелял его после того, как Крючков во всем покаялся... С Екатериной Павловной приезжал некто Мих. Конст. Николаев, заведующий Международной книгой. Он говорил мало и больше играл в саду с собакой»⁶⁶.

Формально немецкий период Горького охватывал 1921–1923 гг. Однако верхнюю планку не по географическому принципу можно поднять до 1924 г. Не случайно Берберова пишет: «Первая “немецкая” зима сменилась второй — хоть и в Чехии протекала она, но в самом немецком (курсив мой. — О.К.) ее углу, в мертвом, заколоченном не в сезон Мариенбаде. Мы поехали туда за Горьким из Праги»⁶⁷. Здесь Горький пишет «Дело Артамоновых», которое Берберова высоко ценила. Структурным центром этой, мариенбадской части автор делает страсть к кинематографу: «Один раз в неделю, по субботам, за ужином, Горький делал хитрое лицо и осведомлялся, не слишком ли на дворе холодно. Это значило, что сегодня мы поедем в кинематограф. Сейчас же посылали за извозчиком — кинематограф был на другом конце города... и вот парные широкие сани стоят у крыльца гостиницы “Максхоф” (а не Саварин, как сказано в Краткой литературной энциклопедии), мы садимся — все семеро: М.И. Будберг и Горький на заднее сиденье, Ходасевич и Ракицкий на переднее, Н.А. (по прозвищу Тимоша, жена Максима) и я — на колени, Максим — на козлы, рядом с кучером. Это называется “выезд пожарной команды”»⁶⁸.

Как свидетельствует Берберова, зиму 1923–1924 гг. Горький пишет «Дело Артамоновых». Создание романа, который мемуаристка считала одним из высших достижений писателя, оттесняло «все другое, и даже померк его интерес к собственному журналу (“Беседе”) — попытке сочетать эмигрантскую и советскую литературу, из которой ничего не вышло. Работа не давала Горькому увидеть, что, в сущности, он остается один

⁶⁶ Там же. С. 209.

⁶⁷ Там же. С. 215.

⁶⁸ Там же. С. 215–216.

на один с самим собой, никого не объединив. Он ждал визу в Италию. Она пришла весной... Горький переехал в Сорренто — последнее место его заграничного житъя (отсюда в 1928 г. он поехал в СССР, а 17 мая 1933 г. переехал туда окончательно). Осенью 1924 года мы последовали за ним»⁶⁹.

Так окончательно завершился немецкий период жизни и творчества Горького, который объективно и довольно полно реконструировали В.Ф. Ходасевич и Н.Н. Берберова.

Список литературы

1. Андреева И.П., Богатырева И.С., Бочаров С.Г., Бочарова И.А., Галушкин А.Ю., Зорин А.Л., Ранчин А.Б., Ратгауз М.Г. Комментарий // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2. С. 461–571.
2. Андреева И.П., Бочаров С.Г., Зорин А.Л., Сурач И.З. Комментарий // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 3. С. 512–590.
3. Берберова Н.Н. Курсив мой. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 683 с.
4. Богомолов Н.А. Комментарий // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906–1922. С. 491–572.
5. Богомолов Н.А. У истоков трагедии // Ходасевич В.Ф. Воспоминания о Горьком. М.: Правда, 1989. С. 3–8.
6. Вайнберг И.И. Жизнь и гибель берлинского горьковского журнала «Беседа»: по неизвестным архивным материалам и неизданной переписке // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 361–376.
7. Клинг О.А. Немецкий период А.М. Горького в реконструкции В.Ф. Ходасевича // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 170–178.
8. Кузнецова Анна. Ее «Курсив...» // Берберова Н.Н. Курсив мой М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. С. 7–18.
9. Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Вып. 3. 1917–1929. 767 с.
10. Ходасевич В.Ф. Воспоминания о Горьком. М.: Правда, 1989.
11. Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996–1997.

⁶⁹ Там же. С. 216.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-56-70>

<https://elibrary.ru/PSATIJ>

УДК 821.112.2.0

Научная статья / Research Article

This is an open access article

Distributed under the Creative Commons

Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

ПЕРВЫЕ ПОСТАНОВКИ ПЬЕС ГОРЬКОГО НА БЕРЛИНСКИХ СЦЕНАХ В ЗЕРКАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ПЕЧАТИ (1902–1906 гг.)

© 2023 г. М. Бёмиг

Аннотация: В очерке дается обзор первых постановок в Берлине пьес Максима Горького («Мещане», «На дне», «Дети солнца», «Враги») на основе рецензий немецкой периодической печати первых лет XX в.

Ключевые слова: М. Горький, Театр Берлин, начало XX в.

Информация об авторе: Михаэла Бёмиг (Michaela Böhmig) — профессор, до конца 2017 г. заведующая кафедрой русского языка и русской литературы Неаполитанского университета «Л'Ориентале», Неаполь, Италия.

E-mail: michaelabohmig@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1049-4986>

Для цитирования: Бёмиг М. Первые постановки пьес Горького на берлинских сценах в зеркале немецкой печати (1902–1906 гг.) // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 56–70. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-56-70>

THE FIRST PERFORMANCES OF GORKY'S PLAYS ON THE BERLIN STAGES IN THE MIRROR OF THE GERMAN PRESS (1902–1906)

© 2023. Michaela Böhmig

Abstract: The essay provides an overview of the first productions of Maxim Gorky's plays (*The Petty Bourgeois*, *At the Bottom*, *Children of the Sun*, *Enemies*) based on reviews of the German periodical press of the first years of the 20th century.

Keywords: M. Gorky, Theatre Berlin, early 20th century.

Information about the author: Michaela Böhmig, Russian Language and Literature Professor, until the end of 2017 Head of the Department of Russian Language and Russian Literature at the University of Naples "L' Orientale," Napoli, Italy.

E-mail: michaelabohmig@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1049-4986>

For citation: Böhmig, M. "The First Performances of Gorky's Plays on the Berlin Stages in the Mirror of the German Press (1902–1906)." *A.M. Gor'kii v Germanii: pisatel' i ego okruzhenie v sotsio-kul'turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 56–70. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-56-70>

Период между концом XIX в. и началом Первой мировой войны отмечен в Германии напряженной политической атмосферой, на фоне которой выделялись сильная социал-демократическая партия, испытывавшая внешнее давление и раздираемая внутренними конфликтами, и рабочее движение, активно отстаивавшее права пролетариата. Существование в литературе угасающего натурализма, все еще остро обнажающего социальные проблемы, а также модернистских течений вызывало к жизни необычайный художественный и культурный расцвет в немецкоязычных странах.

Творчество и фигура Максима Горького как нельзя лучше вписывались в этот культурный контекст. Интерес к его произведениям пробудился здесь с первых лет XX в., что выражалось в обширной деятельности по изданию переводов, прежде всего его рассказов и романов, которые начали выходить с 1900 г. Переводы театральных пьес, менее многочисленные, чем переводы прозаических сочинений, начали появляться в 1902 г. одновременно с первыми театральными постановками, относящимися к периоду с 1902 по 1906 г.

Театральная судьба Горького на немецкой сцене связана с поворотными моментами в развитии самого немецкого театра и делится на два периода (довоенный период и 1920-е гг.), доминантами которых являлись соответственно Макс Рейн-

гардт и «театр для народа», Эрвин Пискатор с его политическим и революционным театром. Постановки сопровождали, а часто и предшествовали им (опережая издания «Знания») публикации немецкими издательствами горьковских пьес как в оригинале, так и в авторизованных переводах, благодаря чему произведения писателя вошли в репертуар главных немецких театров. В истории рецепции театрального наследия Горького Берлин стал фокусной точкой, от которой распространялся интерес к пьесам русского автора по Германии и по Европе.

В данной статье мы рассмотрим первый период, сосредоточив внимание на рецензиях наиболее значимых немецких театральных критиков. Благодаря этим свидетельствам мы проследим судьбу горьковских спектаклей от 1902 до 1906 г.

1. *Die Kleinbürger* / «Мещане» (1902)

Первое драматургическое произведение Горького, представшее перед немецкой публикой, — пьеса *Die Kleinbürger*, опубликованная в 1902 г. в берлинском издательском доме Бруно Кассирера, издателя и галериста, открытого новаторским течением в искусстве и литературе. Перевод был выполнен писателем Августом Шольцем, истинным знатоком русской действительности и любителем русской литературы. Шольц переводил много произведений русских классиков и современников, прежде всего Горького, с которым он познакомился во время своей поездки в Россию в 1901 г., после чего стал единственным переводчиком, чьи переводы были авторизованы русским автором.

1 сентября 1902 г. пьеса *Die Kleinbürger* была поставлена в Бреслау, ныне Вроцлав, в «Lobe-Theater», одном из крупнейших немецких театров того времени. Две недели спустя она вышла на подмостки берлинского театра «Volksbühne» (Свободный народный театр), целью которого было открытие храмов искусства для менее привилегированных классов. В связанном с театром периодическом издании «Neue Freie Volksbühne» («Новый свободный народный театр») с подзаголовком «Искусство для народа!» велась обширная работа по распространению культуры. В зимний сезон 1902–1903 гг. по

инициативе «Freie Volksbühne» последовала третья постановка в берлинском «Лессинг-театре», которым в ту пору руководил Гилберт Отто Нойманн-Хофер. В последующие годы спектакли ставили на сценах Вены, Кракова, Гамбурга и Лейпцига.

О берлинских постановках пьесы *Die Kleinbürger* положительно отзывалась прежде всего газета «Vorwärts» («Вперед!»), печатный орган немецкой социал-демократической партии. Театральный критик «Vorwärts» Конрад Шмидт, философ, экономист, журналист, брат скульптора и художницы Кете Кольвиц и друг Фридриха Энгельса, написал обширную рецензию, сосредоточив своё внимание на конфликте поколений: старики, обыватели и представители мелкого мещанства, определяемые как «сытые» и «счастливые», и молодые Татьяна и Петр, которые размышляют о смысле жизни, возвышаясь таким образом над старшим поколением. За продолжительным экскурсом о Горьком и его идеалах, нашедших воплощение в образах бродяг в поисках свободы, критик обратился к пестрому миру народных образов, ярких и полных жизни, среди которых выделил Перчихина и Тетерева¹.

Рецензент «Развлекательного листа» газеты «Vorwärts», возможно, рабочий писатель Эрнст Креновски, отметил оригинальность произведения, чьи персонажи являются подлинно реалистическими, а не рупором авторских идеи и замысла. По словам критика, пьеса не является социальной драмой в строгом смысле этого слова, но наполнена предчувствием грядущих потрясений, находя отклик у зрителя из среды социалистической интеллигенции. Критик также обратил внимание на фигуру Нила, который воплощает, по его мнению, чаяния и энергию молодого поколения, а также на остальных персонажей, олицетворяющих собой разные грани русского характера².

¹ Schmidt C. Gorkis "Kleinbürger". Lessing-Theater, «Unterhaltungsblatt des Vorwärts», 09.09.1902, Nr. 175. S. 698–699.

² k. e. Theater. Freie Volksbühne (Lessing-Theater). "Die Kleinbürger" von Maxim Gorki, «Unterhaltungsblatt des Vorwärts», 16.09.1902, Nr. 180, S. 720.

2. *Nachtsyl* / «На дне» (букв. перевод: Ночлежка, 1903)

Громкий успех на немецкой сцене принесла Горькому пьеса *Nachtsyl*, которая привлекла внимание гораздо более широкой публики, чем социал-демократические круги. История постановки началась в России с обширного репортажа корреспондента из Петербурга, вероятно, Лео Ледерера, о первом чтении в МХТе рукописи «На дне», название, буквально переведённое немецким журналистом как «In der Tiefe». Датированная концом августа, статья была опубликована в начале сентября 1902 г. на первой полосе «Berliner Tageblatt» («Берлинский ежедневник»), одной из крупнейших и влиятельнейших либеральных газет того времени³.

Развернутое описание персонажей и действия драмы и завершающее статью упоминание об эффекте, оказанном на немногих слушателей, допущенных к чтению, вызвали интерес в немецком театральном мире. В частности, пьесой заинтересовался берлинский Малый театр на Унтер-ден-Линден, недавно перешедший под руководство актера и режиссера Макса Рейнгардта. В письме Горькому от 8 декабря 1902 г. Артур Кагане (Kahane), драматург театра, и сам Рейнгардт выражали глубокую благодарность за предоставление театру произведения *Nachtsyl* и обещали приложить все средства и силы, дабы обеспечить успех постановки⁴.

Пьеса была опубликована в Германии в декабре 1902 г. издательской фирмой «Мархлевский и К°», которая выпустила машинописный оригинал под заглавием «На дне жизни. Картины», предваряя таким образом русское издание товариществом «Знание» в конце января 1903 г. Перевод на немецкий язык — «*Nachtsyl. Scenen aus der Tiefe*» («Ночлежка. Сцены из жизни дна»), порученный Августу Шольцу и авторизованный самим Горьким, превзошёл все самые смелые ожидания

³ Ein neues Drama von Maxim Gorki, «Berliner Tageblatt», 02.09.1902, Nr. 445. S. 1.

⁴ Цит. по: Von der freien Bühne zum politischen Theater. Drama und Theater im Spiegel der Kritik, Hrsg. H. Fetting, Bd. I (1889–1918), Leipzig: Philipp Reclam jun., 1987. S. 215. Письмо опубликовано в слегка приукрашенном переводе в издании Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1997. Т. 3. С. 355.

и принёс издательству невиданный успех: в том же году было выпущено не менее восьми переизданий общим тиражом 20000 экземпляров. Этот перевод был принят для постановки в Малом театре.

Данное издание не следует путать с переводом очерка «Бывшие люди», выпущенным под названием «Im Nachtsyl» и опубликованным в Берлине издательским обществом «Глобус» около 1905 г.

Как для издания, так и для постановки пьесы в качестве посредника между писателем, издателем и театром выступил Израиль Лазаревич Гельфанд, известный под псевдонимом Александр Парвус. В 1891–1905 гг. он жил в Германии, где в 1902 г. вместе с польским политиком-коммунистом Юлианом Мархлевским, с которым много лет проработал на журналистском поприще, основал в Мюнхене издательство «Доктор Й. Мархлевский и К^о», специализированное на издании северной и славянской литератур. По договору с этой фирмой Парвус становился литературным агентом Горького в Германии, уполномоченным распространять его произведения и содействовать постановке пьесы *Nachtsyl* на немецкой сцене⁵.

23 января 1903 г. в берлинском Малом театре впервые был представлен немецкому зрителю спектакль *Nachtsyl* в постановке Рихарда Валлентина, который также исполнил роль Сатина, сделав из персонажа главного героя, стремясь подчеркнуть революционный посыл пьесы.

Многочисленные рецензии, последовавшие за премьерой и принадлежащие самым выдающимся немецким театральным критикам, были в целом восторженными. В обширной статье, напечатанной на первых двух страницах «*Vossische Zeitung*», берлинской газеты, представлявшей позиции либеральной буржуазии и распространенной по всей Германии, писатель Альфред Клаар, с 1901 г. театральный критик и директор литературного отдела этой газеты, подробно рассказал о пьесе, сюжете, действующих лицах и постановке. По его мнению,

⁵ См.: Спиридонова Л. Горький и революция: писатель не принял красный Октябрь // «Литературная газета». 29.03.2017. № 12 (6591). URL: <https://lgz.ru/article/-12-6591-29-03-2017/gorkiy-i-revoljutsiya/>.

пьеса — череда отдельных картин, скрепленных рукой автора, способного разглядеть скрытую человечность в изгоях и зажечь луч света в их убогом жилище. По Клаару, единственный положительный образ — странник Лука в исполнении Рейнгардта, который вселяет надежду в ожесточившиеся сердца потерявших всякую надежду обитателей «дна». В заключении статьи критик отметил, что талант Горького уходит своими корнями в самую глубину русской культуры, хотя ум его простирается дальше⁶.

Ещё одна рецензия написана писателем и журналистом Нобертом Фальком, редактором и театральным критиком «*Berliner Illustrierte Zeitung*» («Берлинская иллюстрированная газета») и «*Berliner Morgenpost*» («Берлинская утренняя почта»), газеты, придерживавшейся нейтральной политической позиции. В начале своей длинной и подробной рецензии в «*Berliner Morgenpost*» критик писал о том, что новое произведение Горького имело самый неподдельный и оглушительный успех за весь театральный сезон, несмотря на явные драматургические пробелы, восполненные творческой силой автора, его чутьем, идеей и тем образом, который он дает о мире изгоев. Далее следует подробное описание ночлежки и ее морально и физически деградировавших обитателей, среди которых, по мнению критика, выделяется странник Лука, которому отводится роль резонера и выразителя авторского голоса. Фальк предположил, что поэтическая сила Горького раскрывается в эпилоге, следующем за жестокой сценой убийства, когда все возвращаются к своей привычной жизни, пока их неожиданно не потрясает самоубийство Актера. И всё же, по мнению Фалька, перед этими несчастными созданиями, отравленными алкоголем и до жестокости безразличными, забрезжит вдали слабый луч света, возможно, достигнутый благодаря сценическому эффекту. В заключение Фальк лестно отозвался о «превосходном» переводе Шольца,

⁶ К. А. Feuilleton. Kleines Theater. Zum ersten Mal: Nachtschl. Szenen aus der Tiefe des Lebens, «*Vossische Zeitung*», 24.01.1903, Nr. 40. S. 1–2; см. также: Schmidt C. «Nachtschl». (Kleines Theater), «*Unterhaltungsblatt des Vorwärts*», 25.01.1903, Nr. 17. S. 67–68.

«знатока русской действительности», об игре актеров и режиссуре Валлентена, благодаря чему пьеса стала «шедевром современного театрального искусства»⁷.

На страницах независимого политического и культурного еженедельника «Die Welt am Montag» («Мир в понедельник») выдающийся театральный критик Зигфрид Якобсон задался теми же вопросами, что и Фальк, говоря о пьесе как о бытовой («Milieustück»), внешне скудной действием, но внутренне наполненной этическим содержанием. По мнению критика, это некий манифест автора, верного своему долгу: свидетельствовать о страданиях обездоленных. И именно этот пыл, по словам Якобсона, объединяет разрозненные сцены. Якобсон уподобил Горького мистику из далекого прошлого: так как его сердце преисполнено состраданием к людям, он говорит о необходимости спасения всего человечества, возводя страдания своих героев до универсального значения. И хотя первые два акта (что уже отмечал Фальк) грешат медлительностью и тяжеловесностью, зато, по мнению Якобсона, мастерски изображены окружающая обстановка и психология персонажей, среди которых выделяется странник Лука, носитель *лейтмотива* пьесы, заключающегося в непоколебимой вере автора в ростки добра, таящиеся в глубине каждого. Однако, в отличие от других критиков, Якобсон считал, что исполнение роли странника лишено очарования.

По мнению критика, глубоко этическое, подлинно религиозное содержание пьесы находит свое художественное воплощение с первозданной библейской простотой, не выразимой словами: многочисленные детали, народные притчи, вплетающиеся в речи странника, сливаются в единое целое, придавая произведению художественную силу, свидетельствующую не только о гениальности писателя, но и о творческой мощи самого русского народа, и проливающую свет на измученную Россию.

⁷ Falk N. Maxim Gorkis "Nachtasyl". Szenen aus der Tiefe in vier Akten, Zur Erstaufführung im Kleinen Theater, «Berliner Morgenpost» (2. Beilage), 25.01.1903, Nr. 21. S. 9]; рецензия снабжена рисунком, изображающим сцену из третьего акта.

Успех спектакля, одного из величайших триумфов берлинского Малого театра, был оглушительным: при ежедневных постановках до лета 1905 г. только в Берлине было представлено более 500 спектаклей, прошедших с полным аншлагом.

5 мая 1905 г., по случаю 500-го спектакля, Рейнгардт отправил Горькому от имени труппы телеграмму, в которой он выражал «искренние преисполненные благодарности поздравления по случаю 500-го исполнения пьесы» и утверждал: «Ваша поэзия, проникающая в самые недра жизни и души, подарила нашим актерам поистине незабываемое и богатейшее вдохновение. Для развития нашего театра постановка Вашей пьесы имела первостепенное значение»⁸.

Пьеса *Nachtsyl* совершила триумфальное шествие по многим городам Европы (Дрезден, Прага, Вена, Будапешт, Мюнхен), закрепив успех режиссера и распространив славу автора и его творчества. В сентябре 1903 г. газета «Vossische Zeitung» сообщила, что пьеса включена в двухлетнюю программу 189 театров в Германии и Австро-Венгрии, 34 театров в России, Великобритании, Голландии, Румынии, Швеции, Норвегии, Дании, Швейцарии, Бельгии, Люксембурга⁹. Пьеса *Nachtsyl* по количеству постановок, печатных изданий и переводов превзошла все другие драматургические произведения Горького и на протяжении многих лет театральные критики продолжали писать восторженные рецензии¹⁰.

3. *Kinder der Sonne* / «Дети солнца» (1906)

Третье произведение, вышедшее на немецкую сцену, — *Kinder der Sonne*. Русскоязычное издание, отпечатанное по рукописи в типографии И. Дитца, вышло в Германии 25 ноября 1905 г., предвосхитив на несколько дней издание в седьмой

⁸ См.: Von der freien Bühne..., а.а.О., Bd. I. S. 215.

⁹ Theater und Musik, «Vossische Zeitung», 19.09.1903, Nr. 440. S. [11].

¹⁰ См., например, k. e. Freie Volksbühne (im Neuen Schauspielhaus): *Nachtsyl* von Maxim Gorki, «Vorwärts» (1. Beilage), 23.3.1909, Nr. 69. S. [5]. Автор, наверное, Е. Креновски, охарактеризовал пьесу как «впечатляющую трагедию босяков» и в заключение писал: «выходишь из театра потрясенным, но не разочарованным, а задумчивым».

книге «Сборника товарищества “Знание” за 1905 год», выпущенной 28 ноября 1905 г. (по новому стилю)¹¹.

Штутгартское издательство И. Дитца было основано в 1881 г. печатником Иоганном Генрихом Вильгельмом Дитцем, работавшим недолгое время в Петербурге и по возвращении в Германию активно участвовавшим в социалистическом рабочем движении, подготовившим к печати, помимо прочего, издание переписки между Марксом и Энгельсом и публиковавшим произведения немецких писателей социал-демократов.

Немецкий перевод пьесы, выполненный Александром фон Хун (von Huhn), был опубликован в 1906 г. «Театрально-книжным издательством русских авторов» И.П. Ладыжникова.

25 января 1906 г. пьеса *Kinder der Sonne* была представлена в берлинском Малом театре в постановке Виктора Барновского, за год до того принявшего руководство театром. За премьерой последовали еще 70 спектаклей, и Горький, будучи проездом через Берлин, имел возможность посетить спектакль 7 марта 1906 г., на котором был восторженно встречен публикой.

В «Berliner Tageblatt» вышла рецензия писателя и журналиста Эдуарда Хёбера (Höber), в которой критик в качестве вступления говорил о том, что русская литература начиная с середины XIX в. несла огромное общественное значение, повествуя о страданиях и чаяниях простого народа, бедных и угнетенных слоев населения. Эту традицию продолжил, по мнению Хёбера, и Горький, который в пьесе *Kinder der Sonne* еще раз проявил чуткость к самым глубинным переживаниям героев и призвал к сочувствию, пониманию и любви к изгоям. По мнению критика, однако, этот призыв прозвучал с меньшей силой, поскольку, в отличие от пьесы *Nachtasyl*, в полотно социальных проблем вплетены истории несчастной любви, обращающиеся практически трагедией. Хёбер, который охарактеризовал построение пьесы как «эпическое», отмечал не-

¹¹ См. Телеграмму И.П. Ладыжникова к К.П. Пятницкому от 09(22).11.1905; Архив А.М. Горького ITL-10-79-49.

которую растянутость и медлительность драмы, которых можно было бы избежать, внося некоторые сокращения¹².

4. *Die Feinde* / «Враги» (1906)

Четвертая пьеса Горького, *Die Feinde*, была представлена в Берлине в 1906 г., почти на тридцать лет раньше постановки МХТ. Опубликованная в «Сборнике товарищества «Знание» за 1906 год», пьеса была издана в том же году и в Германии как на языке оригинала, так и в переводе: книга «Враги. Сцены» отпечатана в типографии Дитца; немецкий текст *Die Feinde* в переводе Отто Деметриуса Поттхофа вышел в издательстве И.П. Ладыжникова.

Премьера спектакля состоялась 24 ноября 1906 г. в берлинском Малом театре в постановке Барновского. Последующие немногочисленные повторы спектакля прошли при полном аншлаге. Воздействие пьесы на зрителя несомненно, однако успех ее не может сравниться с популярностью других драматургических произведений Горького.

Причины тому, вероятно, нужно искать не только в самой пьесе, но также и в каверзах цензуры, под предлогом технического характера пытающейся чинить препятствия к постановке спектакля¹³. Газета «Vorwärts» даже предполагала, что все распоряжения полиции и пожарных — не что иное, как ухищрения, нацеленные на то, чтобы сорвать постановку драмы, прославляющей рабочее движение¹⁴. В таких условиях, с сокращенным актерским составом, спектакли шли вплоть до 30 ноября и после перерыва возобновились финальным показом 7 декабря.

Оценки критиков далеки от восторженных, а подчас прямо суровы. Писатель, журналист и театральный критик Исидор Ландау, главный редактор газеты «Berliner Börsen-Courier» («Берлинский биржевой курьер») в 1897–1912 гг., начал свою

¹² Höber E. Gorkis "Kinder der Sonne". Zur ersten Aufführung im Kleinen Theater, «Berliner Tageblatt», 26.01.1906, Nr. 47. S. 1–2.

¹³ См.: Von der Freien Bühne..., а.а.О., Bd. I. S. 343–344.

¹⁴ См.: Notizen, «Unterhaltungsblatt des Vorwärts», 05.12.1906, Nr. 235. S. 914.

рецензию с того, что «Малый театр — художественная родина Горького в Берлине, это прежде всего горьковский театр»¹⁵. Ландау охарактеризовал пьесу как «тенденциозное произведение», своего рода русский вариант гауптмановских «Ткачей», бедное действием, но бурлящее бунтами, убийствами и судами и при этом предлагающее широкий простор для философских и политических размышлений, что так типично для русских. Горький, по мнению Ландау, намеревался изобразить «сцены из жизни русского народа», которые, однако, в отличие от *Nachtasyl*, вышли менее красочными и не одухотворенными состраданием, чувством, которое понимает каждый. Ландау предположил, что в своей новой пьесе автор принял сторону той *партии*, которая разделяет его мнение, и тем самым поставил идеологию выше литературной ценности и художественного воздействия.

Также Ландау считал, что главный герой пьесы — не какой-то отдельный персонаж, а рабочий класс, что общество разделено на манихейский лад: правящий лагерь, состоящий из предпринимателей и судей, которые охарактеризованы как развращенные, загнивающие, глупые и жестокие; и рабочие, отличающиеся сильным характером, готовые на жертвы, гордые, презирующие власть. Как следует из слов критика, спектакль завершился финальной фразой Левшина, роль которого подобна роли Луки в пьесе *Nachtasyl*: «Убийца не тот, кто наносит удар, а тот, кто толкает его на это». Эти слова, которых нет в тексте Горького, по всей вероятности, были добавлены режиссером с целью подчеркнуть общественно-политическое содержание пьесы.

Еще одна важная рецензия принадлежит Артуру Элоэссеру, литературоведу, журналисту, драматургу, театральному критику газеты «Vossische Zeitung» и режиссеру, который также сотрудничал с Отто Брамом в «Freie Volksbühne» и с Барновским в «Лессинг-театре». На страницах «Vossische Zeitung» вышла

¹⁵ Рецензия вышла в «Berliner Börsen-Courier», 25.11.1906, Nr. 552; цит. по Von der Freien Bühne..., a.a.O., Bd. I. S. 344–347; см. и A. V. (= Aubertin V. [?]) Kunst und Wissenschaft. — Im Kleinen Theater..., «Berliner Börsen-Zeitung» (2. Beilage), 25.11.1906, Nr. 552. S. [9].

его обширная рецензия, которая начиналась с утверждения о том, что Запад, отодвинув в тень более великого Чехова, избаловал Горького, потому что тот был русским, бродягой и революционером. По мнению Элоэссера, подобная несправедливость требует пересмотра, и сам Горький своими последними пьесами приближает эту переоценку. Уже пьеса *Nachtsyl*, по Элоэссеру, была лишь слабой сценической переработкой нескольких тем из сборника «Бывшие люди»¹⁶. Критик пожалел, что поэт Горький превратился в «*Handwerker*» (ремесленника / мастера), а не стал хотя бы малым пророком революции в момент ее свершения. Элоэссер, отметив, что в пьесе мало смысла и еще меньше чувства, пришел к резкому выводу о том, что произведение нехорошо, потому что революция редко порождает хорошие произведения, а газетная статья куда эффективнее, чем долгие разглагольствования. Обращаясь к героям, критик отметил, что руководящий класс представляется как сборище людей, угнетенный же класс лишен содержательности, а женские фигуры колеблются между этими двумя полюсами. Критик с горечью заключает, что факты хоть и верны, хоть и злободневны, но искусство, сообщаящее только факты, оставляет публику равнодушной и становится скучным¹⁷.

Присоединялся к этим голосам и писатель Альфред Керр, германист, журналист многих периодических изданий и один из самых важных театральных критиков того времени, публиковавший свои рецензии, в частности, в берлинской газете «*Der Tag*» с подзаголовком «*Moderne Illustrierte Zeitung*», лозунг которой на титульном листе гласит: «Не на службе партий — Свобода слова для всех партий».

Очень обширный обзор Керром постановки *Die Feinde* разделен на пять главок. Кратко резюмировав пьесу, критик сразу же привел заключительные слова, произнесенные молодой

¹⁶ Судя по цитированному заглавию, «*Verlorene Leute*» (Потерянные люди), Элоэссер имеет в виду перевод А. Шольца, опубликованный Кассирером в Берлине в 1904 г.

¹⁷ E. A. Theater und Musik. Kleines Theater. Sonnabend, 24 November. Zum ersten Male: *Die Feinde*. Drei Akte von Maxim Gorki, «*Vossische Zeitung*», 25.11.1906, Nr. 552. S. [15–16].

женщиной, которая, как уже отмечал Ландау (который, однако, приписывал слова Левшину), восклицает, что виновен убитый, а не убийца, заявление, которое в тексте Горького не выражено так очевидно. Затем Керр среди героев выделил морально сильных рабочих, еще более морально сильных женщин и жестокого, эгоистичного и спивающегося директора фабрики. Далее критик стал развивать свою мысль, восхваляя женский интеллект, упомянул Клару Цеткин и Лу Андреас-Саломе и высказал мнение о том, что мир благодаря более активному участию женщин стал бы лучше, больше соответствовал бы законам природы.

Возвращаясь к Горькому и его драме, Керр утверждал, что автор, «народный поэт, рожденный в лоне верной идеологии», изображает свой народ в героический период. Призывая читателя посетить спектакль, критик предвосхищал, что на протяжении двух действий зритель будет ждать, что произойдет нечто важное, и уже предвидел, что в конце пьесы публика поднимется на сцену, чтобы позвать руку героям, воплотившим в себе гнев восставших. По Керру, как и по Элоэссеру, герои пьесы лишены индивидуальной характеристики, потому что автор стремился изобразить всего лишь обычных людей. Керр также считал, что не произведение как таковое вызывает отклик, а изображенная в нем революция, и поэтому пьеса является не чем иным, как побуждающим к действию призывом, брошенным поэтом, верящим в победу тех, кто является для него истинными героями. В заключение Керр утверждал, что качество пьесы не важно, главное — сила ее воздействия.

Несмотря на первоначальные препятствия, пьеса *Die Feinde* по инициативе «Freie Volksbühne» продолжала кочевать по берлинским театрам, как явствует из рецензии для Первого приложения газеты «Vorwärts» 1912 г.¹⁸

¹⁸ k. e. Freie Volksbühne (im Thalia-Theater): «Die Feinde» von Gorki, «Vorwärts» (1. Beilage), 10.12.1912, Nr. 288. S. [5]. Креновски провел линию от пьес *Die Kleinbürger* и *Nachtsyl* до драмы *Die Feinde*, строящейся на конфликте между социалистическим промышленным пролетариатом и капиталистической буржуазией, и сделал вывод о том, что «пьеса в целом произвела трогательное впечатление, о чем свидетельствовали единодушные аплодисменты».

Заключение

Постановки пьес Горького на берлинских сценах вписывались в контекст зарождающейся деятельности по распространению прогрессивных идей, пропаганде социалистических требований, а также по поддержке прав рабочих, проводимой движением, связанным с «Volksbühne». Кульминационный успех выпал на долю пьесы *Nachtsyl*, привлечшей значительно более широкую аудиторию, чем зрителей из среды социалистической и рабочей интеллигенции. Следующие же за ней постановки пьес *Kinder der Sonne* и *Die Feinde* пользовались меньшей популярностью у публики и критиков, поскольку считалось, что их идейность и политико-социальный посыл преобладают над художественными качествами.

Перевод с итальянского А.В. Бычковой

Список литературы

1. Спиридонова Л. Горький и революция: писатель не принял красный Октябрь // Литературная газета. 2017. № 2 (6591). URL: <https://lgz.ru/article/-12-6591-29-03-2017/gorkiy-i-revolyuksiya/> (дата обращения: 19.09.2022)
2. Schmidt C. "Gorkis 'Kleinbürger'. Lessing-Theater", Unterhaltungsblatt des Vorwärts, 09.09.1902, Nr. 175. S. 698–699.

М. ГОРЬКИЙ И ИСКУССТВО НЕМЕЦКОГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА: ПАРАЛЛЕЛИ И ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

© 2023 г. Н.Н. Примочкина

Статья подготовлена в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 21-18-00131 «А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве»).

Аннотация: В статье на основе архивных документов и материалов личной библиотеки М. Горького исследован вопрос об отношении писателя к немецкому экспрессионизму — самому яркому течению в искусстве Германии начала XX в. Рассмотрены факты творческих и личных контактов Горького с ведущими театральными режиссерами Германии М. Рейнхардтом и Э. Пискатором, с революционными писателями-экспрессионистами И. Бехером, Э. Толлером и др. Выявлен интерес русского писателя к различным видам немецкого экспрессионистского искусства: литературе, театру и кино. Анализ произведений Горького в контексте творчества немецких экспрессионистов обнаруживает определенное сходство в их идейных и эстетических взглядах, выявляет их общий антивоенный, протестный и гуманистический пафос, направленный на защиту человеческой личности, страдающей в уродливо деформированном войнами и революциями мире.

Ключевые слова: М. Горький, немецкий экспрессионизм, М. Рейнхардт, Э. Пискатор, И. Бехер, Р. Вине, О. Кокошка, А. Шёнберг, А. Лоос.

Информация об авторе: Наталья Николаевна Примочкина — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: nprim47@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5536-7657>

Для цитирования: Примочкина Н.Н. М. Горький и искусство немецкого экспрессионизма: параллели и пересечения // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 71–96. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-71-96>

M. GORKY AND THE ART OF GERMAN EXPRESSIONISM: PARALLELS AND INTERSECTIONS

© 2023. Natalia N. Primochkina

Acknowledgements: This article was prepared in A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences as part of the Russian Science Foundation grant (RSF, project № 21-18-00131, “A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space”).

Abstract: Based on archival documents and materials of M. Gorky's personal library, the article examines the question of the writer's attitude to German expressionism, the brightest trend in German art of the early twentieth century. The facts of Gorky's creative and personal contacts with leading German theater directors M. Reinhardt and E. Piscator, with revolutionary expressionist writers I. Becher, E. Toller, etc. are considered, the interest of the Russian writer in various types of German expressionist art is revealed: literature, theater and cinema. The analysis of Gorky's works in the context of the work of the German Expressionists reveals a certain similarity in their ideological and aesthetic views, reveals their common anti-war, protest and humanistic pathos aimed at protecting the human person suffering in the world deformed by wars and revolutions.

Keywords: M. Gorky, German Expressionism, M. Reinhardt, E. Piscator, I. Becher, R. Vinet, O. Kokoshka, A. Schoenberg, A. Loos.

Information about the author: Natalia N. Primochkina, DSc in Philology, Director of Research, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: nprim47@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5536-7657>

For citation: Primochkina, N.N. "M. Gorky and the Art of German Expressionism: Parallels and Intersections." *A.M. Gor'kii v Germanii: pisatel' i ego okruzhenie v sotsio-kul'turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 71–96. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-71-96>

На первый взгляд, сопоставлять, даже ставить рядом такие огромные, но разнородные национальные культурные явления, как немецкий экспрессионизм и центральная, стержневая фигура русской литературы XX в. М. Горький, — по меньшей мере — некорректно. Но более спокойное, внимательное отношение к проблеме выявляет между ними, как ни странно, весьма ощутимые магнитные линии идейного и эстетического притяжения и даже отдельные точки пересечения.

Почему же данная тема остается до сих пор не только не изученной досконально, но даже почти не затронутой отечественным горьковедением? На наш взгляд, главная причина состоит в том, что исследователям творчества писателя хорошо известны его многочисленные довольно резкие публичные выступления против авангарда, против уродливости, трюкачества и пустого формализма отдельных представителей этого нового искусства. Вероятно, именно это обстоятельство помешало заметить в текстах Горького, в его поэтике явные приметы и приемы экспрессионистской образности, которые он, возможно подсознательно, интуитивно, широко использовал в своей художественной практике. Кроме того, приходится признать, что в обширном творческом наследии писателя мы не обнаружили каких-либо прямых высказываний о русском или немецком экспрессионизме. Тем не менее имеется множество фактов, которые косвенно свидетельствуют о глубокой заинтересованности Горького в этом новом и ярком явлении европейского искусства XX столетия.

Автор книги «Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века» В.Н. Терехина дает следующее определение этому течению: «Экспрессионизм (от лат. «expressio» — выра-

жение) — художественное направление, в котором утверждается идея прямого эмоционального воздействия, подчеркнутой субъективности творческого акта, предполагает отказ от правдоподобия в пользу деформации и гротеска, сгущение мотивов боли, крика. <...> Экспрессия, экспрессивность присущи самой природе художественного творчества и только крайняя, экстатическая степень их проявления может свидетельствовать об экспрессионистском способе выражения»¹. В настоящее время существует авторитетное мнение ученых об экспрессионизме как всеохватном художественном течении, вобравшем в себя все стилевое многообразие культуры начала XX в. В.Л. Топоров, например, пишет об этом: «Поздний символизм и, казалось бы, давным-давно исчерпанный натурализм, акмеизм, эго- и кубофутуризм, имажинизм, дадаизм, сюрреализм — все эти течения вобрал в себя экспрессионизм, став единым и единственно мощным литературно-художественным движением первой трети века»².

В России экспрессионизм возник на заре XX в. сначала как литературное течение и был связан прежде всего с прозой и драматургией Л.Н. Андреева, но затем постепенно проник в другие сферы искусства, утверждаясь в живописи, театре, кино и музыке. В Германии формирование экспрессионизма как направления началось с двух объединений художников. В 1905 г. в Дрездене возникла группа «Мост», в 1911 г. в Мюнхене было создано объединение экспрессионистов «Синий всадник». Своими предшественниками они считали голландца В. Ван Гога, француза П. Гогена, бельгийца Дж. Энсора и норвежца Э. Мунка. Впервые после долгого перерыва в Германии возникло новое художественное течение, оказавшее значительное влияние на все мировое искусство. В 1911 г. в Берлине начал выходить журнал «Акцион» («Действие»), сплотивший левые, революционные, политически активные силы экспрес-

¹ Терехина В.Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века. Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 3.

² Топоров В.Л. Поэзия эпохи перемен // Сумерки человечества. Лирика немецкого экспрессионизма. М.: Московский рабочий, 1990. С. 6.

сионизма. Другой экспрессионистический журнал «Штурм» (выходил с 1910 г.), напротив, провозглашал свободу искусства от политики. Именно по этому вопросу между двумя изданиями велась жаркая полемика. Однако это не мешало, особенно в первое время, печататься одним и тем же авторам на страницах обоих журналов.

Горькому были близки многие основополагающие политические, общественные и эстетические идеи русского и немецкого экспрессионизма, его философско-этические основы: антивоенный пафос, отвращение к войне (многие из представителей этого течения прошли войну, были ранены, некоторые погибли), бунтарство против старых порядков и старого искусства, острая антибуржуазная направленность. Во многом это было проявление бунта молодого поколения против поколения «отцов» (например, в знаменитой драме немецкого писателя В. Газенклевера «Сын»). У Горького конфликт отцов и детей лежал в основе многих произведений, в том числе его семейных драм, начиная с первой пьесы «Мещане». Экспрессионисты провозгласили человека главной и единственной ценностью в идущем к гибели мире, и это также не могло не привлекать к ним антропоцентриста и антропоморфиста Горького. Они призывали к сознательной активности человека, что вполне соответствовало самым горячим устремлениям русского писателя. В атмосфере ненависти и вражды, порожденной войной, писатели-экспрессионисты призывали относиться даже к своему противнику, врагу как к человеку и другу, что также было очень близко убежденному пацифисту Горькому. В то же время следует признать, что в первые послереволюционные годы писателя весьма привлекали и другие, «темные» стороны сознания и творчества экспрессионистов, болезненные проявления их мировосприятия, их обостренный интерес к пограничным состояниям человеческой души, к сновидениям, галлюцинациям и бреду, к различным видам душевных болезней, сумасшествию, раздвоению личности (тема двойников) и т. п.

Начало 1920-х гг. — особый период в жизни и творчестве Горького. В это время ему пришлось пережить тяжелейшую

духовную драму. Первая мировая война разрушила прежнюю веру Горького в богоподобного Человека и в торжество человеческого разума. Пессимистические, тяжелые настроения писателя еще больше усилились в последующие годы. Глубоко разочарованный и потрясенный жестокостью революции, ее террором и кровью, осенью 1921 г. он был вынужден надолго покинуть родину и на два первые года обосноваться в послевоенной Германии.

Пережитые писателем кошмары военной и революционной действительности были особенно тяжелы для человека такого психического склада, как Горький. Сохранилось множество свидетельств о его чрезмерной впечатлительности и гипертрофированной чувствительности. Например, его гражданская жена, артистка М.Ф. Андреева вспоминала, как Горький, описывая в повести «Жизнь Матвея Кожемякина» убийство мужем своей жены, потерял сознание и упал со стула, а на теле у него, в том месте, куда муж ударил жену ножом, образовалась стигма³.

Писательница-эмигрантка Т.И. Манухина, жена лечившего Горького доктора И.И. Манухина, так характеризовала противоречивую личность писателя: «...Впечатлительность у него была, действительно, необыкновенная, ненормальная — сверхнормальная и в некоторых случаях граничила с истерией <...>. Повышенная эмоциональность Горького была связана с болезненно-обостренной нервной возбудимостью <...> Он был склонен к бреду и к галлюцинациям. Ему делалось дурно под влиянием какого-нибудь сильного впечатления или ошеломляющей, радостной или скорбной вести. Прimitивно-страстная эмоциональность обуславливала, вероятно, и своеобразное мироощущение Горького...»⁴.

В связи с этим важно подчеркнуть, что Горький, в силу отмеченных выше особенностей его человеческой натуры и пси-

³ Андреева М.Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М.: Искусство, 1968. С. 200–202, 404.

⁴ Воспоминания Т. Таманина (Т.И. Манухиной) / вступ. ст., подгот. текста и примеч. И.А. Бочаровой // Публицистика М. Горького в контексте истории. М. Горький. Материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Вып. 8. С. 564–565.

хической организации, поневоле должен был тяготеть именно к экспрессионистическому мировосприятию и экспрессионистским способам и приемам изображения человека и окружающей его реальности, предполагавшим непосредственное эмоциональное воздействие на читателя, экстатическую степень проявления чувств, сгущение мотивов душевной и физической боли.

Оказавшись за рубежом, писатель почувствовал себя очень одиноким и потерянным, но изо всех сил старался «сохранять лицо» перед многочисленными иностранными журналистами и русскими эмигрантами, наводнившими Германию. Единственный человек, которому Горький решился откровенно рассказать о своем тяжелом психическом состоянии, о своих душевных страданиях, был его далекий французский друг Р. Роллан. Вскоре по приезде в Берлин он писал Роллану: «Я чувствую себя очень утомленным; за последние семь лет жизни в России я видел и пережил много тяжелых — тем более тяжелых, что они вызваны к жизни не могучей логикой чувства и воли, а тупым и холодным рассудком фанатиков и трусов.

Тяжело также видеть зловещую настороженность хищных птиц и зверей, которые, глядя на судороги смертельно уставшей России, ожидают безопасной минуты, чтобы выклевывать ее глаза и разорвать голодное тело <...>. Может быть, это только результат утомления, однако — это очень больно...»⁵.

Жизнь в послевоенной Европе еще более углубила мрачные мысли писателя о современной действительности, а его знакомство с новой европейской философией, с новинками западной литературы и театра обострило интерес к авангардным течениям в искусстве. В это время Горький глубже, чем прежде, начинает постигать разлитую в мире стихию зла, меньше верить в рациональные начала человеческой жизни, в возможность справедливого мироустройства. В его воображении и в его творчестве возникает инфернальный образ злобно хохочущего, глумящегося над людьми дьявола. Вот с какой без-

⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13. С. 264–265.

надежностью и отчаянием ответил Горький в январе 1922 г., вскоре после своего приезда в Германию, на просьбу Общества друзей Музея Гёте написать несколько строк по поводу 90-летия со дня смерти немецкого поэта:

«Я живу на земле Европы, а эта земля еще не впитала в себя кровь миллионов людей, и уже снова встает над нею грозный призрак кровавой бойни. По этой прекрасной, обильной творчеством земле ползают миллионы изуверченных войною и грезят о беспощадной мести. Все ярче разгорается вражда, и всюду шипят змеи мщения. Европе грозит гибель в крови и хаосе. На Востоке ее — треть огромного народа издыхает от голода, создавая на земле очаг эпидемии <...>».

Если существует Дьявол или какой-то другой творец бессмысленного зла, — он, торжествуя, хохочет. И если где-то во вселенной носятся тени наших великих людей, — Дьявол говорит их ареопагу:

— Посмотрите на землю, — вы напрасно творили великое!

И тени Тацита, Данте, Гиббона и Вольтера, прекрасного Шиллера и великого Гете, тени всех величайших художников слова, кисти, звука, великомучеников, которые создали идеи гуманизма и чудеса науки, — все они, слушая злой смех Дьявола, грустно думают:

— Да, мы напрасно творили великое!»⁶.

В это время Горький остро почувствовал, что старое классическое искусство уже неспособно целиком охватить и воссоздать глобальные перемены в жизни и сознании людей, что для их изображения нужны новые художественные формы. Это касалось и его собственного творчества, к которому писатель относился особенно придирчиво и строго. «...Если б я написал критическую статью о Горьком, — признавался он в 1923 г. в одном из писем Роллану, — это была бы самая злая и беспощадная критика <...>. Менее всего я поклонник <...> Горького...»⁷. Решив, что в новых исторических условиях послереволюционного бытия ему надо кардинально изменить свою манеру, научиться

⁶ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 23–24.

⁷ Там же. С. 265.

писать более экономно, точно, более емко, писатель обратился к «малой» прозе — очеркам, заметкам и рассказам. В результате напряженных идейно-художественных поисков Горький создает цикл новаторских литературных портретов своих великих современников, а также две экспериментальные по своей поэтике книги «Заметки из дневника. Воспоминания» и «Рассказы 1922–1924 годов». Для всех произведений этого времени характерны интенсивные поиски нового в области формы, усложнение реалистического метода, включение в него элементов и приемов символизма, импрессионизма и особенно экспрессионизма. Горький широко применял в своей художественной практике все те многочисленные авангардные приемы, которые были разработаны в экспрессионистической литературе (преимущественно в поэзии) и затем подхвачены и разнообразно использованы другими видами искусства, например экспрессионистским кино — мозаичность композиции, монтаж, наплыв, стремительная смена отдельных сцен, деталей, «кадров», общих и крупных планов, синтез строгой документальности с самой смелой фантастикой.

Изменение горьковского метода и стиля отражало существенные «сдвиги» в его мировоззрении и мироощущении, в его восприятии новой, поколебленной в своих основаниях, полуразрушенной мировой войной и русской революцией действительности и оказавшейся на ее руинах, в условиях всеобщего «крушения гуманизма» личности. Идея «расчеловечения» человека, отчуждения его от мира и от самого себя воплощалась у Горького, кроме всего прочего, и в описании внешности своих персонажей. Так появляются в книге «Заметки из дневника. Воспоминания» лица с глазами без зрачков и лица вообще без глаз.

Интересно также выяснить причины особого пристрастия Горького-художника в эти годы к зооморфизму, к анималистическим деталям в портретных изображениях его многочисленных персонажей. Он и в предреволюционные годы довольно часто пользовался при описании внешности персонажей сравнением их с каким-либо зверем или птицей. Подобные сопоставления позволяли более экономно, одной-двумя черта-

ми и одновременно очень ярко, зримо представить не только внешний облик того или иного героя, но и его психологические, поведенческие особенности. Эта тенденция значительно усилилась в творчестве писателя в первой половине 1920-х гг. Кровавые события войны и революции разбудили в «простом» русском человеке самые страшные, звериные инстинкты. Горький был хорошо информирован о многочисленных зверствах как со стороны красных, так и белых, читал о них в газетах, получал письма от своих многочисленных корреспондентов о творящихся на местах кровавых событиях. Многие факты указывают на то, что разнообразных монстров, людей со звериными повадками и обликами порождала в воображении Горького-художника сама революционная действительность.

Гораздо более «глобальными» причинами пристрастие позднего Горького к авангардным приемам, в том числе к зооморфизму, анимализму, абсурду и деперсонализации, объясняет автор интересных исследований об авангардизме писателя Л.М. Борисова. «Горький-портретист прибегает к абсурду, — утверждает она, — с более общей целью — продемонстрировать недоволощенность человеческого рода в целом. Утопическое сознание не способно мириться с несовершенством мира»⁸. Приведя в одной из своих последних статей многочисленные примеры авангардной образности в творчестве позднего Горького, Борисова подводит итог своим наблюдениям: «...На протяжении многих лет писатель с репутацией бытовика-реалиста был тайным попутчиком экстремалов-новаторов»⁹. Действительно, усилившееся после революции ощущение «этической недостаточности», «недоволощенности» современного человека и утопические надежды на возможность «переделки», «перековки» его природы более всего сближали Горького с современными ему писателями, поэтами и художниками, принадлежавшими к авангардным течениям в искусстве, и диктовали ему новые формы и приемы изображения.

⁸ Борисова Л.М. «Да — был ли мальчик-то?» О смысле горьковского рефрена // *Acta eruditorum*. 2020. Вып. 3. С. 15.

⁹ Борисова Л.М. «Черный квадрат». О границах горьковского авангардизма // *Вопросы литературы*. 2021. № 5. С. 25.

Наибольшее сближение творческих устремлений Горького с немецким экспрессионизмом произошло в 1921–1923 гг., когда писатель, потрясенный кровавыми событиями Первой мировой войны и русской революции, покинул советскую Россию и поселился в Германии. Но его погружение в культурную атмосферу послевоенного Берлина было подготовлено знакомством писателя с немецкой духовной элитой и немецким искусством, которое состоялось еще в 1906 г., во время его первого приезда в Берлин.

Как известно, в Европе, в том числе и в Германии, очень рано пробудился острый интерес к творчеству молодого писателя-бунтаря из далекой России. Подводя итоги многочисленных исследований немецких ученых на эту тему, Т.В. Кудрявцева убедительно пишет о «стремительном вхождении» раннего Горького «в немецкоязычное культурное пространство»¹⁰. В качестве примера такого «стремительного вхождения» остановимся подробнее на истории театральных постановок горьковских пьес в Германии, осуществленных ведущими немецкими режиссерами.

Уже первая написанная Горьким пьеса «Мещане» сразу была переведена и поставлена на сцене трех немецких театров. Феноменальный успех имела в Германии вторая горьковская пьеса «На дне», поставленная на сцене берлинского Малого театра молодыми режиссерами Рихардом Валлентином и Максом Рейнхардтом. Премьера спектакля под названием «Ночлежка» состоялась в начале января 1903 г. Пьеса трактовалась в символистском, мистическом духе. Персонажи пьесы, похожие на привидения, томились в ужасном глубоком подвале, напоминающем преисподнюю. Постановщики сами играли две главные роли: Валлентин изображал Сатина, Рейнхардт — Луку, который в трактовке последнего был единственным лучом света в темном царстве ночлежки, нес ее несчастным обитателям утешение и благодать. Успех именно этой постановки позволил Рейнхардту вскоре стать директором и

¹⁰ Кудрявцева Т.В. Раннее творчество А.М. Горького в Германии (переводы, публикации, интерпретации) // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 3. С. 116. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-116-133>.

художественным руководителем большого Немецкого театра в Берлине.

То, что для подобной символической трактовки горьковской пьесы имелись основания, подтверждает, например, тот факт, что через сто лет режиссер-новатор В. Белякович в московском Театре на Юго-Западе осуществил одну из самых интересных постановок «На дне», которая оказалась близкой по духу к тому, что когда-то сделали Валлентин с Рейнхардтом. У Беляковича ход спектакля перебивался «экзистенциальными» сценами: ночлежка наполнялась мертвенно-синим, «загробным» светом и дымом, а ее обитатели в белых одеждах, похожие на сомнамбул, начинали стонать и корчиться на своих нарах, словно души грешников в ожидании Судного дня.

В декабре 1904 г. Горький сообщил Рейнхардту, что посылает ему рукопись новой пьесы «Дачники», хотя и сомневался, что она заинтересует режиссера. Опасения писателя оправдались, «Дачников» Рейнхардт не взял. Зато в его театре в январе 1906 г. была поставлена пьеса «Дети солнца», написанная Горьким во время тюремного заключения в Петропавловской крепости, куда он попал за активное участие в событиях революции 1905 г. «Детей солнца» поставил режиссер Виктор Барновский, известный своими постановками пьес немецких драматургов-экспрессионистов. Премьера почти совпала с первым приездом Горького в феврале 1906 г. в Германию. 7 марта писатель был в Малом театре Берлина и смотрел там «Детей солнца».

Этот первый приезд Горького в Берлин вызвал горячий энтузиазм у революционно настроенной творческой интеллигенции Германии и одновременно подозрение и страх у властей, установивших полицейское наблюдение за писателем. Сразу по прибытии Горький был приглашен вместе с артистами гастролировавшего в Германии Московского художественного театра на специально устроенный благотворительный театральный вечер, сбор с которого был направлен в фонд большевиков. Концерт состоялся 10 марта 1906 г. в Немецком театре. Горький прочитал на вечере «Легенду о Данко», В.И. Качалов — «Песню о Буревестнике», М. Рейнхардт — монолог Луки на немецком

языке. Были также сыграны отдельные сцены из пьесы «На дне». Горький играл роль Луки, его гражданская жена, артистка М.Ф. Андреева — роли Насти и Наташи, Качалов — Барона и Васьки Пепла, И.М. Москвин — Клеца и Бубнова. На вечере присутствовали вожди социал-демократической партии Германии К. Либкнехт и К. Каутский, а в literной ложе сидели сыновья кайзера Вильгельма с кронпринцем. При появлении Горького вся публика встала и горячо приветствовала писателя¹¹.

В Берлине Горький постоянно общался с Либкнехтом и Каутским и даже прожил несколько дней в доме А. Бебеля. В эти же дни он получил от сестры Ф. Ницше Э. Фёрстер-Ницше приглашение посетить дом в Веймаре, где жил и умер немецкий философ. Горький не смог им воспользоваться, но в ответном письме выразил свою любовь и почтение к великому философу и его сестре¹². В Берлине писатель прожил три недели, отсюда уехал в Швейцарию и затем надолго в Америку. Подводя итоги своего пребывания в Германии в 1906 г., Горький писал: «Немцы относились ко мне очень внимательно, и мое слово для них — кое-что значит»¹³.

В дальнейшем писатель продолжал поддерживать творческие контакты с Рейнхардтом. В ноябре 1906 г. в его театре тем же Барновским была поставлена революционная пьеса Горького «Враги», которая вскоре была запрещена даже в Германии. В 1910-е гг. Рейнхардт поставил горьковскую пьесу «Последние» и инсценировал его рассказы «Макар Чудра» и «Хан и его сын». В письме от 27 августа 1910 г. Рейнхардт приглашал проживавшего в это время в Италии Горького в Берлин на премьеру «Последних», которая состоялась 6 сентября в Немецком театре¹⁴. Творческое общение с немецким режиссером продолжилось и после революции 1917 г. Рейнхардт был одним из первых деятелей немецкой культуры, с которым Горький встретился в ноябре 1921 г., сразу по приезде в Берлин.

¹¹ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1999. Т. 5. С. 417.

¹² Там же. С. 152.

¹³ Там же. С. 154.

¹⁴ Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН (Москва). КГ-инГ 3-59-2.

Рейнхардт был настоящим реформатором театрального искусства, режиссером-экспериментатором. Естественно, он не мог остаться в стороне от самого популярного в Германии художественного течения — экспрессионизма. Его привлекали художники и писатели этого авангардного искусства. Еще в 1906 г. он поставил пьесу Г. Ибсена «Привидения» с декорациями одного из родоначальников экспрессионизма, норвежского художника Э. Мунка, которые усиливали мрачную атмосферу обреченности, царящую на сцене. В 1920-е гг. тот же Рейнхардт поставил в своем театре пьесы ведущих немецких писателей-экспрессионистов А. Штрамма «Силы» и Ф. Верфеля «Однажды ночью», а также фантастическую, с элементами мистики авангардную пьесу итальянского драматурга Л. Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора». Не менее важно отметить, что некоторые выдающиеся режиссеры немецкого немого кино — этого ярчайшего проявления экспрессионистического искусства — учились особой манере актерской игры именно у Рейнхардта. Известно, например, что учеником этого режиссера был один из «столпов» немецкого экспрессионистского кинематографа Ф.В. Мурнау, родоначальник столь популярного до сего дня жанра «ужасы». Любопытен и другой факт, связанный с Рейнхардтом: в литературном отделе его театра в 1924–1926 гг. работал начинающий писатель и драматург Б. Брехт, тот самый Брехт, который через несколько лет станет создателем немецкого политического театра и напишет в 1931 г. по мотивам горьковской «Матери» одноименную драму, доведя в ней события повести до революции 1917 г.

Но вернемся к теме творческих контактов Горького и Рейнхардта. Из всего вышесказанного становится ясно, что Горький, который в начале 1920-х гг. прилагал героические усилия, направленные на обновление своего творчества, в том числе и драматургии, совсем не случайно столь живо отозвался в 1926 г. на предложение режиссера написать для его театра пьесу. Вероятно, в расчете на новаторский театральный «почерк» Рейнхардта Горький написал одну из своих самых «загадочных», до сих пор до конца не понятых философско-психологических пьес «Фальшивая монета», в которой ярко проявились симво-

листские и экспрессионистские черты нового театрального искусства: царящая на сцене атмосфера лжи и «чертовщины», тема сумасшествия, зеркальная парность персонажей (двойники), таинственные, «темные» герои с бесовскими чертами характера и т. п. К сожалению, эта постановка не состоялась. Немецкие актеры плохо понимали смысл новой пьесы Горького. Но главной причиной отказа Рейнхардта от постановки «Фальшивой монеты», вероятно, было резкое публичное выступление против нее наркома просвещения А.В. Луначарского¹⁵. 17 января 1927 г. Горький с тревогой и горечью писал Е.П. Пешковой: «Что же: провалил Луначарский мою пьесу? Немцы тоже, кажется, не поставят ее. Испугались. Неловко ставить пьесу, обруганную министром народного просвещения»¹⁶.

Несмотря на этот неприятный инцидент, омрачивший многолетние творческие отношения русского писателя и немецкого режиссера, Рейнхардт считал своим долгом поздравить Горького с 60-летием и выразить ему свои самые теплые и глубокие чувства. 26 марта 1928 г. он прислал писателю телеграмму: «С чувством глубокой и искренней любви приношу поздравления к шестидесятилетнему юбилею Вашей благой родной жизни. Макс Рейнхардт»¹⁷.

В начале 1920-х гг. Берлин становится театральной столицей Европы со своим «Станиславским» — Максом Рейнхардтом и своим «Мейерхольдом» — Эрвином Пискатором. Младший современник Рейнхардта, режиссер гораздо более радикальный, Пискатор был яростным приверженцем нового направления в немецком искусстве — левого, революционного экспрессионизма. Он также с большим пиететом относился к «буревестнику» русской революции Горькому. Пискатор, например, одним из первых откликнулся на призыв русского писателя о помощи голодающему населению советской России.

¹⁵ Подробнее см.: Примочкина Н.Н. Пьеса М. Горького «Фальшивая монета»: новое прочтение // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 3. С. 138–149.

¹⁶ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2013. Т. 16. С. 230.

¹⁷ Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН (Москва). КГ-инГ 3-59-1.

22 декабря 1921 г. он сообщил в письме Горькому, что готовит в Берлине при участии русских и немецких артистов большое театральное представление и аукцион произведений немецких художников-экспрессионистов в пользу русского народа, и просил писателя о «почетном представительстве»¹⁸. Но больной туберкулезом и истощенный Горький в это время лечился в санатории на юге Германии и не мог быть на этом вечере.

В 1920 г. Пискаатор основал в Берлине «Пролетарский театр», в 1923 г. — «Центральный театр», в котором среди прочего с большим успехом шла пьеса Горького «Мещане». В 1924 г. Пискаатору удалось «отвоевать» у Рейнхардта один из его театров — большой Народный театр в Берлине, в котором он ставил революционные экспрессионистические пьесы Ф. Вольфа, Э. Толлера и др. В этом театре режиссер инсценировал горьковскую повесть «Мать» и там же поставил пьесу «На дне». Премьера спектакля состоялась 10 ноября 1926 г.

А через месяц, 10 декабря, Пискаатор сообщил Горькому, что за прошедшее со дня премьеры время состоялось уже 26 представлений «На дне», которые посмотрело 50000 зрителей. Далее в этом же письме он в довольно резкой, даже дерзкой форме попытался заручиться согласием писателя на переделку пьесы в революционном духе. «Даже по мнению обывателей (буржуа), — писал режиссер, — конец пьесы кажется устарелым и проникнут неверным и отжившим мировоззрением. По всей вероятности, Вы не согласитесь на полную переделку? Как видите, я все-таки пишу обо всем этом, а мог бы и не считаться и сделать по-своему, так, как считаю нужным»¹⁹. Здесь следует, видимо, пояснить, что Пискаатор вообще-то не привык церемониться с авторами, часто по своему усмотрению переставлял и переделывал классические тексты, переносил историческое действие в современность и превращал в революционеров героев прежних эпох.

Хотя Пискаатор просил о личном ответе на это письмо, ответила ему вместо Горького его личный секретарь М.И. Будберг.

¹⁸ Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН (Москва). КГ-инГ 3-52-1.

¹⁹ Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН (Москва). КГ-инГ 3-52-2.

29 декабря 1926 г. она сообщала из Берлина проживавшему в это время в Италии писателю: «А Пискатор очень был обижен, что ответили не Вы, а я, но так ему и надобно, конечно. Пьесу действительно посещают, и деньги он должен в основном количестве заплатить 1 января, но “На дне” поставил с немилосердными “новшествами”»²⁰.

С.М. Демкина пишет об истории и революционном новаторстве этой постановки: «Обратившись к хорошо известной к тому времени в Европе драме, Пискатор просил автора внести в текст изменения, добавив революционные моменты. Горький остался верен себе, пояснив, что давно законченную пьесу, отразившую определенную историческую эпоху, считает раз и навсегда завершенной. Тогда Пискатору, по его собственному признанию, пришлось самому раздвигать рамки пьесы.

В Музее А.М. Горького есть изображение одного из фрагментов спектакля. На сцене скошенный помост, вся ночлежка (нары, печь, стена) словно накренилась вправо и в любой момент вместе с обитателями будет сметена. Все персонажи, кроме одного в центре (Сатин), лежат. На первый взгляд, их лица и позы безвольны, апатичны; но скрытая угроза ощущается в этих людях, и в этом подвале, и в этой гнетущей безнадежности. Название “Ночлежка”, крупными буквами помещенное на заднике, воспринимается как вызов, даже некий приговор тем, кто внутри сценического пространства, и тем, кто вне его.

Пискатор, сторонник политического театра, стремясь создать яркий революционный спектакль, героев пьесы сделал волевыми, сильными личностями, практически революционерами. Зрители слышали выстрелы, увидели и демонстрации, и ночлежников, отбивающих Ваську Пепла у полицейских, и арест Луки, и др.»²¹.

Несмотря на личную обиду из-за невнимания Горького к его творчеству, Пискатор в марте 1928 г. послал к 60-летию

²⁰ А.М. Горький и М.И. Будберг. Переписка (1920–1936) // Архив А.М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2001. Т. 16. С. 148.

²¹ Демкина С.М. Пьеса М. Горького «На дне» на немецкой сцене (по материалам Музея А.М. Горького ИМЛИ РАН) // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3, № 1. С. 259. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-1-252-265.

писателя большое и пафосное приветственное письмо, в котором назвал его «нашим духовным вождем»²².

Один из крупнейших театральных режиссеров XX в., убежденный революционер и коммунист, Пискатор в 1931 г. переехал в СССР и в 1935 г. был избран председателем Международного объединения революционных театров. В Архиве А.М. Горького сохранились три его письма, адресованные писателю, относящиеся к этому времени. В письме от 14 февраля 1934 г. Пискатор сообщал, что хочет поставить пьесы Горького «Егор Булычов» и «Достигаев и другие», в письме от 14 сентября 1934 г. делился планами создания Интернационального театра для русских и немецких рабочих, 19 мая 1935 г. писал, что мечтает наконец встретиться с «величайшим пролетарским писателем» лично²³. Но встреча, судя по всему, так и не состоялась. Возможно, Горький сознательно уклонялся от сближения со своим адресатом. Вероятно, писателя более всего настораживал революционный и художественный радикализм этого режиссера-новатора.

Глубже погрузиться в атмосферу экспрессионистского искусства Германии Горькому также могло помочь знакомство с немецким кино, которое в начале 1920-х гг. переживало бурный расцвет. При этом надо помнить: если знакомству с новым театральным искусством и новинками экспрессионистской немецкой литературы писателю мешал языковой барьер, то в случае с «великим немцем» — немецким кинематографом — такого барьера не существовало. Немногочисленные титры, если они и были, Горькому помогали перевести его спутники. В кино он ходил, как правило, вместе с домочадцами и друзьями.

Горький проявлял живой интерес к кинематографу с самого его зарождения. В 1896 г. кинематограф братьев О. и Л. Люмьер впервые появился в России. Первый показ состоялся в мае в Петербурге, а уже в июне Горький, начинающий писатель и журналист, присутствовал на одном из показов их фильмов

²² Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами // Архив А.М. Горького. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 8. С. 195.

²³ Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН (Москва). КГ-инГ 3-52-4, 5, 6.

на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. На крайне эмоционального молодого человека это необычное зрелище произвело огромное впечатление, которым он поспешил поделиться с читателями. «Вчера я был в царстве теней, — писал он в одной из своих «Беглых заметок», напечатанной 4 июля 1896 г. в газете «Нижегородский листок». — Как странно там быть, если бы вы знали. Там звуков нет и нет красок. Там всё, — земля, деревья, люди, вода и воздух, — окрашены в серый, однотонный цвет; на сером небе — серые лучи солнца; на серых лицах — серые глаза, и листья деревьев серы, как пепел. Это не жизнь, а тень жизни, и это не движение, а беззвучная тень движения <...>. Безмолвно колеблется под ветром пепельно-серая листва дерев, беззвучно скользят по серой земле серые, тенеобразные фигуры людей, точно проклятые проклятием молчания и жестоко наказанные тем, что у них отняли все цвета, все краски жизни <...>. Эта беззвучная, серая жизнь в конце концов смущает и давит вас; кажется, что в ней есть какое-то предупреждение, полное неуловимого, но мрачного смысла, щемящего душу тоской <...>. Вспоминаешь о привидениях, о проклятиях, о злых волшебниках, околдовавших сном целые города»²⁴.

Как видим, Горький уже тогда, на заре кинематографа, разглядел в самой его природе нечто иллюзорное, фантастическое, инфернальное. То самое, что будет особенно сильно проявлено позже в немецком экспрессионистском кино.

По прибытии в 1921 г. в Берлин Горький сразу начал знакомиться с новыми немецкими фильмами. Уже через несколько дней после приезда, 10 ноября он сообщал одному из адресатов свои впечатления о местном кинематографе, писал, что в нем «преобладают картины на темы религиозные и мистические»²⁵. Сын М.Ф. Андреевой режиссер Ю.А. Желябужский вспоминал о годах жизни писателя в Германии: «Затем я встретился с Горьким уже в 1922–1923 гг. в Берлине. Интерес

²⁴ Цит. по: Плотникова А.Г. М. Горький и кинематограф. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 8–9.

²⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13. С. 256.

его к кинематографу в это время не только не ослабел, но, я бы сказал, еще усилился. Каждый раз, когда он приезжал в Берлин, он обязательно шел в кинематограф. Мы вместе смотрели все тогдашние немецкие фильмы»²⁶. Заметим, кстати, что среди них могли быть и картины любимого театрального режиссера Горького — Рейнхардта, который еще до войны снял несколько фильмов: «Самурон» (1910), «Остров Блаженных» (1913) и «Венецианские ночи» (1914).

Вероятно, живой интерес Горького к европейскому кинематографу в эти годы объяснялся не только зрительским любопытством, но был связан с его профессиональной деятельностью. Вскоре после приезда в Германию писатель получил предложение от французской фирмы С. Горона написать несколько сценариев на темы из русской жизни. Остро нуждавшийся в средствах Горький подписал контракт и принялся за работу. В 1922–1923 гг. он написал для этой кинофирмы сценарии «Степан Разин» и «Жизнь одного еврея», а в середине 1920-х гг. к ним прибавились сценарии «По пути на дно», «Пропагандист» и «Ход коня». Последний из названных сценариев особенно интересен. Возможно, его заглавие Горький позаимствовал у теоретика авангардного искусства В.Б. Шкловского, с которым писатель в эти годы особенно сдружился. Сборник статей Шкловского «Ход коня» (М.; Берлин: Геликон, 1923) с очень теплой дарственной надписью Горькому до сих пор хранится в личной библиотеке писателя в его московском музее. Причем и у Шкловского, и у Горького эти заглавия носят ярко выраженный символический характер. Горьковский сценарий «Ход коня» имеет также глубинное сходство с пьесой «Фальшивая монета», над которой писатель работал в это же время. Произведения сближает общая тема неблагополучия жизни, царящих в ней лжи и зла, тема раздвоения сознания и сумасшествия главного героя, тема двойников и т. п.

Подобная проблематика и новая, экспериментальная поэтика этих и многих других произведений Горького начала

²⁶ Желябужский Ю.А. Воспоминания об отношении А.М. Горького к кино // Плотникова А.Г. М. Горький и кинематограф. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 225.

1920-х гг. («О вреде философии», «Паук», «Карамора», «Голубая жизнь», «О тараканах») заставляет вспомнить о немецком экспрессионистском кино, например о знаменитом фильме Р. Вине «Кабинет доктора Калигари» (1920), в котором искаженная реальность картины была показана глазами сумасшедшего. Этот фильм поражал зрителя экспрессивной постановкой мизансцен. Режиссер намеренно искажал пространство мизансцены и объекты, деформировал походку и лица своих героев, чтобы выразить их внутреннюю психологию. Декорации фильма были не сконструированы, а нарисованы художниками-экспрессионистами из группы «Der Sturm». Косые линии, острые углы, слишком большие столы и стулья, резкие спуски и подъемы — все это вызывало у зрителей чувства тревоги, страха и ужаса. Другие ведущие режиссеры немецкого кино (Ф. Ланг, Ф.В. Мурнау) очень скоро оценили новаторский стиль фильма и вслед за Вине начали использовать похожие приемы.

Глубокое влияние фирменного стиля немецкого экспрессионизма ощущается мировым кинематографом до сих пор. Например, в фильме оскароносного австрийского режиссера Ш. Рузовицки «Хинтерленд: город грехов», снятом в 2021 г., через сто лет после «Доктора Калигари». Вся картина снималась на мрачном синем фоне. Виды улиц Вены начала 1920-х гг. создавались на компьютере специально в искаженных пропорциях. В кадре почти нет ровных линий и прямых углов, все здания стоят под наклоном, как в отражении кривого зеркала. Этот прием, видимо, был призван усилить чувства беспокойства и страха у зрителей, показать деформированный, разрушенный войной внутренний мир героя. Сам режиссер назвал свой фильм цифровой версией «Кабинета доктора Калигари». Для него это стало еще и данью немецкому экспрессионизму — самому яркому периоду в истории кинематографа Германии.

Возвращаясь к Горькому, к его произведениям начала 1920-х гг., в образной структуре и стиле которых явственно проступают черты и приемы авангардного искусства²⁷,

²⁷ Подробнее см.: *Примочкина Н.Н. Поэтика эксперимента: творчес-*

можно на основании всего вышесказанного предположить, что писатель в этот период не избежал определенного влияния тематики и поэтики немецкого экспрессионистского кино.

В послереволюционные годы жизни в Германии Горькому удалось значительно лучше познакомиться и с литературой немецкого экспрессионизма. Как уже говорилось, на пути этого знакомства стояло серьезное препятствие — языковой барьер. Но как раз в 1922–1923 гг. появляются многочисленные русские переводы нового немецкого искусства. Причем многие из самых известных, знаковых произведений немецких экспрессионистов были переведены и подготовлены к печати в петроградском издательстве «Всемирная литература», которое осенью 1918 г. организовал и до своего отъезда из России возглавлял сам Горький. В 1922 г. в этом издательстве вышли драма Ф. Верфеля «Человек из зеркала», знаменитый роман «Голем» Г. Мейринка и книга «Шесть притоков» К. Эдшмита. В следующем 1923 г. выпуск произведений немецкого экспрессионизма продолжился. Здесь были напечатаны книги: «Тимур. Новеллы» К. Эдшмита, «Четыре новеллы» К. Штернгейма, «Драмы (Род; Площадь)» Ф. Унру и сборник статей «Экспрессионизм». Многие из названных книг присылались работниками издательства Горькому в Германию. Они до сих пор хранятся в его личной библиотеке, например: «Голем» Мейринка, «Шесть притоков» Эдшмита, сборник «Экспрессионизм».

Последняя из названных книг, сохранившаяся в личной библиотеке Горького, должна была вызвать особый интерес у писателя. В нее вошли статьи выдающихся представителей и теоретиков немецкого экспрессионизма, в которых были охвачены все аспекты этого художественного течения. Об этом говорят уже названия вошедших в сборник статей: «Новейшая Германия в литературе и искусстве» М. Мартерштейга, «Экспрессионизм в Германии» Ф.М. Гюбнера, «О новой прозе» М. Крелля, «Экспрессионистическая драма» Ю. Бабы, «Об экс-

прессионизме в живописи» В. Гаузенштейна и «Экспрессионизм в музыке» А. Шеринга²⁸.

Но, разумеется, интерес Горького к литературе немецкого экспрессионизма не ограничивался книгами, изданными во «Всемирной литературе». В его личной библиотеке сохранились произведения наиболее ярких представителей этого нового искусства, опубликованные в 1920–1930-е гг. также в других российских издательствах. Например, сборник новелл «Человек добр» и роман «Разбойники» Л. Франка, две книги стихотворений и антивоенный роман «Люизит» И. Бехера, комедия «Освобожденный Вотан» Э. Толлера, роман «Берлин, Александерплац» А. Дёблина и др.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. Горький продолжал сохранять интерес к немецким писателям-экспрессионистам. Но в это время его больше привлекало творчество левых, революционных писателей, многие из которых были идейно и даже организационно связаны с Коммунистической партией Германии и симпатизировали Советскому Союзу. Узнав в конце 1927 г. о готовящемся немецким правительством судебном обвинении Бехера в государственной измене за его стихи и антивоенный роман «Люизит», Горький выступил с протестом против суда над писателем. Протестное письмо было направлено в Лейпцигский суд и опубликовано 20 января 1928 г. в газете «Известия» (№ 17). В нем Горький назвал Бехера «прежде всего талантливым человеком», а его роман «Люизит» — «превосходным произведением художника, вдохновленного любовью и ненавистью»²⁹. К протесту Горького присоединились лучшие писатели Европы: Т. Манн, Р. Роллан, А. Барбюс, Э. Синклер и др. Под давлением мирового общественного мнения суд над Бехером был отменен. В ответ Бехер послал Горькому книгу своих стихов и письмо с благодарностью за поддержку, которая, по его словам, вызвала «могучий резонанс в Германии, во всем мире»³⁰.

²⁸ Экспрессионизм. Сб. статей / под ред. Е.М. Браудо и М.Э. Радлова. Пг.; М.: Госиздат (Всемирная литература), 1923.

²⁹ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 24. С. 308.

³⁰ Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами // Архив А.М. Горького. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 8. С. 183.

На свое 60-летие Горький получил в марте 1928 г. горячие приветствия от многих немецких революционных писателей-экспрессионистов (И. Бехера, Э. Толлера, А. Дёблина, А. Эренштейна, Л. Франка), в которых выражались безмерное уважение и любовь к русскому писателю, признание его «величайшим» писателем «всех времен»³¹.

Но и представители другой ветви немецкого и австрийского экспрессионизма, весьма далекие от марксистских революционных идей, стремились наладить личные и творческие контакты с Горьким. Об этом свидетельствует, в частности, письмо к нему (на французском языке) группы виднейших деятелей австрийского экспрессионистического искусства: знаменитого художника и писателя О. Кокошки, писателя-сатирика К. Крауса, выдающегося композитора XX в. А. Шёнберга и его последователей А. фон Веберна и А. Берга. Осенью 1930 г. они обратились к Горькому с просьбой присоединиться к приветствию известного немецкого и австрийского архитектора, теоретика и практика экспрессионизма в архитектуре А. Лооса, в связи с его 60-летием. Приведем полностью этот любопытный документ, сохранившийся в горьковском архиве:

«Вена, октябрь 1930 г.

10 декабря 1930 г. Адольфу Лоосу исполняется шестьдесят лет. Наш долг порадовать его и поблагодарить.

Вы, который верит, что сказал людям то, что они обязаны знать, но чего до сей поры еще не знали, Вы, который считает это дело важным, несмотря на противодействие людей, которых Вы знали, Вы, которому человечество согласилось дать возможность закончить Ваш труд, заявляете ли Вы себя сторонником этого великого человека, которому человечество в этом счастье отказало, и предостерегаете ли Вы от этого по томство?

Альбан Берг, Оскар Кокошка, Карл Краус,
Арнольд Шёнберг, Антон фон Веберн.

³¹ Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами // Архив А.М. Горького. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 8. С. 183–198.

Будьте любезны, пришлите Ваше согласие в Книжную лавку Ричарда Ланьи, Вена, 1, Кернтнерштрассе 44, до 3 ноября 1930 г.»³².

К сожалению, нам неизвестна реакция Горького на это обращение, но сам его факт — несомненное свидетельство определенного внимания адресатов к русскому писателю и высокой оценки его творчества.

Подведем итоги. Приехав в Германию, Горький с большим интересом погрузился в атмосферу немецкого экспрессионистского искусства, переживавшего в это время свой настоящий расцвет. Он активно посещал художественные музеи, выставки и театры, был постоянным посетителем немецкого кинематографа, а с немецкой экспрессионистской литературой он смог познакомиться по ее многочисленным переводам на русский язык, осуществляемым в эти годы российскими издательствами, в том числе и созданным самим Горьким издательством «Всемирная литература». С другой стороны, многие немецкие экспрессионисты, особенно принадлежавшие к революционной ветви этого течения, ощущали настоящую идейную и творческую близость с писателем, считали его не просто «своим», но своим «духовным вождем».

Анализ произведений Горького начала 1920-х гг. в контексте творчества немецких писателей, театральных и кинорежиссеров экспрессионистского направления обнаруживает определенное сходство в их политических, идейных и эстетических взглядах, выявляет их общий протестный и гуманитарный пафос, направленный на защиту человеческой личности, страдающей в уродливо деформированном войнами и революциями мире. Этот анализ позволяет по-новому взглянуть на творчество Горького, выявить в нем ощутимые элементы и приемы экспрессионистического искусства, которые способствовали кардинальному обновлению художественного метода и стиля писателя.

³² Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН (Москва). КГ-инф 13-2-1.

Список литературы

1. *Борисова Л.М.* «Да — был ли мальчик-то?» О смысле горьковского рефрена // *Acta eruditorum*. 2020. Вып. 3. С. 10–18.
2. *Борисова Л.М.* «Черный квадрат». О границах горьковского авангардизма // *Вопросы литературы*. 2021. № 5. С. 13–41.
3. *Демкина С.М.* Пьеса М. Горького «На дне» на немецкой сцене (по материалам Музея А.М. Горького ИМЛИ РАН) // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3, № 1. С. 252–265. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-1-252-265.
4. *Кудрявцева Т.В.* Раннее творчество А.М. Горького в Германии (переводы, публикации, интерпретации) // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 3. С. 116–133. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-116-133>.
5. *Плотникова А.Г.* М. Горький и кинематограф. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 335 с.
6. *Примочкина Н.Н.* Поэтика эксперимента: творчество М. Горького начала 1920-х гг. М.: Директ-Медиа, 2022. 320 с.
7. *Примочкина Н.Н.* Пьеса М. Горького «Фальшивая монета»: новое прочтение // *Филологический класс*. 2021. Т. 26, № 3. С. 138–149.
8. *Терехина В.Н.* Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века. Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 318 с.
9. *Топоров В.Л.* Поэзия эпохи перемен // *Сумерки человечества. Лирика немецкого экспрессионизма*. М.: Московский рабочий, 1990. С. 6.
10. *Экспрессионизм. Сб. статей / под ред. Е.М. Браудо и М.Э. Радлова*. Пг.; М.: Госиздат (Всемирная литература), 1923. 233 с.

Глава 2

А.М. Горький и медийное пространство

М. ГОРЬКИЙ: ОТ «ЛЕТОПИСИ» К «БЕСЕДЕ»

© 2023 г. А.Л. Семенова

Аннотация: В статье рассматривается издательская деятельность М. Горького в 1910–1920 гг. и утверждается, что в ней проявилось влияние философии А. Богданова (Малиновского). В отличие от устоявшегося в горьковедении убеждения, что увлечение богдановской философией было кратким периодом жизни Горького, можно наблюдать, что концепция «единства опыта» стала значимой для писателя и повлияла на его журнальные проекты «Летопись» и «Беседа». Однако эти журналы отделяют не только разные десятилетия выхода, но и принципиально отличные социально-исторические условия. При этом можно проследить некоторую взаимосвязь между этими горьковскими журналами разных эпох.

Ключевые слова: М. Горький, А. Богданов, «Летопись», «Беседа», эмпириомонизм.

Информация об авторе: Александра Леонидовна Семенова — доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41, 173003 г. Великий Новгород, Россия.

E-mail: alsemenova@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8963-3888>

Для цитирования: Семенова А.Л. М. Горький: от «Летописи» к «Беседе» // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 99–112. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-99-112>

M. GORKY: FROM “CHRONICLE” TO “CONVERSATION”

© 2023. Alexandra L. Semenova

Abstract: The article examines the publishing activities of M. Gorky in 1910–1920 and argues that it manifested the influence of the philosophy of A. Bogdanov (Malinovsky). In contrast to the belief established in Gorky’s study that the interest in Bogdanov’s philosophy was a brief period of Gorky’s life, we can observe that the concept of “unity of experience” became significant for the writer and influenced his journal projects “Chronicle” and “Conversation”. However, these journals are separated not only by different decades of publication, but also by fundamentally different socio-historical conditions. At the same time, one can trace a certain correlation between these Gorky diaries from different eras.

Keywords: M. Gorky, A. Bogdanov, The Chronicle, The Conversation, empiriomonism.

Information about the author: Alexandra L. Semenova, DSc in Philology, Professor of the Department of Journalism, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Bolshaya St. Petersburg 41, 173003 Veliky Novgorod, Russia.

E-mail: alsemenova@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8963-3888>

For citation: Semenova, A.L. “M. Gorky: from the ‘Chronicle’ to ‘Conversation’.” *A.M. Gor’kii v Germanii: pisatel’ i ego okruzhenie v sotsio-kul’turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 99–112. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-99-112>

Вторая половина 1900-х г. прошла для М. Горького под знаком эмпириомонизма — философской доктрины А. Богданова (А.А. Малиновского). Идея «единства опыта» была с особым энтузиазмом встречена «пролетарским писателем», позднее «основоположником советской литературы» Горьким.

Традиционно считалось, что увлечение Горького идеями Богданова было лишь некоторым, не очень длительным, этапом в жизни писателя. С богдановской теорией связывают по-

весть Горького «Исповедь» и статью «Разрушение личности», а также активное участие писателя в организации и работе Каприйской школы для рабочих.

В последние годы тема взаимоотношений писателя и философа все больше привлекает внимание исследователей: Ю. Шеррар, Г.Д. Гловели, И.А. Ревякиной, В.С. Барахова, П.В. Басинского, Л.А. Спиридоновой, П. Чони.

Идеи Богданова были восприняты Горьким глубоко и основательно потому, что это было закономерным завершением эволюции мировоззренческих исканий автора. Влияние философской концепции «эмпириомонизма» можно проследить как во всем дальнейшем творчестве писателя¹, так и в издательских проектах, которые он реализовал.

Богдановское стремление к обоснованию научного синтеза импонировало Горькому, как и интерпретация марксизма, так как для Богданова философия марксизма — это пролетарская философия, коррелятом которой выступает коллективизм². Социализм для Горького — монистическая идея, где «под влиянием организующей силы коллективного творчества идей, психика личности строится своеобразно гармонично»³, в этом горьковском суждении рецепция богдановской теории: «Между “человеком” — индивидуальным миром опыта и “природою” — миром универсальным связь создается средою общения, социальной средою...»⁴ Богданов считал, прогресс должен идти по пути универсализации человеческого опыта, и это путь к реальной социальной гармонии.

Богдановская идея о «собрании человека» стала важной для писателя, и он с энтузиазмом обдумывал программу «не-

¹ Семенова А.Л. Влияние эмпириомонистических идей А. Богданова на М. Горького // Семенова А.Л. Сопряжение идей... Сопряжение смыслов... Великий Новгород, 2015. С. 97–123.

² Богданов А. Философия современного естествоиспытателя // Очерки философии коллективизма. СПб.: Знание, 1909. С. 30–138, 127.

³ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1953. Т. 24. С. 43.

⁴ Богданов А. Философия современного естествоиспытателя... С. 30.

большой энциклопедии для изучения России», ее политической истории, экономической, внешнеполитической, церковной, а также истории российской словесности и истории развития политических и правовых идей, один из томов посвящался истории «народностей, входящих в состав Руси». Об этом он сообщал Пятницкому и Алексинскому, при этом подчеркивая, что «книги должны быть строго научны и вполне популярны»⁵. Жена Алексинского в воспоминаниях назвала этот проект «Пролетарской энциклопедией»⁶. Этим издательским планам не суждено было осуществиться.

Подробный план издательского проекта показывает желание Горького объединить оппонентов: Ленина и Богданова. Но весной 1909 г. писатель написал философу, что «все начинает расползаться и пошло вразброд», однако идейно Горький остался на стороне Богданова, потому что, по мнению писателя, Ленин «политиканствует», а Богданов — крупнейший идейный организатор⁷.

В 1910 г. происходит разрыв личных отношений Горького с Богдановым. В письме к Е.К. Малиновской осенью 1910 г. он сообщает, что послал Богданова «ко всем чертям»⁸. В декабре этого же года он написал Амфитеатрову, что «давно уже отказался от всяких сношений и отношений» с философом⁹, подтверждением чему служит письмо самому Богданову в конце 1910 г.¹⁰

Однако даже после разрыва с Богдановым и разочарования в реальной партийной политике большевиков Горький апеллирует в своем творчестве к идеям философа. После размолвки Горький остался верен идее единства опыта. Как утверждал Богданов в 1914 г.: «От коллективизма же, в его

⁵ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2000. Т. 6. С. 221, 240–241.

⁶ Алексинская Т. Из записок русской социал-демократки: На Капри у Горького // Мосты. 1968. № 13–14. С. 352–363.

⁷ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2001. Т. 7. С. 103.

⁸ Там же. Т. 8. С. 156.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 226.

полном и широком, в его всеобъемлющем понимании, в его нашем понимании, Горький нигде прямо не отказывался»¹¹.

Амфитеатрову в январе 1910 г. Горький писал: «Социализм дорог и важен именно потому, что он — единственный путь, коим человек всего скорее придет к наиболее полному и глубокому сознанию своего *личного* человеческого достоинства. Иного пути — не вижу. Все иные пути — от мира, один этот — в мир. Требуется, чтоб человек однажды сказал сам себе: “Аз есмь создатель мира”. Именно отсюда — и только отсюда! — может родиться новый человек и новая история»¹².

Горький понимал, что русская интеллигенция потенциально являлась реальной идеологической силой российского общества начала XX в., однако разрозненная и увлеченная внутривластными полемиками, по мнению писателя, она не способна была реализовать заложенные в ней потенциалы. Горький сетовал: «Снова надобно работать над организацией масс <...>. Партийным людям следовало бы внимательно посмотреть на самих себя с точки зрения пригодности своей к новой работе, к новым запросам времени и потребностям масс»¹³.

Богдановская идея «собираания человека» была использована Горьким чрезвычайно активно. Личность для Горького «есть горящая вершина огромной пирамиды опыта; чем шире ее основание, тем более она вовлекает в себя этот живой опыт, тем ярче, неугасимее и прекраснее ее горение»¹⁴.

Мысль же Богданова о том, что для преодоления общественных противоречий и социальных антагонизмов важно взаимопонимание и товарищеские отношения, получает у Горького следующую интерпретацию: «А чтоб это будущее, более свободное и ясное, приблизилось к нам, мы должны сливать

¹¹ Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник (1904–1914) // Неизвестный Богданов / под ред. Г.А. Бордюгова. В 3-х кн. М.: Изд. центр “АИРО-XX”, 1995. Кн. 3. С. 130.

¹² Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2000. Т. 7. С. 232.

¹³ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1953. Т. 24. С. 145.

¹⁴ Горький М. Несобранные литературно-критические статьи / ред., введение и примеч. С.М. Брейтбурга. М., 1941. С. 434.

воли наши во единую силу и, взаимно поддерживая друг друга, строиться в плотные крепкие ряды, по единству мысли, единству мироощущения, единству целей...»¹⁵.

В издательских проектах Горького 1910 — начала 1920-х гг. можно проследить рецепцию идей Богданова, при этом эпистолярное наследие писателя показывает, что он был заинтересован в привлечении философа к участию в новых проектах. Он пишет Алексинскому с просьбой сообщить адрес Богданова: «Есть идеи и могут быть предприятия, о коих он должен знать»¹⁶. Как известно, Богданов сотрудничал и с горьковской «Летописью» и «Новой жизнью».

Обсуждая перспективы журнального сотрудничества с Р. Ивановым-Разумником, Горький подчеркивал, что журнал важен как попытка «объединения всех культурных сил нашей разноплеменной страны»¹⁷, и не должно быть односторонней политической направленности у издания. По воспоминаниям Н. Валентинова, Горький вернулся в Россию из эмиграции с желанием собрать русскую интеллигенцию вокруг общей просветительской программы¹⁸.

Замысел писатель реализовал в журнале «Летопись» (декабрь 1915–1917). Редактором выступил А.Ф. Радзишевский, издателем — А.Н. Тихонов. Издание стало «собранием опыта» современной автору России и мира. Это был ежемесячник, который «обязан следить за течениями современности»¹⁹, что было реализовано в жанрах внутреннего и иностранного обозрений. Горький как инициатор издания видел задачу в том, чтобы «внести в хаос эмоций отрезвляющие начала интеллектуализма»²⁰. Научность стала основным принципом издания. В письме К. Тимирязеву писатель делился своими размышлениями: «Завтрашний день должен восстановить серьезный и глубокий ин-

¹⁵ Там же. С. 468.

¹⁶ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2002. Т. 9. С. 40.

¹⁷ Там же. С. 235.

¹⁸ Там же. Т. 11. С. 193.

¹⁹ Там же. С. 196.

²⁰ Там же. С. 216.

интерес к опыту науки, — к деянию, единственно способному вывести мысль из тупика, в котором она бессильно бьется ныне»²¹.

«Цель этого журнала — борьба за интересы интернациональной, планетарной культуры против национализма [шовинизма и] империализма и всеобщего одичания»²², — сообщал писатель в письме к Г. Роланд-Гольст, голландской писательнице, политической деятельнице.

К редактору газеты «Одесские новости» писатель обратился с просьбой о содействии «в деле наиболее полного освещения общего хода культурной жизни провинции и специфических местных «бытовых явлений» и условий, задерживающих [или способствующих] развитие личной и общественной гражданской инициативы»²³.

Писатель был убежден, что в современном ему обществе «мыслящая публика резко делится на интернационалистов и националистов. Эта линия разделения проходит сквозь всю демократию, разъединяя и пролетариат»²⁴, — сообщалось в письме к Войтинскому. Следовательно, основной задачей журнала было осуществить организационную работу в трудящихся массах, поэтому Горький пишет Н. Никольскому: «Мы хотели бы и имеем возможность проникнуть в среду, которая до сей поры не читала “толстых” журналов: такое намерение, эта возможность ставит нам необходимость просить сотрудников журнала о наибольшей объективности, популярности и убедительности их работ»²⁵.

Название журнала неслучайно. Русские летописи проникнуты определенной идеологической тенденцией, так как летописцы с точки зрения религиозно-социального идеала стремились описать события. К тому же летопись, по определению Д.С. Лихачева, — «объединяющий жанр»²⁶.

²¹ Там же. С. 198.

²² Там же. С. 219.

²³ Там же. С. 222.

²⁴ Там же. С. 229.

²⁵ Там же. С. 239.

²⁶ Литература и культура Древней Руси. Словарь-справочник / под ред. В.В. Кускова. М.: Высшая школа, 1994. С. 78.

«Летопись» была типичным толстым журналом. Его наполнение было характерным для подобных изданий: проза, поэзия, научно-популярные и критические статьи, публицистика, а также отделы «Литература и искусство», «По России», «Иностранное обозрение», «Внутреннее обозрение», «Библиография», «Книги, поступившие в редакцию», «Объявления».

Идейное направление журнала редакция охарактеризовала, завершая издание, она выражала надежду на возрождение журнала, страницы которого «станут ареной борьбы во имя политической свободы, социального равенства и пролетарского Интернационала»²⁷.

Первый номер вышел в декабре 1915 г. В конце оглавления было указано, какие статьи — автор и название — не попали в этот номер «по независящим от редакции обстоятельствам». Подобную практику редакция использовала и в дальнейшем, давая читателям информацию об авторах и произведениях, не пропущенных в печать цензурой. После февральских событий 1917 г. редакция получила возможность говорить «отчетливым полным голосом», а не «иносказаниями и намеками», как прежде²⁸.

В журнале публиковались как отечественные, так и переводные тексты. Внимание Горького к зарубежной литературе и науке в этом издании предвосхищает замысел издательства «Всемирная литература». Сотрудниками были единомышленники Горького по Каприйской школе: В. Базаров, А. Богданов. «Интернационализм» определял оценку как внутрироссийских событий, так и общемировых.

Журнал выходил два года: полноценно в 1916 г., а в 1917 г. журнал, находясь в сложных социально-экономических обстоятельствах, вынужден был выпускать под одной обложкой несколько номеров — за февраль, март и апрель вышла одна книга (№ 2, 3, 4), сдвоенные номера за май–июнь (№ 5–6), июль–август (№ 7–8), последний номер за 1917 г. вышел за 4 месяца сразу (сентябрь–декабрь), и его наполнение было чрезвычай-

²⁷ Летопись. 1917. № 9–12. С. 5.

²⁸ Летопись. 1917. № 2, 3, 4. С. 7.

но скромным, привычных для читателя отделов в этом номере журнала не было. В тексте «От редакции» сообщалось, что журнал прекращает свой выход, так как «неодолимые технические и хозяйственные затруднения заставили редакцию... отказаться, на время, от дальнейшего издания журнала»²⁹.

Активное участие Горького в деятельности книгоиздательства «Парус» также было нацелено на коллективную работу по популяризации национальной литературы народов Российской империи, что должно было служить делу объединения национальных окраин на общей демократической платформе. Реклама этого издательства регулярно помещалась в номерах «Летописи».

События 1917 г. побудили Горького издавать в Петрограде газету «Новая жизнь» — общественно-литературную социал-демократическую газету, выходявшую с апреля 1917 г. по июль 1918 г. Издателем был А.Н. Тихонов, редакторами — Горький, Б.В. Авиллов, Н.Н. Суханов, В.А. Десницкий.

Писатель был убежден, что «только прочно укрепив за собою завоеванное, мы можем уверенно рассчитывать на успех дальнейших завоеваний»³⁰. С Е.П. Пешковой он делился сокровенными планами: «Затеваю с.-д. газету, большую и *правую*. Необходимо строить партию, необходимо организоваться»³¹. Отвечая на обвинения В.Л. Бурцева, Горький писал ему: «Новая Жизнь служит интересам международной демократии, социализма и культуры»³².

Реминисценции богдановских идей нашли отражение в цикле газетных публикаций М. Горького «Несвоевременные мысли», которые помещались в этой газете. Горький пишет об организации / неорганизованности российской действительности, призывает к «самоорганизации всей интеллигенции» для культурной работы³³.

²⁹ Летопись. 1917. № 9–12. С. 5.

³⁰ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2006. Т. 12. С. 121.

³¹ Там же. С. 122.

³² Там же. С. 158.

³³ Там же. С. 128.

Свою миссию в послеоктябрьские годы М. Горький видел в том, чтобы реализовать планы по «собираанию опыта» общечеловеческого. Это проявилось в организации в августе 1918 г. вместе с А.Н. Тихоновым издательства «Всемирная литература» в Петрограде при Наркомпросе РСФСР. Горький писал, что «цель книгоиздательства — дать русской читающей массе все наилучшие образцы литературного творчества Европы...»³⁴.

Издательство, по мнению Горького, имело важное «агитационное значение», так как планы издательства охватывали «все, что создано европейской мыслью от Вольтера до Анатоля Франса, от Свифта до Уэльса, от Гете до Рихарда Дэмеля и т. д.». Цель же книгоиздательства стала видеться писателю еще более масштабно: «Взять в свои руки издание всей художественной литературы, в том числе и текущей, путем издания альманахов», потому что «нам нужно создавать новую интеллигенцию, орудием ее создания может быть только книга»³⁵.

Наука, ученые — это вербальные и исключительно позитивные константы в письмах Горького первых лет Советской власти. Он пишет, что наука «творит настоящую революцию в области и материальной, и духовной»³⁶. При этом он настаивает, что «с педагогической точки зрения полезно говорить о том, что наука стремится все познать и, сама по себе, преград своей работе не ставит»³⁷. Это горьковское суждение перекликается с богдановской идеей относительности истины в его споре с Лениным.

Оценивая результаты работы «Всемирной литературы», Горький писал А.В. Луначарскому: «За полтора года работы издательство сосредоточило около себя все наиболее видные литературные силы и сделалось естественным центром культурного общения...»³⁸.

Традицию создания центра «культурного общения» Горький продолжил при организации журнала «Беседа». Это был

³⁴ Там же. С. 225.

³⁵ Там же. С. 236–237, 245.

³⁶ Там же. Т. 14. С. 191.

³⁷ Там же. Т. 13. С. 242.

³⁸ Там же. С. 145.

журнал литературы и науки, издававшийся в Берлине с 1923 по 1925 г. Издательство «Эпоха» представляли Е.Я. Белицкий, С.Г. Каплун, в редколлегия входили Горький, Б.Ф. Адлер, А. Бельй, Ф.А. Бенуа, В.Ф. Ходасевич.

Название журнала предложил Ходасевич, опираясь на традицию державинского журнала³⁹. Однако можно предположить, что для Горького важен был не только историко-культурный контекст. Ведь слово «беседа», по словарю Д.Н. Ушакова, имеет несколько значений. Два из них актуальны для горьковского журнала: «Первое: разговор, преимущественно продолжительный и дружеский или деловой. Второе: лекция с участием слушателей в обмене мнений»⁴⁰.

«Беседа» уже не имела привычной для русского толстого журнала структуры. В нем отсутствовали обозрения, а следовательно, и публицистика. В «Содержании» перечислялись авторы всех публикаций, при этом была сохранена характерная для подобного типа журналов последовательность: стихи и проза открывали номер, затем шли научные и научно-популярные статьи, литературно-критические тексты, эпистолярное наследие. В конце первых номеров размещался каталог издательства «Эпоха».

Большинство переводных текстов известных зарубежных авторов содержали указание — «Перевод с рукописи». Таким образом, журнал обладал уникальным переводным материалом. Всего вышло 7 номеров журнала: № 1 (май–июнь 1923), № 2 (июль–август 1923), № 3 (сентябрь–октябрь 1923), с № 4 в издании не указывались ни месяцы выхода, ни год. № 4 и № 5 вышли в 1924 г., а № 6–7 — в 1925 г.

О «Беседе» Горький пишет как об издании литературном и научном, которое вне политики и «злобы дня». Журнал задумывался как «большой ежемесячник научно-литературного

³⁹ Клинг О.А. Немецкий период А.М. Горького в реконструкции В.Ф. Ходасевича // Новый филологический вестник. 2021. № 3. С. 170–178.

⁴⁰ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/746342> (дата обращения: 10.09.2022).

характера», его цель — «ознакомить русскую интеллигенцию с работами, посвященными развитию науки и литературы в Европе»⁴¹, потому что в СССР «совершенно необходимо восстановить нашу духовную связь с жизнью мира»⁴².

В письмах различным адресатам звучит рефрен: «большой литературно-научный журнал — без политики»⁴³. Горький называет «Беседу» аполитическим, политически нейтральным изданием, в котором наиболее значим его «информационный характер». Особенно ценен для писателя был интернациональный характер его журнала⁴⁴.

Находясь за границей, Горький стремился быть полезным своей стране, политическая власть в которой вызывала в нем самые противоречивые чувства. Но он оставался верен своим убеждениям и писал Г. Уэллсу о важности «Беседы», так как, во-первых, «работа разума особенно должна быть подчеркнута», во-вторых, «возможность ознакомиться с духовной жизнью Европы, от которой Россия оторвана», в-третьих, «мы как бы забыли организующее и спасительное значение труда, огромную роль духа»⁴⁵.

Писатель подчеркивал: «Издание — любительское, коммерческих целей не преследует, и для чего оно существует — это трудно понять»⁴⁶. Ноты разочарования были обусловлены тем положением, в котором оказалось издание, печатавшееся за границей и не пропущенное в Советский Союз к той целевой аудитории — новой трудовой интеллигенции, — для которой это издание задумывалось.

Итог подвел Горький в письме к М.Ф. Андреевой: «И все мои начинания оказались недолговечными. Грустновато!»⁴⁷

Между «Летописью» и «Беседой» всего 7 лет. Но это «судьбоносный» период жизни страны и Горького. Между этими

⁴¹ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 47, 56.

⁴² Там же. С. 119.

⁴³ Там же. С. 121.

⁴⁴ Там же. С. 149.

⁴⁵ Там же. С. 146.

⁴⁶ Там же. Т. 15. С. 120.

⁴⁷ Там же. С. 174.

двумя журналами находится газета «Новая жизнь» с «Несвоевременными мыслями», замысел и организация издательства «Всемирная литература». И это только издательские проекты, не говоря о большой общественной деятельности Горького в этот период. Конечно, эти журналы разных эпох не могли не отличаться: в «Летописи» — «собираание опыта», фиксация и анализ событий современности в различных аспектах: социальном, политическом, экономическом, культурном, потому в журнале было много публицистики. В «Беседе» — «собираание опыта» универсального, без злободневности, потому основной жанр — научно-популярная статья. Журнал отличался от предшественника большим количеством выразительных иллюстраций: фото, рисунков, карт, схем. Это, несомненно, повышало познавательный потенциал журнала, публикации которого имели обширный иллюстративный ряд.

Однако в обоих издательских проектах Горький остается верен себе: оба издания отличаются интернационализмом. В журналах много переводных текстов зарубежных авторов: писателей, поэтов, ученых, публицистов. Интерес к мировой литературе, искусству, науке и научным открытиям — не только гуманитарным, но и естественным — также присущ этим журналам. Объединить общемировые усилия на пути научного познания и культурного прогресса. Такова была сверхзадача этих журнальных Горьковских проектов.

Недолговечность горьковских начинаний объяснялась не только изменением социально-политических реалий в Советском Союзе, но и тем, что идеи пролетарского коллективизма, «собираания человека» оказались чуждыми в стране, где победил авторитаризм и догматизм марксистско-ленинского подхода к действительности.

Горьковские проекты 1910 — начала 1920-х гг. объединяли принципы научности, популярности, коллегиальности, демократизма и интернационализма. Они, несомненно, выражают приверженность писателя тем идеям, которые увлекли его в теории Богданова.

Проекты Горького были нацелены на то, чтобы способствовать развитию «социальной среды», повышению ее интеллек-

туального уровня, объединению людей на основе научного знания.

Список литературы

1. Алексинская Т. Из записок русской социал-демократки: На Капри у Горького // Мосты. 1968. № 13–14. С. 352–363.
2. Богданов А. Философия современного естествоиспытателя // Очерки философии коллективизма. СПб: Знание, 1909. С. 30–138.
3. Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник (1904–1914) // Неизвестный Богданов / под ред. Г.А. Бордюгова. В 3-х кн. М.: Изд. центр “АИРО-XX”, 1995. Кн. 3. 245 с.
4. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд-во худож. лит., 1949–1956.
5. Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1997–2019. Т. 1–21.
6. Горький М. Несобранные литературно-критические статьи / ред., введ. и примеч. С.М. Брейтбурга. М.: Гослитиздат, 1941. 552 с.
7. Клинг О.А. Немецкий период А.М. Горького в реконструкции В.Ф. Ходасевича // Новый филологический вестник. 2021. № 3. С. 170–178.
8. Литература и культура Древней Руси. Словарь-справочник / под ред. В.В. Кускова. М.: Высшая школа, 1994. 334 с.
9. Семенова А.Л. Влияние эмпириомонистических идей А. Богданова на М. Горького // Семенова А.Л. Сопряжение идей... Сопряжение смыслов... Великий Новгород, 2015. С. 97–123.
10. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/746342> (дата обращения: 10.09.2022).

М. ГОРЬКИЙ И Ф.А. БРАУН: ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА А.М. ГОРЬКОГО В ИНСТИТУТЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

© 2023 г. Ю.У. Каскина

Аннотация: В статье рассмотрены творческие, деловые и дружеские отношения М. Горького и Федора Александровича Брауна. Их знакомство состоялось в 1918 г., когда Горький организовал в Петербурге издательство «Всемирная литература», где Браун руководил отделом немецкой литературы и был членом коллегии экспертов. Уехав в Германию, Горький начал издавать журнал «Беседа», научным отделом которого пригласил заведовать Брауна. Их интенсивная переписка, продолжавшаяся четыре года (1922–1925), хранящаяся в Архиве Горького в ИМЛИ РАН, посвящена в основном издательским, литературным, научным темам. Письма, рукописи и другие архивные документы позволяют переоценить значение известного ученого, археолога, филолога Ф.А. Брауна и его научное наследие, а также объемнее представить личность М. Горького — писателя, издателя, редактора, большого эрудита, товарища по работе.

Ключевые слова: Горький, Браун, издательство «Всемирная литература», журнал «Беседа», переписка, архив Горького.

Информация об авторе: Юлия Узакбаевна Каскина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: kaskina@inbox.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6893-596X>

Для цитирования: Каскина Ю.У. М. Горький и Ф.А. Браун: по материалам архива А.М. Горького в Институте мировой литературы // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 113–133. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-113-133>

**M. GORKY AND F.A. BRAUN:
BASED ON THE MATERIALS OF THE ARCHIVE OF A.M. GORKY
IN THE INSTITUTE OF WORLD LITERATURE**

© 2023. Yulia U. Kaskina

Abstract: The article deals with the creative, business and friendly relations of M. Gorky and Fyodor Alexandrovich Braun. Their acquaintance took place in 1918, when Gorky organized the publishing house “World Literature” in St. Petersburg, where Braun headed the department of German literature and was a member of the board of experts. Having left for Germany, Gorky began to publish the magazine “Beseda,” of which he invited Braun to head the scientific department. Their intensive correspondence lasted four years (1922–1925), and was devoted mainly to publishing, literary, scientific topics. The materials available in the Gorky Archive allow us to reassess the importance of the famous scientist, archaeologist and philologist F.A. Braun and his scientific heritage, as well as to more comprehensively represent the personality of M. Gorky, writer, publisher, editor, friend.

Keywords: Gorky, Braun, publishing house “World Literature,” magazine “Beseda,” correspondence, Gorky archive.

Information about the author: Yuliya U. Kaskina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: kaskina@inbox.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6893-596X>

For citation: Kaskina, Y.U. “M. Gorky and F.A. Braun: Based on the Materials of the Archive of A.M. Gorky in the Institute of World Literature.” *A.M. Gor'kii v Germanii: pisatel' i ego okruzhenie v sotsio-kul'turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 113–133. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-113-133>

Федор Александрович Браун — профессор, известный в отечественной и мировой науке как выдающийся археолог и филолог, родился 2 августа 1862 г. в Санкт-Петербурге в семье

врача Мариинской больницы для бедных Александра-Вильгельма Брауна. В 1881 г. Федор Браун окончил Первую гимназию с золотой медалью и поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В университете он занимался санскритом и сравнительным языкознанием у профессора И.П. Минаева, а также славянской филологией у профессора И.В. Ягича. Но его главным учителем стал основоположник знаменитой филологической школы Александр Николаевич Веселовский, под чьим руководством Ф.А. Браун изучал романо-германскую филологию и литературу.

Итоговое студенческое сочинение Брауна об англосаксонской поэме «Беовульф» было удостоено золотой медали. В 1885 г. он окончил университет с дипломом кандидата, получив по всем предметам, кроме философии, отличные оценки, и был оставлен на кафедре для подготовки к магистерским экзаменам и будущей профессорской деятельности.

Получив осенью 1885 г. оплачиваемую командировку на два года от Петербургского университета, как это было тогда принято для молодых ученых, Ф.А. Браун отправился за границу для дальнейшего обучения в лучших европейских университетах. Он учился в Германии, Швейцарии, Франции, Англии, во Фрейбургском университете у лингвистов Карла Бругмана и Германа Пауля. Тогда уже он стал определяться как германист, причем не в сугубо лингвистическом, но и в культурно-историческом, особенно археологическом аспекте.

По возвращении из-за границы Браун сдал магистерские экзамены, получил должность приват-доцента и с 1888 г. читал лекции по истории западноевропейских литератур. Темами его пробных лекций, прослушанных профессорами факультета, были: «Хронология исторических наслоений в саге о Нибелунгах» и «Вопрос о родственных отношениях индоевропейских языков между собой и о положении между ними германских наречий». Надо сказать, что эти его штудии начинающего ученого нашли свое место и в дальнейших филологических исследованиях, например,

в статьях, опубликованных в начале 20-х годов в журнале «Беседа».

В 1890-е гг. Браун много занимался преподавательской работой как в самом университете, так и в других учебных заведениях, среди которых были Александровский лицей, Николаевский сиротский институт, училище св. Екатерины, гимназия М.Н. Стоюниной. Он считался одним из лучших специалистов по немецкому языку в Петербурге, к нему часто обращались государственные и судебные инстанции в связи с необходимостью абсолютно точных переводов документов.

Активная преподавательская деятельность не мешала ему вести серьезную научную работу. Ф.А. Браун выпустил небольшую книжку о крымских готах на немецком языке, которая стала его первой научной работой. В 1890 г. Браун обратился в Императорскую археологическую комиссию с запиской о необходимости поисков следов готов в Северном Причерноморье, а в дальнейшем и в Восточной Европе, точнее, в Прибалтике.

В 1886 г. в Курляндской губернии был открыт могильник, датированный первыми веками н. э. Ф.А. Браун склонялся к более поздней датировке могильника (VII–X вв.) и считал необходимыми новые раскопки на неисследованной части луга на берегу Немана, чтобы «восполнить пробел, оставленный при прежних работах: а именно точно констатировать расположение могил, способ погребения и т. д.». В ходе проведенных раскопок Браун обнаружил три погребения с шейными бронзовыми гривнами, булавками, фибулами, железными кинжалами. И это подтвердило исторические выводы, сформулированные им позже в статье «Варяги на Руси», помещенной в последнем номере «Беседы» (1925, № 6/7).

В 1896 г. Ф.А. Браун стал штатным членом Императорской археологической комиссии с «оставлением в занимаемой должности» приват-доцента и лектора Петербургского университета. Теперь в «зону ответственности» Брауна входила огромная территория от 55-й широты до Черного моря, Северного Кавказа и Каспия. Крымский полуостров, естественно, тоже подлежал его ведению, и в конце 1890-х гг. Брауну при-

ходило докладывать на заседаниях комиссии о текущей реставрации Бахчисарайского дворца, крепости Алустон, осматривать раскопки Херсонеса.

Наиболее ярким эпизодом недолгой службы Ф.А. Брауна в Археологической комиссии стали раскопки курганов в Таврической, ныне это территория Крыма, губернии, летом 1898 г. Комиссия, выделив 1800 руб., послала Ф.А. Брауна для раскопок «перспективных» курганов. Ф.А. Браун исследовал четыре насыпи у с. Нижние и Верхние Серагозы, в которых были обнаружены погребения различных эпох, начиная с бронзового века, и два крупных кургана в окрестностях с. Большая Белозерка.

Первый содержал около двадцати погребений, второй, имеющий высоту более 5 метров, именовался местными жителями Чмыревой могилой. Центральное погребение оказалось полностью разграбленным и почти уничтоженным. Однако тщательное просеивание ее заполнения оказалось плодотворным — были найдены золотые бляшки, в том числе с изображениями борющихся скифов и крылатых зверей; золотая пронизка и бусина; бронзовые наконечники стрел; остатки железного доспеха. Главным открытием стало захоронение десяти коней с богатым убором. Браун подробно описал каждый конский убор.

В отчете, который позднее был опубликован с небольшими сокращениями, содержались планы расположения погребений в курганах, планы и разрезы погребальных камер, рисунки и фотографии находок. И хотя Браун продолжал увлеченно и плодотворно работать, совершенствовал методы раскопок и их фиксации, в 1900 г. он подал рапорт об увольнении из Археологической комиссии в связи с продолжением научной деятельности и предстоящей защитой диссертации. В августе того же года Браун стал секретарем историко-филологического факультета Петербургского университета и остался внештатным сотрудником Археологической комиссии.

Ф.А. Браун активно участвовал в научной работе Русского археологического общества. В 1898 г. на его общем собрании

он выступил с докладом о раскопках Чмыревой могилы, а на заседании Отделения русской и славянской археологии сделал доклад «Устье Дуная по Птолемею». В последующие годы он на заседаниях этого отделения сделал еще семь докладов, посвященных тематике варяжско-славянских контактов и новых находок рунических надписей.

В начале XX столетия от продолжения готской тематики Ф.А. Брауна отвлекло поручение Академии наук подготовить план издания скандинавских источников по истории Древней Руси. В ходе этой работы Браун собрал и проанализировал исландские саги, содержащие сюжеты, которые были связаны с Русью. Кроме саг, его особое внимание привлекли памятники рунической письменности, и во время трех поездок по Швеции он обследовал более 80 камней и стел, содержащих руны. Эти труды Ф.А. Брауна способствовали дальнейшему плодотворному изучению этой группы источников, которое было продолжено его учениками — К.Ф. Тиандером, В.А. Бримом, Е.А. Рыдзевской.

Профессор Ф.А. Браун неоднократно избирался деканом историко-филологического факультета, а в 1906–1908 гг. являлся проректором Петербургского университета.

После Октябрьской революции работал в методических комиссиях Наркомпроса по реформе педагогического образования, был директором реорганизованного Историко-филологического института и председателем комиссии по организации первого рабфака¹ в Ленинграде.

В 1920 г. он получил командировку для научных работ в скандинавские государства и в Германию и назад уже не вернулся; в 1922 г. был приглашен членом комиссии Наркомпроса по культурной связи (в Берлине) и по поручению этой комиссии составил (совместно с Презентом) систематиче-

¹ Рабочий факультет (сокращенно рабфак) — учреждение системы народного образования в СССР, существовавшее с 1919 г. до начала 1940-х гг., которое подготавливало рабочих и крестьян для поступления в высшие учебные заведения. Рабфаки 1970–1980-х гг. служили для целевого приема молодежи из сельской и рабочей среды. Выпускники рабфаков зачислялись в вузы без вступительных экзаменов или по результатам выпускных.

ский обзор научной литературы Германии за 1914–1921 гг.: «Systematische Bibliographie der wissenschaftlichen Literatur Deutschlands der Jahre 1914–21». Читал лекции в Лейпцигском университете, с 1930 по 1932 гг. — в качестве профессора. В 1921 г. получил звание почётного доктора Лейпцигского университета. С 15 января 1927 г. был членом-корреспондентом Академии наук СССР — отделение исторических наук и филологии по разряду исторических наук (история, германская филология). Умер Ф.А. Браун в Лейпциге 14 июня 1942 г. в возрасте 79 лет.

Профессор Ф.А. Браун был знаком с Горьким по совместной деятельности в издательстве «Всемирная литература» в 1918–1919 гг., где руководил отделом немецкой литературы и был членом коллегии экспертов. Одним из результатов этой деятельности является книга, подготовленная им в этот период, вышедшая чуть позже — в 1922 г., имеющаяся в личной библиотеке Горького: Мейер К.Ф. Святой: Повесть / Под ред. Ф.А. Брауна; предисл. М. Горького. Пб.: Госиздат, 1922. 265 с. (Всемир. лит.; Вып. 28). Переплет Горького. (ОЛБГ². 2042).

В 1922 г. Горький привлек его к сотрудничеству в журнале «Беседа», пригласил заведовать научным отделом. Ученый живо откликнулся на это предложение и с энтузиазмом взялся за дело. Совместная издательская и редакторская деятельность явилась основной темой переписки ученого и писателя.

В Архиве Горького в Институте мировой литературы имеются 29 писем Горького Брауну и 54 письма Брауна Горькому. А также одна единица в разделе «Рукописи авторов с правкой Горького» — предисловие Ф. Брауна к новелле швейцарского поэта, исторического романиста Конрада Мейера (1825–1898) «Амулет». (РАВ-пГ-7-2-1). Документ представляет собой 4 листа машинописи с подписью (автограф) автора и с заметкой А.М. Горького о прочтении на одном листе, без даты.

² Личная библиотека А.М. Горького в Москве: Описание: в 2 кн. М.: Наука, 1981. Кн. 1. С. 129.

Письма Горького Брауну с исчерпывающими комментариями опубликованы в 14 и 15 томах эпистолярной серии Полного собрания сочинений. Ответные письма Ф. Брауна при этом обширно цитируются в комментариях, что в значительной мере облегчает исследовательскую работу. 23 письма Горького Брауну в 14 томе были подготовлены Иосифом Ирмовичем Вайнбергом³; 6 писем в 15 томе — Лией [Николаевной — так в быту] Натальевной Иокар⁴.

Хронологически 14 том охватывает письма Горького с января 1922 по май 1924 г., 15-й — с июня 1924 по февраль 1926 г.⁵ Однако прежде выхода в свет этих томов более или менее полная информация о Ф.А. Брауне, обширные цитаты из его писем впервые частично вводились в научный оборот авторами и составителями XVI тома «Архива А.М. Горь-

³ Вайнберг И.И. (1920–1998) — советский и российский литературовед. Занимался исследованием жизни и творчества М. Горького. Кандидат филологических наук (1959). Член Союза писателей (1975). Во время Великой отечественной войны участвовал в Курской битве (5 июля — 23 августа 1943 г.), где был тяжело ранен. Уволен в запас в ноябре 1945 г. в звании старшего сержанта. В 1950 г. окончил филологический факультет МГУ. Работал заведующим кафедрой русского языка, заместителем директора Пржевальского педагогического института, старшим редактором, заведующим редакцией критики и литературоведения издательства «Советский писатель» (1956–1964), старшим научным сотрудником ИМЛИ (с 1964 г.). Написал книги: «Жизнь Клим Самгина» М. Горького. Историко-литературный комментарий» (1971); «За горьковской строкой. Реальный факт и правда искусства в романе “Жизнь Клим Самгина”» (1976); «Страницы большой жизни. М. Горький в документах, письмах, воспоминаниях современников» (1980); М. Горький. Несвоевременные мысли. М., 1990 (составление, вступительная статья, примечания). Его имя упоминается в труде «Писатели Москвы — участники Великой Отечественной войны». М., 1997.

⁴ Иокар Л.Н. (1923–2007) — ведущий научный сотрудник ИМЛИ. В 1945 г. окончила с отличием филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. С 1946 г. работала в Музее А.М. Горького, с 1962 г. была заведующей экспозицией музея. В 1954 г. защитила кандидатскую диссертацию «Пьеса М. Горького “Враги”». Участвовала в Горьковских чтениях, а также в работе отдела Горького по изданию 30-томного собрания сочинений Горького. Одна из авторов 4-томной «Летописи жизни и творчества Горького».

⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009; 2012. Т. 14, 15.

кого» — тома переписки Горького с М.И. Будберг⁶, изданного в 2001 г.

Первое письмо Горькому написано Брауном 25 января 1919 г. в Петрограде. Оно о З.И. Гржебине⁷ и письме Александру Николаевичу Тихонову⁸ (АГ. КГ-уч-3 30-1). 30 сентября 1920 г. написано Ф.А. Брауном из Лейпцига. Он сожалеет, что не встретился с А.Н. Тихоновым во время его заграничной поездки. Сообщает, что сохранил интерес к «Всемирной литературе». Хочет быть полезным Наркомпросу в издании «учебников за границей, если это потребуется» (АГ. КГ-уч-3 30-2).

В следующих двух письмах февраля 1922 г. Браун рассказывает своему адресату об обществе «для развития книжного экспорта» и его ежемесячнике «Das deutsche Buch», просит дать «небольшую статейку... какие книги в настоящее время особенно охотно читают русские люди, или какие книги в первую очередь нужны России» (АГ. КГ-уч-3 30-4). Горький отвечает 1 марта 1922 г., что очень занят, предлагает прислать отрывок из своей беллетристики. Так завязывается их переписка, продлившаяся до конца 1925 г.

Приехав в октябре 1921 г. в Германию, Горький уже весной 1922 г. начал думать об издании здесь нового журнала. Журнала, который мыслился вне политики, был бы культурно-историческим и литературным и предназначался для «интеллигентного российского читателя, из-за гражданской войны и военной интервенции оказавшегося оторванным от культурной жизни Европы»⁹. Речь идет, конечно, о журнале «Беседа»,

⁶ Архив А.М. Горького / отв. ред. В.С. Барахов, авт. коммент. Л.Н. Иокар, Е.Р. Матевосян, А.А. Тарасова, Г.Э. Прополянис. М.: ИМЛИ РАН, 2001. Т. 16: А.М. Горький и М.И. Будберг. Переписка (1920–1936). 544 с.

⁷ Гржебин З.И. (1877–1929) — русский издатель, участвовал в организации издательства «Всемирная литература».

⁸ Тихонов А.Н. (1880–1956) — писатель, общественный деятель, издательский работник, редактор. Один из руководителей издательства «Всемирная литература».

⁹ Примочкина Н.Н. Преамбула // Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 351.

непродолжительная, насыщенная история которого на сегодняшний день достаточно хорошо известна¹⁰.

26 января 1923 г. Горький писал Брауну: «В Берлине организуется журнал литературы и науки при постоянном сотрудничестве А. Белого, А. Толстого, А. Ремезова, моем, В. Ходасевича и В. Шкловского»¹¹. Он перечисляет приглашенных иностранцев, среди которых писатели Франц Эллс, Р. Роллан, Г. Уэллс. Объясняет, каким он видит научный отдел, уточняет издателя — это «Эпоха», книгоиздательство, организованное в 1921 г. в Петрограде Е.И. Замятиным и К.И. Чуковским. В начале 1922 г. было открыто отделение этого издательства в Берлине, во главе с С.Г. Каплуном-Сумским. Книгоиздательство разорилось и прекратило свою деятельность в 1925 г.

Горький оговаривает приблизительный объем научного и литературного отделов — 10 и 15 листов. «Я убедительно прошу Вас, Ф.А., — продолжает он, — о сотрудничестве — и, позвольте надеяться, что Вы не откажете мне. Было бы хорошо, если б Вы взяли на себя заведывание отделом филологии и истории литературы, привлекли бы сотрудников»¹². В конце письма Горький сообщает, что «в журнале не будет никаких статей политико-экономического характера».

Браун сразу же откликнулся на это предложение и ответил 27 января 1923 г. со свойственной ему скупостью: «Я, конечно, с удовольствием приму участие в Вашем журнале и благодарю Вас, что Вы вспомнили обо мне. Но возможно ли будет развить мое сотрудничество до “заведывания отделом филологии и истории литературы”, — это вопрос мне пока неясный. <...> Если на новый журнал целиком перенести тот план,

¹⁰ Вайнберг И.И. Жизнь и гибель берлинского горьковского журнала «Беседа»: по неизвестным архивным материалам и неизданной переписке // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 361–376; Клинг О.А. Немецкий период А.М. Горького в реконструкции В.Ф. Ходасевича // Новый филологический вестник. 2021. № 3(58). С. 170–178.

¹¹ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 132.

¹² Там же. С. 132.

разработанный нами в свое время для Гржебинского «Путника»¹³, то он мне, в общем, ясен, хотя все же открытыми остаются некоторые частности, которые следовало бы обсудить вместе» (АГ. КГ-уч-3-30-10).

Журнал «Беседа», ко всеобщему ликованиему его создателей, состоялся. И, хотя просуществовал он недолго — с 1923 по 1925 г., вышло всего 7 номеров (последний в 1925 г. спаренный — № 6/7), журнал оставил свой яркий след в русской журналистике и литературе. Так, В. Ходасевич, признавая некоторые недостатки, главными его качествами, редкими на тот момент, по его мнению, для журналов, считал культурность, серьезность и порядочность.

Отдавая должное организаторским и издательским талантам Горького, И.И. Вайнберг отмечает, что «замечательным достижением журнала был его научный отдел, редактировавшийся профессором Ф.А. Брауном и Б.Ф. Адлером»¹⁴. Сам писатель считал это издание международным, но ориентировал журнал на советского читателя в надежде получить доступ к нему, преодолев цензурные и партийные запреты, поэтому «главное место в журнале занимали русские авторы и «русская тема»»¹⁵.

Первый номер «Беседы» вышел в 1923 г., на обложке стоит — май–июнь. Соответственно, все предшествующее время между адресатами шла интенсивная переписка, главной темой которой было содержание журнала, работа с авторами, решение о приеме статей, заказы переводчикам и тому подобные редакционно-издательские вопросы. В письмах Брауна звучит голос увлеченного и ответственного ученого, тем более, как это известно из его научной биографии, имеющего богатый опыт организационной работы.

¹³ Первоначально Горький планировал организовать литературно-научный журнал «Путник» на базе «Издательства З.И. Гржебина», но это не получилось.

¹⁴ Вайнберг И.И. Берлинский журнал Горького «Беседа», его издатель С.Г. Каплун, поэт В.Ф. Ходасевич и другие (по неизвестным архивным материалам и неизданной переписке) // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1995. Т. 4. С. 187–207. С. 188.

¹⁵ Там же. С. 189.

Горький быстро осознал, какого ценного помощника и единомышленника он обрел в лице Ф.А. Брауна. 24 апреля 1923 г. он с благодарностью писал: «Крепко жму Вашу руку и скажу: очень хорошо работать с Вами. Вы — художник в работе. Это — искренно и это я давно знаю, еще по совместной работе в России»¹⁶. Растроганный ученый ответил на эту похвалу: «Скажу и я: хорошо работать с Вами. Вы удивительно чутки к науке, и меня бесконечно радует широкий размах Ваших научных интересов, — размах, редкий в художнике, как Вы» (АГ. КГ-уч-3-30-21).

И это действительно так! Объективность Горького, широкая эрудиция в разных областях знаний, осведомленность в деталях подтверждаются содержанием его писем. «Я очень, искренно рад тому, что Вы берете на себя весь научный отдел, — писал он Брауну 27 декабря 1923 г. — Позвольте напомнить о темах, которые были бы наиболее интересны: антидарвинистское течение в современной науке. Новейшее в механике, — тут, если верить швейцарской прессе, — некий инженер в Лозанне достиг фантастического уменьшения трения частей в машинах. Его открытие уже куплено Францией.

Очень интересна была бы статья о роли гипотезы в совр. науке, ибо гипотезы <...> как будто бы указывают, что разум человека все более тонко и глубоко развивает свою способность дальновидения. И <...> что количество, а также качество совр. гипотез <...> действительно создает, наконец, социологию как науку»¹⁷.

В каждом номере печатались рассказы Горького: «Отшельник», «Заметки» (№ 1); «Из дневника», «Письма В. Розанова к Горькому» (№ 2); «Рассказ о безответной любви» (№ 3); «Рассказ о герое» (№ 4); «Карамора», «О С.А. Толстой» (№ 5); «Рассказ о необыкновенном» (№ 6/7). Все они позднее вошли в книгу «Рассказы. 1922–1924 гг.», стали «определенным этапом в его творчестве»¹⁸, что на сегодняшний день по-

¹⁶ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 14. С. 177.

¹⁷ Там же. С. 284.

¹⁸ Вайнберг И.И. Берлинский журнал Горького «Беседа», его издаватель С.Г. Каплун, поэт В.Ф. Ходасевич и другие (по неизвестным архивным материалам и неизданной переписке). С. 188.

дробнейшим образом и глубоко исследовано Н.Н. Примочкиной¹⁹.

В номерах «Беседы» были напечатаны три статьи самого Ф.А. Брауна: «Первобытное население Европы» (№ 1), «Заимствованные слова» (№ 3) и «Варяги на Руси» (№ 6/7). О первой из них 28 марта 1923 г. Браун писал Горькому: «Очень рад, что моя статья Вам понравилась. Боюсь, что вторая часть ее менее интересна, в ней речь идет почти исключительно о языке — материя сухая для не специалиста, если она трактуется в старой популярной форме без примеров» (АГ. КГ-уч-3-30-18).

«Так как во 2-м №-е Вашей статьи, очевидно, не будет, то совершенно необходимо, чтоб Вы дали на 3-й. Не буду говорить вам комплиментов, но — общее мнение: в 1-ом Ваша статья блестяща,»²⁰ — писал Горький 18 июня 1923 г. Высокая оценка, вероятно, прозвучала при встрече, поскольку в письме была высказана позже, чем благодарность Брауна.

В скором времени статья была выпущена тем же издательством отдельной брошюрой и подарена автором Горькому. Она имеется в ЛБГ: Браун Ф.А. Первобытное население Европы. С 4 табл., рис. Берлин: Эпоха, 1924. 54 с. Обл. Дарственная надпись: Дорогому Алексею Максимовичу с искренней любовью. Ф. Браун. Лейпциг 26.II.1924 (ОЛБГ²¹. 6790).

Вторая статья Брауна вышла в № 3 «Беседы» и тоже имела положительный отклик у читателей. Автор в письме Горькому от 20 июня 1923 г. поясняет актуальность затронутой темы: «Быть может, именно теперь, когда народы гибнут от взаимной вражды и ненависти, небесполезно будет напомнить им, чем они друг другу обязаны в смысле культурного взаимодействия. Нигде последнее не вырисовывается так ярко, как на почве языка» (АГ. КГ-уч-3-30-26). В статье же он пишет о том, что заимствуется не только слово, а «понятие или вещь, которая им обозначается, т. е. культурная

¹⁹ Примочкина Н.Н. Поэтика эксперимента: творчество М. Горького начала 1920-х гг. М.: Директ-Медиа, 2022. 320 с.

²⁰ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 14. С. 195.

²¹ Личная библиотека А.М. Горького в Москве: Описание: в 2 кн. М.: Наука, 1981. Кн. 1. С. 392.

ценность, заимствуемая вместе с ним». И «ни один народ не достиг бы высоты своей современной культуры без помощи соседа»²². В статье также говорится о «живом организме языка», о необходимости бережно обращаться с родным языком и о значении в этих процессах работы писателей, по роду своей деятельности сохраняющих и развивающих родной язык, разумно пользующихся заимствованными словами. Уж не в этот ли период зарождались основы горьковской позиции в позднейшей горячей и значительной для ее участников дискуссии о языке в 1934 г.?

Адресаты столь часто и увлеченно обмениваются письмами, что порой не обходится без казусов. Так, уже упомянутое письмо Горького от 18 июня 1923 г. заканчивается обещанием прислать свои книги. Он выслал Брауну 16 том из собрания своих сочинений, вышедший в издательстве «Книга», дважды. 1 октября 1923 г. тот сердечно благодарил и пояснял: «Эту книгу Вы мне, однако, действительно уже прислали месяца два тому назад, и мне, строго говоря, надо бы вернуть Вам теперь этот второй экземпляр. Но Ваша посвятельная надпись мне так мила и дорога, что я позволю себе злоупотребить Вашей забывчивостью. Не сердитесь на меня за это. Когда я в последнем письме напоминал о Вашем обещании отослать “книгу”, я имел в виду книгу Сергеева-Ценского, о которой Вы мне как-то писали как о превосходной вещи, обещая выслать ее мне для ознакомления»²³.

Что именно написал Горький в посвящении на этой книге неизвестно, а вот первый ее экземпляр хранится ныне в Музее А.М. Горького в Москве и имеет следующую дарственную надпись: «Дорогому человеку Федору Александровичу Браун с чувством искреннейшего уважения. М. Горький. 17. VI. 23. Гюнтер-сталь. Кибург» (Музей А.М. Горького. Москва).

«Варяги на Руси» (№ 6/7) — третья статья профессора Брауна в журнале «Беседа». Рассмотрев появление на севере древней Руси с начала IX в. скандинавских жителей, оседавших на

²² Браун Ф.А. Заимствованные слова // Беседа. 1923. № 3. С. 275–319. С. 277.

²³ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 14. С. 624.

этих территориях, — сначала это были войны, затем торговцы, — ученый вполне обоснованно приходит к выводу о самостоятельности русской государственности, выросшей «из самодовлеющих местных потребностей и интересов»²⁴. Самостоятельности, а не заимствованности у скандинавов, в частности у шведов.

Статья состоит из четырех разделов: Пролог русской истории; Викинги; Русь и варяги; Археологические свидетельства. Снабжена иллюстрациями — это фотографии древних скандинавских украшений из могилы близ Кириллина и остатки скандинавского поселения IX в. в Старой Ладогге. Здесь автор предстает не только историком, но и опытным археологом, профессионально доказывающим свою точку зрения с опорой на артефакты, обнаруженные при раскопках. Статья должна была иметь продолжение, но номер, в котором она была опубликована, оказался последним.

Этим номером Браун остался доволен, назвал его в письме от 24 апреля 1925 г. «хорошим и очень богатым по содержанию». Хвалил горьковский «Рассказ о необыкновенном», называя его «превосходным», о «Варягах на Руси» писал так: «Если моя статья о варягах доставила Вам хоть четверть того удовольствия, которое испытывал я при чтении Вашей, то я был бы очень рад. Она ведь не закончена; наиболее интересная часть (о материале исландских саг и о рунических надписях) еще впереди. Неужели ей так и не суждено появиться в “Беседе”?» (АГ КГ-3-30-49).

Тогда же, в апреле 1925 г., Горький, будто в утешение, послал своему научному редактору только что вышедшую книгу «Рассказы 1922–1924 годов» (Berlin: Kniga, 1925) с дарственной надписью: «Федору Александровичу Браун с искренним уважением. М. Горький. 17. IV. 25. Sorrento-Капо» (Музей А.М. Горького. Москва)²⁵. Упомянутый рассказ Горького тоже вошел в нее. В Музее А.М. Горького в Москве сохранилась также копия дарственной надписи на книге «Дело Артамоновых» (Берлин.

²⁴ Браун Ф.А. Варяги на Руси // Беседа. 1925. № 6/7. С. 300–338, 317.

²⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 15. С. 584.

1925): «Федору Александровичу Брауну на память. М. Горький. Sorrento. 25. V. 26»²⁶.

По поводу статьи Брауна и закрытия «Беседы» Горький писал Ходасевичу 15 мая 1925 г.: «Беседа» кончилась. Очень жалко. Браун — в совершеннейшем унынии. Особенно — потому, что его статья о варягах вошла в 7–8-ю книгу не целиком»²⁷. По мнению И.И. Вайнберга, «Беседа» «с самого начала своего возникновения была обречена»²⁸. И, поскольку она была рассчитана на советского читателя, но советское правительство препятствовало ее ввозу, политическая цензура становилась все более жесткой, такой журнал не смог далее существовать.

Последнее письмо Горького Брауну было написано 25 мая 1925 г. из Сорренто. Оно о закрытии «Беседы», нежелании переходить к другому издателю Е.А. Ляцкому, как предложил было Браун. И о неуплаченных долгах научного редактора перед нанятыми им авторами. Это был ответ на письма Брауна от 11 и 20 мая 1925 г. 20 мая 1925 г. Браун писал: «Моя последняя надежда на Вас. Ведь мы привлекали сотрудников <...> нам они доверяли <...>. Не знаю, как по литературному отделу, но по моему, научному, это именно так. Я говорил об этом на нашем последнем совещании, при Марии Игнатьевне, которая поэтому знает и может рассказать Вам, в каком отчаянном положении я оказался, вследствие всего этого, в здешнем академическом мире». (АГ. КГ-уч-3-30-51). 1532 марки требовалось Брауну «для ликвидации дела». Помимо этого, он томился раздумьями о ценности журнала и необходимости еще побороться за него. Третья часть озвученной суммы была прислана ему сразу же. 831 марка в два приема была получена им от Горького для уплаты долгов к ноябрю 1925 г., о чем сообщается в последнем письме от 15 ноября 1925 г.

²⁶ Там же. С. 622.

²⁷ Там же. С. 178.

²⁸ Вайнберг И.И. Берлинский журнал Горького «Беседа», его издатель С.Г. Каплун, поэт В.Ф. Ходасевич и другие (по неизвестным архивным материалам и неизданной переписке). С. 205.

5 июня, прощаясь, Браун писал: «С радостью буду вспоминать о совместной с Вами работе» (АГ. КГ-уч-3-30-52). Так закончилась переписка великого русского писателя и большого русского ученого историка, археолога, филолога-германиста.

Хочется добавить несколько штрихов к портрету Ф.А. Брауна из уже упоминавшейся переписки М. Горького с М.И. Будберг, штрихов, придающих его образу особенную задушевность и объемность и подтверждающих нашу высокую оценку его личности.

12 февраля 1924 г. Будберг писала из Берлина: «Видела Брауна, Каплуна. Первый говорил, что Вам написал длинное письмо обо всем и о “Беседе”, — воображаю какое длинное! Некоторые пункты, как о книжке Муссолини, я уже с ним выяснила. М.б. интересно, что он говорит о неизданной версии “Крейцеровой” сонаты”, но, мне кажется, что она где-то была опубликована!»²⁹ Это письмо Брауна от 10 февраля 1924 г., которое начинается словами: «Готовьтесь к длинному письму. У меня две темы: “Беседа” и Госиздат», действительно на шести страницах (АГ. КГ-уч-3-30-39).

8 апреля 1924 г. сообщала Горькому из Берлина: «Браун по-прежнему методичен и аккуратен, — я достала ему иллюстрации из “Times’a”»³⁰. В примечаниях сказано, что «имеются в виду иллюстрации из “The Times” для второй статьи о египетских раскопках, произведенных экспедицией Г. Картера»³¹. В письме Горькому от 26 февраля 1924 г. Ф.А. Браун писал о подготовке научного отдела 5-й книги «Беседы»: «О Тутенхамуне я еще вчера говорил с Штейндорфом. Он помнит о своем обещании и даст нам статью еще в течение весны. Хорошо было бы теперь же позаботиться о фотографиях. Не напишет ли Марья Игнатьевна издательству Times? Надеюсь, что они нам и на этот раз не откажут. Можно было бы послать им третий номер “Беседы” со статьей Штейндорфа и просить о рисунках для продолжения» (АГ. КГ-уч-3-30-41). И поясняется:

²⁹ Архив А.М. Горького. Т. 16: А.М. Горький и М.И. Будберг. Переписка (1920–1936). С. 82.

³⁰ Там же. С. 84.

³¹ Там же. С. 303.

«В 1922 г. Говард Картер обнаружил в Верхнем Египте непо-
врежденную гробницу Тутанхмона. Ряд статей Картера пу-
бликовался в газете “The Times” с богатыми иллюстрациями»³².

И еще в середине апреля 1925 г., по дороге из Парижа
в Берлин: «С “Беседой” дело пока без перемен. Денег нет.
В Россию, как я Вам писала, взял Наркоминдел и “Книга” все-
го 250 экз. Это, конечно, ничтожно. Хочу на обратном пути
обсудить этот вопрос окончательно. Напишите мне, как бы
Вы отнеслись к выходу “Беседы” 2 раза в год? <...> Да, вот что.
Обидели Вы очень бедного Брауна. Помните, Вам прислали
статью Жирмунского? Он, Браун, оказывается, ее принял и
одобрил, так же, как и статью Лютера о формальном методе.
А Вы написали Каплуну, — не ему, а Каплуну, хотя Ф<едор>
А<лександрович> заведует этим отделом, — не принимать.
Вот он и в претензии, что Вы не пожелали обсудить этот
вопрос с ним, высказать, почему Вы против и пр. “Мы бы
в конце концов порешили, вероятно, как захотел бы А.М., —
говорит он, — хотя я не знаю почему он забраковал статью?
К этому вопросу сейчас проявлен большой интерес¹⁷, в Бон-
не открылась специальная кафедра по этому вопросу, а мы
игнорируем”.

Ну, я уверила его, что Вы, вероятно, не знали, что он ее
одобрил, но не черкнете ли Вы ему несколько “добрых” слов?
“У меня уже сейчас горечь прошла, — говорит он, — а в начале
я очень огорчился”. Он скучный, но хороший человек. Между
прочим, Гринберг рассказывает, что в Москве был диспут о
формальном методе. Бухарин выступал против, а оппонировал
ему Шкловский и, между прочим, резко заявил, что “коммуни-
сты суются в области, в которых они не компетентны”. На это
возразил Маяковский, что он “во всем согласен с Шкловским,
исключая этого заявления”»³³.

Этот эпизод требует обширного комментария и погруже-
ния в реалии того времени, что блестяще выполнено публика-
торами переписки в соответствующих комментариях.

³² Там же.

³³ Там же. С. 100–101.

«Ф.А. Браун, ведавший отделом науки в журн. “Беседа”, заказал профессору А. Лютеру две рецензии. Одна — на статью В.М. Жирмунского “Formprobleme in der russischen Literatur Wissenschaft”, напечатанную в журн. “Zeitschrift fur slavische Philologie”. 1925. № 1. С. 117-152; вторая — на книгу О. Вальцеля “Проблемы формы в поэзии, вышедшую на русском яз. со вступительной статьей В.М. Жирмунского «К вопросу о “формальном методе”»” (Пб., 1923)»³⁴.

Горький объяснился и извинился 19 апреля 1925 г. в письме Брауну: «С искренним огорчением узнал, что между мною и Вами возникло недоразумение и прошу извинить меня, если вы находите, что в недоразумении этом повинен только я. Сам я считаю, что поступил неправильно лишь в том, что не переслал рукопись Вам. А решил участь ее одним своим голосом. Но я ведь не знал, что Вами она уже была читана, Каплун не известил меня об том. И, разумеется, знай я это, я не позволил бы себе вторгаться в сферу Вашей компетенции»³⁵.

24 апреля 1925 г. Браун ответил: «Опротестованные Вами две рецензии были заказаны мною Лютеру <...>. Но вот, просматривая гранки моего отдела, я заметил их отсутствие <...> С.Г. (Каплун) ответил, что они сняты Вами и печататься не будут. Тут я, действительно, немного обиделся <...>. [Вы, конечно, имели полное право!] он (С.Г.) должен был сказать мне как редактору отдела. Мы бы с Вами поспорили, — Вы бы мне уступили, или я уступил бы Вам — безразлично, дело было бы решено с обоюдного согласия <...>. Я хотел тогда же написать Вам, но так как предвиделся приезд Марии Игнатьевны, то я предполагал подождать и сказать об этом вкратце ей, чтобы не раздувать пустого дела». Далее он, удовлетворенный объяснением Горького, писал: «...Вопрос исчерпан, и Вам совершенно не нужно “извиняться” в чем бы то ни было, а мне — “извинять”» (АГ. КГ-уч 3-30-49).

Как видим, рабочие моменты в виде разногласий, шероховатостей, накладок, несхожести мнений наличествуют,

³⁴ Там же. С. 320.

³⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 15. С. 157.

естественно, и в этих деловых отношениях двух незаурядных людей. Но разрешаются они всегда, к обоюдному удовлетворению, мирно и доброжелательно. Об этом свидетельствуют последние письма, а также дарственные надписи на подаренных книгах.

Подытоживая свой обзор имеющихся в Архиве Горького материалов, связанных с взаимоотношениями М. Горького и Ф.А. Брауна, мы можем сказать, что магистральными в их общении были темы науки и просвещения. А практически это воплощалось в издаваемом, на тот период очень важном для попытки создания культурного моста между СССР и Европой, журнале «Беседа», основными создателями которого они являлись. Переписка, начавшаяся в 1920 г., почти внезапно обрывается в 1925 г. В ней отражена их совместная работа в «Беседе» и отчасти во «Всемирной литературе». Для Горького Браун был ответственным сотрудником, чей редакторский портфель всегда был полон актуальными и свежими научными и инженерно-техническими материалами, а также грамотным, добросовестным и увлеченным редактором, талантливым автором собственных статей. Можно смело сказать, что по прошествии времени значение личности и научного наследия этого ученого должно быть переоценено. В том числе и на базе материалов из Архива А.М. Горького.

Список литературы

1. Архив А.М. Горького / отв. ред. В.С. Барахов, авт. коммент.: Л.Н. Иокар, Е.Р. Матевосян, А.А. Тарасова, Г.Э. Прополянис. М.: ИМЛИ РАН, 2001. Т. 16: А.М. Горький и М.И. Будберг. Переписка (1920–1936). 544 с.
2. Браун Ф.А. Варяги на Руси // Беседа. 1925. № 6/7. С. 300–338.
3. Браун Ф.А. Заимствованные слова // Беседа. 1923. № 3. С. 275–319.
4. Вайнберг И.И. Берлинский журнал Горького «Беседа», его издатель С.Г. Каплун, поэт В.Ф. Ходасевич и другие (по неизвестным архивным материалам и неизданной переписке) // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1995. Т. 4. С. 187–207.

5. *Вайнберг И.И.* Жизнь и гибель берлинского горьковского журнала «Беседа»: по неизвестным архивным материалам и неизданной переписке // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 361–376.
6. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. 823 с.
7. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2012. Т. 15. 968 с.
8. *Личная библиотека А.М. Горького в Москве: Описание: в 2 кн.* М.: Наука, 1981. Кн. 1. 412 с.
9. *Клинг О.А.* Немецкий период А.М. Горького в реконструкции В.Ф. Ходасевича // Новый филологический вестник. 2021. № 3(58). С. 170–178.
10. *Примочкина Н.Н.* Поэтика эксперимента: творчество М. Горького начала 1920-х гг.: монография. М.: Директ-Медиа. 2022. 320 с.

О РАБОТЕ «ИЗДАТЕЛЬСТВА З.И. ГРЖЕБИНА» В ГЕРМАНИИ

© 2023 г. Е.Н. Никитин

Аннотация: В статье рассказывается о работе «Издательства З.И. Гржебина» в Германии. Не благоприятствовало работе отрицательное отношение к ней значительной части эмигрантов, считавших Гржебина и Горького агентами Советской власти. Но Москва издательству не благоволила. Особую неприязнь у нее вызывала серия «Летопись революции». В Берлине издательство решило выпускать журнал с тем же названием. Первый номер вышел в январе 1923 г. Москва на это отреагировала запретом на ввоз в Россию книг «Издательства З.И. Гржебина» и заведением уголовного дела. Однако издательство продолжило свою деятельность и прекратило работу только в 1924 г., а не в 1923 г., как сказано в ряде справочников.

Ключевые слова: М. Горький, З.И. Гржебин, издательство, Германия.

Информация об авторе: Евгений Николаевич Никитин (1950–2023) — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

Для цитирования: Никитин Е.Н. О работе «Издательства З.И. Гржебина» в Германии // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 134–146. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-134-146>

ABOUT THE WORK OF Z.I. GRZHEBIN PUBLISHING HOUSE IN GERMANY

© 2023. Evgenii N. Nikitin

Abstract: The article describes the work of Z.I. Grzhebin Publishing House in Germany. The work was not favored by the negative attitude towards it of a significant part of the emigrants who considered Grzhebin and Gorky agents of the Soviet government. But Moscow did not favor the publishing house. It particularly disliked the series «Chronicle of the Revolution». In Berlin, the publishing house decided to publish a magazine with the same name. The first issue was published in January 1923. Moscow reacted to this by banning the importation into Russia of books by the Publishing House of Z.I. Grzhebin and opening a criminal case. However, the publishing house continued its activities and stopped working only in 1924, and not in 1923, as stated in a number of reference books.

Keywords: M. Gorky, Z.I. Grzhebin, publishing house, Germany.

Information about the author: Evgenii N. Nikitin (1950–2023), PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

For citation: Nikitin, E.N. "About the Work of Z.I. Grzhebin Publishing House in Germany." *A.M. Gor'kii v Germanii: pisatel' i ego okruzhenie v sotsio-kul'turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 134–146. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-134-146>

Как известно, в 1919 г. было создано «Издательство З.И. Гржебина». Через два года владелец издательства, З.И. Гржебин, и его главный редактор, М. Горький, вынуждены были покинуть Россию. Они через Финляндию и Швецию в начале ноября 1921 г. приехали в Берлин. Здесь обосновался Гржебин и продолжил свою издательскую деятельность. Горький первое время дольше нескольких месяцев нигде не задерживался, постоянно переезжал (Санкт-Блазиен, Берлин, Герингсдорф, Са-

аров, Гюнтерсталь, Прага, Мариенбад), лишь в апреле 1924 г. он обосновался в Сорренто.

За границей ситуация стала иной, не такой, какой была в России. И там было трудно работать. Гржебина советские чиновники не любили. Во-первых, идейно чуждый. Во-вторых, частник. В-третьих, еврей. Сотрудники Государственного издательства не любили его из зависти, он умеет хорошо работать, они нет. Но в России Горький всегда мог обратиться за помощью к В.И. Ленину. И председатель Совнаркома помогал, поскольку понимал: неудобного большевикам писателя легче выдавить за рубеж вместе с издательством, со своим делом. Когда Горький оказался за границей, Ленину уже незачем было помогать «Издательству З.И. Гржебина».

Как встретили писателя и издателя эмигранты? Многие недружелюбно. Они считали их агентами большевиков. Неприязнь к Гржебину вызывало и то, что он печатал книги по новой орфографии. В январе 1920 г. Россию тайно покинули супруги Мережковские. 3 декабря 1920 г. Дмитрий Сергеевич в парижской газете «Последние новости» напечатал свое «Открытое письмо Уэллсу», где сказал: «Ленин — самодержец, Горький — первосвященник. У Ленина власть над телами. У Горького над душами. “Всемирная литература”, основанная Горьким, “величественное издательство”, восхищает Вас, как светоч просвещения небывалого. Я сам работал в этом издательстве и знаю, что это сплошное невежество и бесстыдная спекуляция. Главный агент Горького, Гржебин скупил за гроши всю русскую литературу из-под полы, как мешочник; одному писателю оплатил даже не деньгами, а мерзлым картофелем». В ненависти к большевикам, к Горькому и Гржебину жена не уступала мужу. В 1921 г. она в софийском журнале «Русская мысль», в № 1/2, напечатала «Черную книжку» (дневник 1919 г.). В ней читаем: «Приходят, кроме того, всякие евреи и еврейки, тип один, обычный, — тип нашего Гржебина: тот же аферизм, нажива на чужой петле. <...> К писателям Гржебин теперь относится по-меценатски. То есть держит себя меценатом. У него есть как бы свое (полулегальное, под крылом Горького) издательство. Он скупает всех писателей с именами, — скупает впрок, — ведь

теперь нельзя издавать. На случай переворота — вся русская литература в его руках, по договорам, на многие лета, — и как выгодно приобретенная! Буквально, *буквально* за несколько кусков хлеба. <...> Стыдно сказать, за сколько он покупал меня и Мережковского»¹. В этом пропитанном ненавистью пассаже есть и правдивая фраза: «теперь нельзя печатать» (антибольшевицкий переворот, о котором мечтала З.Н. Гиппиус, как мы знаем, не произошел). Действительно, тогда выпускать книги было почти невозможно. Но Гржебин выпускал, а какие выпустить не смог, все равно за них платил авторам гонорары. К.И. Чуковский, узнав о смерти издателя, записал 10 февраля 1929 г. в дневник: «Как будто я выкарабкиваюсь из болезни. <...> И были на фоне этого люди: Шкловский, к которому сердце мое опять потянулось. <...> О Гржебине мы разговорились, вспомнили, как много в нем было хорошего, мягкого, как он, в сущности, поставил на новые рельсы нашу детскую книгу, вовлек в нее Чехонина, Добужинского, Лебедева, вспомнили, что мы остались ему должны <...>. И мы решили непременно, когда я выздоровею, написать Гржебину письмо, где выразить ему любовь и признательность, и вместе с письмом послать ему денег. <...> Это было недели 2 назад. А сейчас пришли и говорят: Гржебин умер!»²

Ненависть в среде эмигрантов со временем не уменьшалась. После того как Гржебин в конце 1923 г. перебрался из Берлина в столицу Франции, некий Ирман (вероятно, проживавший в сербском городе Нови-Сад генерал Владимир Александрович Ирман (Ирманов), глава местного отдела Союза монархистов) 11 февраля 1924 г. напечатал в «Русской газете в Париже» статью «Гржебин за работой», где сказал: «В Париж приехал обер-издатель совбандитов, пресловутый Гржебин. <...> Гржебин и К^о (читай: Ц.К. коммунистического интернационала) открывает в Париже издательство. Сие учреждение будет выпускать русские книжки, какие-то листки, — все это,

¹ Гиппиус З.Н. Собр. соч.: в 15 т. / сост., примеч. Т.Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 2005. Т. 9. С. 33–35.

² Чуковский К.И. Дневник: в 3 т. / сост., подгот. текста, коммент. Е.Ц. Чуковской. М.: ПРОЗАИК, 2011. Т. 2: 1922–1935. С. 389–390.

конечно, без ятей и твердых знаков, — и, вообще, [намерено] захватить русский издательский и книжный рынок в Франции, в целях исключительно московской красной ракалии. У тех, которые сюда командировали Гржебина, расчет ясный: Бить в голову! Схватить за глотку антибольшевистское печатное слово, творящее свое дело за пределами досягаемости товарища Уншлихта. <...> Чего ради этот большевистский прихвостень перекочевал со своими последышами в Париж? Уж будто ему так плохо жилось в Совдепии на коммунистических хлебах? Разумеется, нет. Он приехал сюда с нарочитой целью. <...> Русские люди! Берегитесь! К вам приблизилась провокация!»³

На таком общественном фоне (надо сказать, что были и другие голоса, к сожалению, менее громкие, в защиту Гржебина печатно выступила А.Ф. Даманская⁴, письма в поддержку издателю прислали М.А. Осоргин⁵, Правление Союза русских издателей и книгопродавцев в Германии⁶) пришлось работать за границей владельцу издательства и его главному редактору. Недоброжелательство эмигрантов было неприятно, но, поскольку свою продукцию (ее основную часть) «Издательство З.И. Гржебина» рассчитывало распространить в России (покупательная способность эмигрантов была очень мала), более важным являлось то, как относиться к издательству московская власть. Она относилась к Гржебину, да и к Горькому, на протяжении всего периода работы издательства враждебно. Особую неприязнь вызывала серия «Летопись революции» (за попытку объективно изобразить революцию в России). Но эта серия была дорога и Гржебину, и Горькому. С нее издательство начало свою работу. В 1919 г. вышли первая книга (всего их было напечатано семь) «Записок о рево-

³ Заметка В.А. Ирмана «Гржебин за работой» (Русская газета в Париже. 11 февраля 1924. № 6. С. 2).

⁴ Д.А. [Даманская А.Ф.] Издатели и писатели в Советской России // Воля России (Прага). 1920. 3 декабря.

⁵ См.: Гржебина Е.З. З.И. Гржебин — издатель. (По документам и воспоминаниям его дочери) // Solanus. 1987. Vol. 1. P. 24–25.

⁶ Там же. P. 25–26.

люции» Н.Н. Суханова и первая часть (из намеченных 4-х) мемуаров А.В. Луначарского «Великий переворот». Книга главы Наркомпроса вызвала скандал. Большевистскую верхушку возмутило не ее содержание, а то, что автор, во-первых, напечатал свои воспоминания в частном издательстве, во-вторых, в серии, целью которой, как говорилось в рекламном объявлении, помещенном в книге, было «положить начало великому труду собирания материалов для будущей истории великого переворота». Для объективного воссоздания произошедшего, в отсылке к книге из списка литературы издательство намеревалось дать слово «авторам различных политических взглядов — от крайне левых до правых». В объявлении назывались лица, уже давшие согласие на напечатание своих мемуаров в серии: Б.В. Авиллов, Ф.И. Дан, Л.Б. Каменев, О.Д. Каменева, К.К. Кузьмин-Караваев, М.Ю. Левидов, М.И. Либер, Ю.О. Мартов, С.Д. Мстиславский, А.Н. Потресов, В.А. Строев-Десницкий, Н.Н. Суханов, В.М. Чернов, В.Б. Шкловский. «Правда» на выход книги наркома откликнулась незамедлительно, 9 ноября 1919 г. напечатала статью «Странное недоразумение», подписанную псевдонимом «Коммунист-рабочий». В ней говорилось: «Передо мной лежит каталог издательства З.И. Гржебина (помещенный в конце книги Луначарского. — Е.Н.) — издательства явно авантюристического. В числе авторов значатся Б.В. Авиллов, Ф. Дан, известный перевертень М. Левидов, Либер, Мартов, Потресов, Строев, Н.Н. Суханов, В. Чернов — одним словом полный букет контрреволюции <...> работники Государственного издательства <...> заставляют <...> коммунистов попадать в сомнительную компанию господ Либеров, В. Черновых и т.п., знакомство с которыми уже давно хочет свести чрезвычайка»⁷. В результате три последующие части воспоминаний Луначарского в свет не вышли. Не появились в серии и мемуары четы Каменевых. «Летопись революции» вызвала читательский интерес, особенно «Записки о революции» Суханова. Ими зачитывалась большевистская верхушка. Вдова Н.И. Бухарина вспоминала: «В те годы меня

⁷ Газета «Правда», 9 ноября 1919 г. № 251. С. 1.

больше всего привлекал рассказ Суханова <...>. Его многотомные «Записки о революции» вызвали много споров, читались большевистской верхушкой взахлеб, и, несмотря на взгляды, с точки зрения большевизма, неверные, признавалась их некоторая историческая ценность»⁸. Ленин, будучи уже тяжело больным, нашел нужным откликнуться на выход «Записок» статьями «О нашей революции», напечатанной 30 мая 1923 г. в «Правде», «Петроградской правде» и «Красной газете». В ней сказано: «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала и в том числе, конечно, Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой. <...> Для создания социализма, — говорите вы, — требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?»⁹ Раздражение вождя в наибольшей степени выразилось в заключительной фразе статьи: «Тех, кто думает так, своевременно было бы объявить просто дураками»¹⁰.

Несмотря на недовольство большевистской верхушки, издательство продолжило выпускать серию. После того как Горький и Гржебин оказались за границей, в ней вышли книги: П.Б. Аксельрод «Пережитое и передуманное» (Кн. 1, Берлин, 1923), В.С. Войтинский «Годы побед и поражений» (Кн. 1–2, Берлин, 1923–1924), М.С. Маргулиес «Год интервенции» (Кн. 1–3, Берлин, 1923), Ю.О. Мартов «Записки социал-демократа» (Кн. 1, Берлин; Пг.; М., 1922), С.Д. Мстиславский «Пять дней» (М., 1922; 2-е, доп. изд. Берлин; Пг.; М., 1922), Г. Покровский «Деникинщина: год политики и экономики на Кубани (1918–1919 гг.)» (Берлин; Пг.; М., 1923), Н.С. Русанов «Из моих воспоминаний» (Кн. 1, Берлин, 1923), В.М. Чернов «Записки социалиста-революционера» (Кн. 1, Берлин; Пг.; М., 1922).

⁸ Ларина (Бухарина) А.М. Незабываемое. М.: Изд-во АПН, 1989. С. 26.

⁹ Ленин В.И. Сочинения. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л.: Госиздат, 1930. Т. 27. С. 399, 401.

¹⁰ Там же. С. 401.

Видя, каким успехом пользуется серия «Летопись революции», издатель и главный редактор принимают решение начать выпуск журнала с таким же названием. В редакционную коллегию нового издания вошли: Горький, Мартов, Б.И. Николаевский, Суханов.

Горькому всегда хотелось иметь свой журнал. Выпускаемая «Парусом» «Летопись» прекратила свое существование в 1917 г. После создания «Издательства З.И. Гржебина» при нем, когда Горький и Гржебин еще находились в России, издатель и главный редактор пытались начать выпуск журнала «Завтра» (попытка оказалась неудачной)¹¹. После их переезда за границу в берлинском журнале «Новая русская книга» появилось объявление: «“Путник”, толстый ежемесячный журнал в изд. З. Гржебина, под редакцией Максима Горького, при участии гр. А.Н. Толстого, А.М. Ремизова, И.С. Соколова-Микитова и др. В нем будет напечатан ряд в свое время приобретенных З. Гржебиным произведений живущих в России литераторов» (1922. № 5. С. 44). Но Горький стал редактором не «Путника», а «Беседы» (1923–1925) — журнала, выпускаемого издательством «Эпоха». Однако «Издательство З.И. Гржебина» все-таки стало выпускать свой журнал «Летопись революции». В нем согласились сотрудничать Р.А. Абрамович, Ф. Адлер (Австрия), П.Б. Аксельрод, Г.Я. Аронсон, Андрей Белый, Л.Е. Берлин, Г.О. Биншток, Ж. Брак (Франция), В.В. Водовозов, М. Володин, С.Х. Гогель, В. Горн (В.Г. Громан), Р.Б. Гуль, Л.Г. Дейч, О.И. Доманевская, А.Э. Дюбуа (А.В. Горский), А.И. Изюмов, К. Каутский (Германия), Вл. Коссовский (М.Я. Левинсон), Г. Майер (Германия), Ф. Мендерс (Вейс) (Латвия), Марк Мрачный (Кливанский), Н.Я. Николадзе, П.К. Ольберг, М. Панин (М.С. Макадзюб), С.П. Постников, Ян Райнис (Латвия), С. Саакьянц, М.Л. Слоним, В.Б. Станкевич, Н. Тасин (Н.Я. Коган), Э. Фрисланд (Германия), В.Б. Шкловский, А.А. Шрейдер, А. Штейн (Рубинштейн), Х. Элиас (Латвия), А.А. Югов (Фрумсон), И.Л. Юдин (Айзенштадт).

¹¹ Подробнее см.: Никитин Е.Н. «Издательство З.И. Гржебина» (1919–1924) // Книга: Исследования и материалы. М.: Наука, 2010. Сб. 92. Ч. 1–2. С. 179–181.

В это время Горький пишет статью «О русском крестьянстве», состоящую из десяти заметок. В ней писатель высказывает свое мнение о том, что русское крестьянство оживлено «ценою гибели интеллигенции и рабочего класса»¹². Особенно автора статьи волновала проявляемая мужиками жестокость. Первые четыре заметки из статьи «О русском крестьянстве» 2 апреля 1922 г. напечатала копенгагенская газета «Politiken». Вскоре две заметки из четырех в переводе с датского опубликовал московский журнал «Рупор» (1922. № 1). И советская, и эмигрантская печать выступили с резкой критикой мнения Горького о русском народе. В связи с этим писатель заявил о своем намерении выйти из состава редакционной коллегии «Летописи революции», дабы не вредить журналу. Но коллеги попросили его не делать этого. 6 июня 1922 г. Мартов и Суханов обратились к Горькому с письмом:

«Редакционная коллегия “Летописи революции” не видит никакого основания для ухода А.М. из коллегии в виду отказа Н.С. Русанова войти в нее. Соображения, представленные Н.С. Русановым, носят чисто-личный характер и не разделяются другими эс-эрами, сотрудничество которых, мы надеемся, останется нам обеспеченным. Мы просим, поэтому, А.М. взять назад свое заявление об уходе, так как его уход побудит нас ликвидировать образовавшуюся коллессию в виду невозможности для нас как бы санкционировать точку зрения Н.С. Русанова.

Ю. Мартов

Ник. Суханов»¹³.

Русанов — один из старейших деятелей революционного движения, член ЦК Партии социалистов-революционеров, в эмиграции с 1918 г. Но, конечно, не его нежелание войти в состав редакционной коллегии журнала побудило Горького заявить о выходе из нее (это было лишь предлогом). Главная причина — широкая критика статьи «О русском крестьянстве». Горький

¹² Горький М. О русском крестьянстве. Берлин: Изд-во И. Ладыжникова, 1922. С. 43.

¹³ Архив А.М. Горького при ИМЛИ РАН. КГ-ОД 2-29-1.

весьма высоко оценивал литературное творчество Русанова. Отрывки из его книги «Из моих воспоминаний», вышедшей в 1923 г. в «Издательстве З.И. Гржебина», под псевдонимом «Кудрин» предполагалось напечатать в № 2 «Летописи революции». В связи с этим Горький 10 марта 1923 г. написал Николаевскому:

«Кудрин — очень интересно, но, к сожалению, многословно, в начале, кое-где слишком режет ухо застарелый “нигилизм”.

Если б эту вещь можно было сократить, исправить — получилась бы весьма любопытная книга в ряду таких, как “Записки” Кропоткина <...>.

В общем же, с удовольствием вижу, что 2-й № будет живее 1-го»¹⁴.

Из данного письма видно, что Горький продолжил выполнять обязанности члена редакционной коллегии «Летописи революции».

В начале сентября 1922 г. в Берлине в «Издательстве И. Ладзыжникова» вышла отдельным изданием статья «О русском крестьянстве». Ее критика еще более усилилась. В частности, экономист К.Р. Качаровский (Кочаровский), автор исследования «Русская община» (СПб., 1900), 19 октября 1922 г. написал Горькому: «Я получил от секретаря редактируемой Вами “Летописи Революции” приглашение написать статью для нее. К сожалению, не могу согласиться на это сотрудничество. И считаю долгом, чтобы точно размежеваться, изложить Вам следующее. <...> Исходящая от Вас — поддержанная Вашим талантом и искренностью — отравленная неправда о русском крестьянском народе представляет практически страшное зло: содействует расколу между ним и интеллигенцией, оправдывает и усиливает презрение и империалистическое отношение к России других народов. Фактически Вы действуете как враг русского народа»¹⁵. Это письмо и аналогичные критические высказывания побудили писателя еще раз заявить о выходе из состава

¹⁴ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 155.

¹⁵ Там же. С. 460.

редакционной коллегии журнала. 1 ноября 1922 г. Горький обратился к Гржебину:

«Зиновий Исаевич.

Я получил от Кочаровского письмо, в котором он извещает о своем отказе сотрудничать в “редактируемой мною ‘Летописи’”. Письмо — длинное, отказ подробно мотивирован ссылками на мое “народозлобие”, на незнание мною русского крестьянства и “объективный, великий вред”, наносимый мною народу. В заключении говорится, что я “действую как враг русского народа”. <...>

Я думаю, — я уверен — что отношение ко мне, вызванное моими взглядами на крестьянство, будет усиливаться и, несомненно, повредит делу “Летописи” — делу очень ценному.

Поэтому я еще раз настоятельно предлагаю членам редакции “Летописи” вычеркнуть мое имя из состава редакционной коллегии»¹⁶.

В итоге было принято решение: имена членов редакционной коллегии в журнале не называть.

Первый номер «Летописи революции» увидел свет в январе 1923 г. В нем были напечатаны: мемуарный очерк Горького «В.Г. Короленко», «Воспоминания о М. Драгоманове и С. Подолинском» Э. Бернштейна, очерк Чернова «От “Революционной России” к “Сыну Отечества”», статья Дана «К истории последних дней Временного Правительства», «Программа Северного Союза РСДРП» и письмо Ленина к «Северному Союзу», содержащее замечания на его программу (с предисловием Мартова) и другие материалы.

Журнал очень не понравился московской власти. Она прибегла к жестким мерам. 28 апреля 1923 г. вышел циркуляр за подписью П.И. Лебедева-Полянского, в котором говорилось: «Настоящим Главлит предлагает принять срочные меры к недопущению в дальнейшем ввоза из заграницы в РСФСР книг

¹⁶ Там же. С. 103.

издательства Гржебина и распространения их в РСФСР»¹⁷. Также в связи с выходом журнала было заведено уголовное дело. Гржебин принял тяжелое решение: журнал закрыть. 25 июня 1923 г. Николаевский сообщил Горькому: «Хороню “Летоп. Револ.” Приехал из Москвы Товий Наумович Гржебин, рассказывает, что его 16 раз вызывали в чека по “делу “Лет. Рев.” Дело это — толстое-претолстое; камень, на котором построена его церковь, — список сотрудников. Зиновий Исаевич, и перед этим, по существу, уже решивший судьбу “Л. Р.”, теперь окончательно укрепился в этом направлении. Даже второй № выпущен не будет»¹⁸. Журнала не стало.

Запрещением реализовывать книги в России «Издательство З.И. Гржебина» было поставлено в очень тяжелое положение. Но оно еще год продолжало работать. В 1924 г. выпустило в серии «Летопись революции» вторую книгу воспоминаний Войтинского «Годы побед и поражений» и дополненное 3-м томом исследование П.П. Муратова «Образы Италии», в последнее время неоднократно переиздававшееся именно по гржебинскому изданию. Отметим, издание произведений Муратова не приветствовалось Москвой. З.Г. Гринберг, посланный ГИЗом за границу для наблюдения за работой «Издательства З.И. Гржебина», 27 февраля 1923 г. доложил начальству, Н.Л. Мещерякову, председателю редколлегии: «...книги совершенно ненужные, как не имеющие никакой культурной, художественной, воспитательной или педагогической ценности, как, например: “Образы Италии” Муратова, “Герои и героини” его же»¹⁹; О.Ю. Шмидту, заведующему Госиздатом: «В числе книг, печатаемых по заказу Госиздата Гржебиным, находятся книги, не представляющие никакой особенной ценности, как художественной, так и научной. <...> Я имею в виду Муратова

¹⁷ Цит. по: Блюм А. Печать русского зарубежья глазами Главлита и ГПУ: По архивным документам советской цензуры 20-х годов // Новый журнал (Нью-Йорк). 1991. № 183. С. 273.

¹⁸ Цит. по: Никитин Е.Н. «Издательство З.И. Гржебина» (1919–1924) // Книга: Исследования и материалы. М.: Наука, 2010. Сб. 92. Ч. 1–2. С. 150–151.

¹⁹ Там же. С. 176.

“Герои и героини”, его же, “Образы Италии” <...> не вижу необходимости в их печатании»²⁰. Но Гржебин был упорен в достижении задуманного, «Образы Италии» напечатал, но «Героев и героинь» выпустить в свет не смог.

Надо подчеркнуть, что «Издательство З.И. Гржебина» закончило свою работу в 1924 г., а не в 1923-м, как ошибочно сказано в некоторых справочниках²¹. Всего им было выпущено более 200 наименований книг.

Список литературы

1. Блюм А.В. Печать русского зарубежья глазами Главлита: По архивным документам советской цензуры 20-х годов // Новый журнал (Нью-Йорк). 1991. № 183. С. 264–282.
2. Гржебина Е.З. З.И. Гржебин — издатель. (По документам и воспоминаниям его дочери) // Solanus. 1987. Vol. 1. P. 4–40.
3. Никитин Е.Н. «Издательство З.И. Гржебина» (1919–1924) // Книга: Исследования и материалы. М.: Наука, 2010. Сб. 92. Ч. 1–2. С. 166–194.

²⁰ Там же.

²¹ См.: Комановский Б.Л. Гржебина З.И. издательство // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энциклопедия, 1964. Т. 2. Стб. 364–365; Белов С.В. Гржебина З.И. издательство // Книга: Энциклопедия / гл. ред. В.М. Жарков. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 180; Гржебин Зиновий Исаевич // Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. / гл. ред. П.А. Каблуков. М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС; СПб.: Филол. ф-т С.-Петербург. гос. ун-та, 2002. Т. 1. С. 514–515 (без подписи).

М. ГОРЬКИЙ И НЕМЕЦКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛИК»: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

© 2023 г. Е.Р. Матевосян

Статья подготовлена в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 21-18-00131 «А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве»).

Аннотация: В статье впервые рассматривается история взаимоотношений Горького с издательством «Малик», с акцентом на историю самого издательства. Впереди подробное исследование производственных отношений Горького с издательством «Малик». В статье уделяется внимание особенностям издания произведений Горького за рубежом в 20-х гг., но прежде всего обращено внимание на высокий рейтинг издательства, на блестящий круг авторов, объединившихся вокруг него, и важную роль, которое играл издательский дом «Малик» в истории немецкой литературы. Издательство «Малик», выросшее из журнала, возглавило левую литературу Веймарской республики, сыграло немаловажную роль в пропаганде авангардистского искусства, в том числе дадаизма, сумев сочетать в своей издательской политике революционную литературу Германии с изданием лучших представителей советской литературы, в числе которых были Максим Горький, Исаак Бабель, Владимир Маяковский, Михаил Шолохов и др. Взаимоотношения Горького с издательством «Малик» расширяют европейский культурный контекст его восприятия, дополнительно свидетельствуют о масштабе личности писателя.

Ключевые слова: Гросс Георг, дадаизм, журнал «Всякий человек — свой собственный футбол», журнал «Гегнер», журнал «Нойе югенд», журнал «Пляйте», Ладыжников И.П., Издательство «Аврора» (США), Издательство «Building», Издательство «Книга», Издательство Курта Вольфа (Мюнхен), Издательство Malik London, немецкая литература, советская литература,

Херцфельде Виланд, Херцфельде Гельмут (Джон Хартфилд), экспрессионизм.

Информация об авторе: Елена Рафаэловна Матевосян — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: e.startzeva@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5734-1189>

Для цитирования: Матевосян Е.Р. М. Горький и немецкое издательство «Малик»: к истории взаимоотношений // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 147–160. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-147-160>

M. GORKY AND THE GERMAN PUBLISHING HOUSE “MALIK”: TO THE HISTORY OF RELATIONSHIPS

© 2023. Elena R. Matevosyan

Acknowledgements: This article was prepared in A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences as part of the Russian Science Foundation grant (RSF, project № 21-18-00131, “A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space”).

Abstract: The article for the first time examines the history of Gorky’s relationship with the publishing house “Malik,” with an emphasis on the history of the publishing house itself. Ahead is a detailed study of Gorky’s industrial relations with the Malik publishing house. The article pays attention to the peculiarities of publishing Gorky’s works abroad in the 20s, but, first of all, attention is drawn to the high rating of the publishing house, the brilliant circle of authors united around him, and the important role played by the publishing house “Malik” in the history of German literature. The publishing house “Malik,” which grew out of the magazine, headed the left-wing literature of the Weimar Republic, played an important role in the promotion of avant-garde art, including Dadaism, having managed to combine in its publishing policy the revolutionary literature of Germany with the publication of the best representatives of Soviet literature,

including Maxim Gorky, Isaac Babel, Vladimir Mayakovsky, Mikhail Sholokhov et al. Gorky's relationship with the Malik publishing house expands the European cultural context of his perception. Additionally, they testify to the scale of the writer's personality.

Keywords: Gross Georg, dadaism, magazine "Every man is his own football," magazine "Gegner," magazine "Neue Jugend," magazine "Playte," Ladyzhnikov I.P., Publishing House "Aurora" (USA), Publishing House "Building," Publishing House "Book," "Kurt Wolf Publishing House" (Munich), "Malik London Publishing House," german literature, soviet literature, Herzfelde Wieland, Herzfelde Helmut (John Hartfield), expressionism.

Information about the author: Elena R. Matevosyan, PhD in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: e.startzeva@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5734-1189>

For citation: Matevosyan, E.R. "M. Gorky and the German Publishing House 'Malik': to the History of Relationships." *A.M. Gor'kii v Germanii: pisatel' i ego okruzhenie v sotsio-kul'turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 147–160. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-147-160>

Взаимоотношения Максима Горького с берлинским издательством «Малик» — это интересная страница биографии Горького и советско-немецких отношений в целом. Дело в том, что «Malik Verlag» — единственное немецкое издательство, которому, начиная с 1926 г., принадлежало исключительное право на издание произведений Горького в Германии на немецком языке.

До этого Горький, живя за границей, предпринял попытку издать свои сочинения на немецком языке. Первым, кто предложил писателю сделать это, был мюнхенский переводчик и издатель Курт Вольф, который с 1912 г. владел в Мюнхене издательством «Kurt Wolff Verlag A.-G.».

10 февраля 1922 г. Горький ответил на предложение Курта Вольфа так: «Сердечно благодарю Вас, Милостивый Государь, за присланные Вами книги, великолепно изданные. Ваше почтенное письмо с любезным предложением издать мои книги, я переслал в Берлин, Рубинштейну, которого просил ответить Вам немедленно. Лично я принимаю Ваше предложение с благодарностью»¹.

В этот же день Горький написал своему издателю и другу И.П. Ладыжникову: «Посылаю Вам письмо Курта Вольфа, я ответил уже ему, что ничего не имею против его предложения, но окончательно решает это дело Рубинштейн в Берлине»².

Вполне понятно, почему Горький написал Ивану Павловичу Ладыжникову. Ладыжников (1874–1945) долгие годы был издателем Горького. Познакомились они в 1901 г. в Нижнем Новгороде, и с тех пор их связывала общая деятельность и близкая дружба. Ладыжников управлял сначала партийным издательством «Демос» (1905), преобразованным затем в «Издательство И.П. Ладыжникова» (1906–1913). В обоих издательствах выходили произведения Горького, а также большевистская пропагандистская литература. Ладыжникову принадлежит заслуга выпуска полного собрания сочинений Горького на русском языке в берлинском филиале издательства «Международная книга», или «Книга», которое он фактически возглавлял с 1921 по 1931 г., являясь членом правления «Международной книги». Главный офис этого учреждения находился в Москве на Кузнецком мосту, а филиал — в Берлине. В 1920-е годы Ладыжников часто бывал в Москве по делам, а Борис Николаевич Рубинштейн, сотрудник «Издательства И.П. Ладыжникова», в это время практически замещал Ивана Павловича в Берлине.

Таким образом, согласовав вопрос со своим основным издателем, Горький опубликовал в 1923–1925 гг. 8-томное собрание сочинений на немецком языке в издательстве «Курта Вольфа» в Мюнхене, но это было один раз и без предоставления издательству широких прав.

¹ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 30.

² Там же. С. 30.

Сочинения Горького были изданы Куртом Вольфом в старых переводах Августа Карла Шольца (настоящие фамилия и имя — Томас Шефер), одного из первых переводчиков Горького на немецкий язык, что также косвенно свидетельствовало о эпизодическом характере союза писателя с издателем. Издательство «Малик» переводило Горького заново.

Издание Горького за рубежом при советской власти уже достаточно жёстко регламентировалось и вообще стало возможным лишь с осени 1922 г.

Дело в том, что, согласно заключенному 14 июля 1922 г. договору между Торгпредством РСФСР в Германии в лице Торгового Представителя Б.С. Стомонякова с одной стороны и А.М. Пешкова (М. Горького) с другой стороны сроком действия с 14.06.22 по 1.06.27 Горький не имел права «ни сам, ни через других лиц издавать свои сочинения на русском языке, как в России, так и за границей» и «в случае нарушения этого обстоятельства» должен был возмещать правительству «все возникающие от сего убытки»³. Позже, отвечая на запрос Л.Б. Красина от 16 сентября 1922 г. за № 6468 в адрес Торгового Представительства, Р.П. Аврамов, назначенный торгпредом, 26 сентября 1922 г. пояснял: «Для закрепления авторских прав на вновь переработанные сочинения М. Горького, а также для распространения за границей, Представительство издает 5000 экземпляров собрания сочинений и в том же количестве все новые произведения. Для закрепления права собственности на произведения за автором необходимо, чтобы они выходили за границей на месяц или два раньше»⁴. Полагаю, запрос Л.Б. Красина немало способствовал расширению издательских возможностей Горького за рубежом.

Именно поэтому сам факт продолжительных взаимоотношений Горького с издательством «Малик» представляет для нас большой интерес.

³ Архив Горького. КГ-изд 30-23-1. Договор между Торгпредством РСФСР в Германии и А.М. Пешковым (М. Горьким). См. параграф 15.

⁴ Архив Горького. КГ-изд 30-25-1. Р.П. Аврамов. Аэрограмма Красину Л.Б.

Об издательстве «Малик» до недавнего времени было, пожалуй, хорошо известно только специалистам по истории западной литературы, а также по искусству авангарда, экспрессионизму и творчеству Маяковского и Бабеля. Сведения о нем есть, в частности, в «Энциклопедии экспрессионизма» Лионеля Ришара и Василия Толмачева⁵.

Издательству принадлежали исключительные права на издание произведений Горького в Германии. Можно добавить: издательство «Малик» также имело право заключать договор на переводы произведений Горького на другие языки и издавать его произведения в других странах. Письма Горького в издательство «Малик» опубликованы. Часть из них не имеет обращения к конкретному лицу, но, скорее всего, писатель обращался по вопросам издательских договоров к Виланду Херцфельде. Например, был осуществлен перевод на чешский язык и изданы произведения Горького в Чехии: «На основании нашей переписки, так же, как и переговоры с моей представительницей, я уполномачиваю Вас заключить договоры, как в целом, так и в деталях, на издание моих сочинений на чешском языке, — писал Горький в издательство «Малик» Виланду Херцфельде 2 мая 1927 г. — Я поручаю Вам контролировать соблюдение заключенных Вами договоров, а также получать причитающиеся мне на основании этих договоров платежи»⁶. И действительно, в 1928–1929 гг. на чешский язык были переведены и изданы в издательстве «Melantrich» «Дело Артамоновых», «Заметки из дневника: Воспоминания», рассказы «Мой спутник», «Проходящий», «Товарищи», «Рассказ о безответной любви», — все с предисловием автора. Точно так же издательство «Малик» перевело на норвежский язык произведения Горького и опубликовало их в Норвегии.

⁵ Ришар Л. Энциклопедия экспрессионизма. Живопись и графика. Скульптура. Архитектура. Литература. Драматургия. Театр. Кино. Музыка. М.: Республика, 2003. 430 с.

⁶ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2014. Т. 16. С. 326.

Началом взаимоотношений Максима Горького с издательством «Малик» предположительно можно считать март 1925 г. Есть косвенное свидетельство о встрече Горького и Виланда Херцфельде, одного из основателей «Малика».

Чем же занималось издательство «Малик» до знакомства с ним Горького? «Малик» (нем. «Malik-Verlag») — это известный издательский дом, основанный в 1916 г. в Берлине братьями Виландом и Гельмутом Херцфельде (псевдоним последнего — Джон Хартфилд), при активном участии живописца, графика и карикатуриста Георга Гросса. Он просуществовал до 1947 г. и первоначально был ориентирован на политическое, интернациональное и авангардное искусство, т. е. на издание альбомов по искусству, а также — на пацифистскую и коммунистическую литературу.

Начиналось издательство с тонкого студенческого журнала «Нойе югенд», права на издание которого в 1916 г. за 200 марок приобрел один из братьев — Виланд Херцфельде. В первом же номере журнала была опубликована «Ода миру» Иоганесса Бехера, что явно демонстрировало направленность журнала.

Разумеется, братья Херцфельде хотели сразу организовать свое издательство, в котором можно было реализовать собственные эстетские проекты по пропаганде авангардистского искусства, но шла Первая мировая война и создание новой газеты, журнала или издательства было запрещено в Германии. Действовала военная цензура, и на это требовалось разрешение военных властей, которое практически нельзя было получить. Вот будущее издательство и спряталось под обложку журнала «Нойе югенд».

Однако через год Хельмут Херцфельде решил прибегнул к хитрости, чтобы получить правительственное разрешение на организацию издательства. Он написал начальнику цензуры в Потсдам, что ему необходимо издать роман «Малик», начатый учениками Эльзы Ласкер-Шулер, но пока не заверченный. Герой романа — Малик, по словам Херцфельде, был турецким принцем и, следовательно, союзником Германской империи в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Таким образом, публикация романа только поможет победному шествию Германии,

ибо укрепит союзнические отношения. Ко всеобщему удивлению группы энтузиастов, выдача лицензии на открытие издательства для публикации агитационной литературы произошла немедленно, и 1 марта 1917 г. издательство «Malik» было внесено в реестр зарегистрированных учреждений города Берлина.

А роман «Малик» Эльзы Ласкер-Шулер («Der Malik») на самом деле не имел никакого отношения к турецкому принцу и был посвящен Францу Марку (1880–1916) — художнику, представителю немецкого экспрессионизма, участнику объединения художников «Синий всадник» («Der Blaue Reiter»), куда он входил вместе с Василием Кандинским, Августом Маке, Алексеем фон Явленским, Марианной Верёвкиной, Габриэлем Мюнтером, Леонелем Фейнингером и Альбертом Блохом.

При своем основании издательство «Малик» получило моральную и финансовую поддержку от нескольких друзей и единомышленников, в том числе от графа Гарри Кесслера (1968–1937; дипломата, писателя и покровителя современного искусства), Франца Йозефа Юнга (1888–1963; писателя, экономиста и политического деятеля), Эльзы Ласкер-Шулер (1869–1945; поэтессы, писательницы, одной из представительниц немецкого экспрессионизма), Иоганнеса Бехера (прозаика и поэта, хорошо известного нам, а в будущем — министра культуры ГДР и лауреата Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» (1952)) и Вальтера Бенямина (1892–1940; немецкого философа, теоретика культуры, эстетика, литературного критика, эссеиста и переводчика, одного из самых влиятельных философов, занимавшихся философией культуры XX в.).

Основной круг авторов издательства «Малик» составляли революционные писатели из разных стран, а также революционные художники (прежде всего Георг Гросс и Дэвид Хартфилд, как мы помним — псевдоним Гельмута Херцфельде).

Время для развития культуры в Германии было непростое. После запрета в 1918 г. журнала «Нойе югенд» в издательстве

стали выходить другие революционные журналы «Гегнер» («Der Gegner» («Противник»), 1919–1922), «Пляйте» («Die Pleite» («Крах»), 1919–1924) и прочие.

Журналы представляли авангардистское искусство разных направлений, в том числе **экспрессионизм и дадаизм**, пропаганде которых был посвящен журнал «Всякий человек — свой собственный футбол» («Jedermann sein eigener Fußball», 1919).

В октябре 1920 г. вышел специальный номер журнала «Гегнер», посвященный Пролетарскому театру Эрвина Пискатора.

До 1933 г. издательство находилось в Берлине (с филиалом в Вене, что позволяло обходить немецкую цензуру). В Вене были опубликованы многие немецкие писатели (в том числе Йоганес Р. Бехер, Бертольд Брехт, Леонгард Франк, Оскар Мария Граф, Карл Август Виттфогель (социолог и синолог), Франц Йозеф Юнг, Франц Карл Вайскопф и другие немецкие и австрийские авторы. Публиковались в «Малик» американские писатели Эмpton Синклер и Джон Родриго Дос Пассос, а также французский писатель Анри Барбюс.

Особое внимание уделялось пропаганде советской литературы: Максим Горький (собрание сочинений), Исаак Бабель, Мариэтта Шагинян, Константин Федин, Илья Эренбург, Владимир Маяковский, Сергей Михайлович Третьяков — русский публицист, сценарист, драматург, поэт-футурист, и др. Советские писатели с теплом относились к издательству «Малик». Такой забавный факт: Илья Эренбург даже свою собаку назвал Малик.

За 31 год своего существования издательство «Малик» опубликовало 102 авторов, 262 произведения и выпустило в общей сложности 359 тиражей. Таким образом, оно, бесспорно, являлось одним из крупнейших «левых» издательств, когда-либо существовавших в Германии.

Каким же было издательство «Малик» в период своего сотрудничества с Горьким?

В начале двадцатых годов издательство постепенно превращалось из журнального издательства — в книжное. Ассортимент изданий был разнообразным и включал в себя, помимо

современного авангардного искусства, литературную и политическую эссеистику, а также научные трактаты, книги сказок и сатирические описания художника Георга Гросса.

В общей сложности в течение следующих нескольких лет было открыто шесть серий книг, в том числе *«Малая революционная библиотека»*, в 1920–1923 гг., 12 томов, и *Серия «Библиотека красных романов»* в 1920–1923 гг., 12 томов, и *Серия красных романов*, в 1920–1924 гг., 13 томов, охватывающих как отечественных, так и зарубежных авторов. Вскоре издательство стало ведущим издательским домом левой литературы в Веймарской Республике, но всегда боролось с постоянной нехваткой денег. Нехватку средств увеличивала инфляция тех лет. Издательство «Малик» не выжило бы без поддержки различных меценатов.

1924 г. стал годом титульного рекорда для издательства в том формате, в каком оно существовало. Но стратегия издательского дела и ситуация в Германии диктовала братьям Херцфельде необходимость перепрофилировать издательство и начать издавать больше советских писателей, отказавшись от немецких авторов. Издание художественных книг и альбомов также было прекращено. Херцфельде теперь уделял основное внимание художественной литературе и в значительной степени ограничивался произведениями беллетристики. Теперь такие авторы, как Максим Горький, Александр Гвидони (Диззи), Владимир Маяковский, Мариетта Шагинян и Эмилтон Синклер, формировали издательский портфель «Малика». Единственной новой серией тех лет была «Библиотека Малика», просуществовавшая с 1924 по 1926 г. и насчитывающая 20 томов.

Уход из «Малика» Джулиана Гумперца, немецкого социолога, коммунистического активиста, публициста и переводчика, бывшего издателя журнала «Гегнер», снова поставило издательский дом на грань финансового краха.

Эти стратегические и финансовые колебания, разумеется, сказывались на гонорарах Горького.

Однако в следующем году финансовое положение «Малика» улучшилось за счет его превращения в акционерное об-

щество. Эта положительная динамика продолжалась в течение следующих пяти лет, что не в последнюю очередь было связано с гибкой ценовой политикой Виланда Херцфельде. Тенденция издавать пользующихся спросом у немецкого читателя писателей из Советского Союза не изменилась до 1933 г. Одной из основных целей издательства было обеспечение широких слоев населения недорогими, но качественными книгами.

Для издательства «Малик» захват власти Гитлером в 1933 г. имел тяжелые последствия. Издательство находилось в открытой оппозиции к нацизму. Это сделало невозможной дальнейшую работу издательства в Германии, а также осложнило сотрудничество с Горьким.

С укреплением нацизма издание левых книг становилось все более трудным, и в 1933 г. «Малик» и его сотрудники, а также многие из его авторов были изгнаны из Германии. Виланду Херцфельде едва удалось ускользнуть от ареста гестапо, и он бежал в Прагу без вещей, сразу после пожара в Рейхстаге. Книги (40000 наименований), хранящиеся в Германии, были конфискованы и сожжены национал-социалистами вместе с другими произведениями мировой литературы. Другая часть была продана издателем за границу за твердую валюту. Когда он прибыл в Прагу, в его издательском портфеле было всего несколько публикаций Ильи Эренбурга, Теодора Плиевьера и Эмптона Синклера, однако уже в апреле Виланд Херцфельде снова приступил к работе. Его комната, в которой он жил со своей семьей, одновременно служила ему офисом, где он продолжал вести издательскую деятельность до 1939 г.

Теперь целью издательства «Малик» была борьба с «коричневой чумой» в Германии и публичное обличение замыслов национал-социалистов. С сентября 1933 по 1935 г. Виланд Херцфельде посвящал положению в Германии статьи в журналах, видя в этом единственный доступный теперь ему способ борьбы с нацизмом. Еще в 1934 г. издательство «Malik» было вычеркнуто из реестра учреждений города Берлина и теперь должно было продолжать свою деятельность по юри-

дическим причинам под названием «Издательство Malik London». В эмиграции Виланд Херцфельде в течение пяти лет сумел опубликовать произведения Ильи Эренбурга, Вилли Бределя, Оскара Марии Графа, Адама Шаррера и Михаила Шолохова. До того как он эмигрировал в Нью-Йорк в 1939 г., Виланд Херцфельде издал стихи Бертольда Брехта, написанные им во время датского изгнания и названные «Svedenborger Gedichte» («Стихи Свендборга»). Это был последний тираж обновленного издательства.

В отличие от своего брата Джона, который остался в Лондоне после совместного бегства, Виланд Херцфельде уехал в США. Здесь начался, возможно, один из самых тяжелых периодов его жизни. Прежде всего, он должен был как-то содержать свою семью, продавая открытки и работая верстальщиком в левой газете. Он постоянно жил в нужде и в этот раз не мог надеяться на щедрые кредиты друзей. В чужой стране он мог рассчитывать только на моральную поддержку старых знакомых, но продолжение издательской деятельности было невозможно из-за нехватки капитала.

После неудачной попытки создать немецкое издательство для эмигрантов Виланд Херцфельде в 1944 г. организует издательство «Аврора» вместе с Эрнстом Блохом, Бертольдом Брехтом, Фердинандом Брукнером, Альфредом Деблином, Львом Фейхтвангером, Оскаром Марией Графом, Генрихом Манном, Бертольдом Квартнером, Эрнстом Вальдингером и Францем Карлом Вайскопом и становится его директором. Херцфельде хотел привлечь внимание эмигрировавших писателей к событиям, происходившим в Германии, а также собирался публиковать переводы американских книг на немецкий язык, чтобы познакомить соотечественников с американской литературой. Издательский портфель он формировал сам, согласно вышеуказанным целям, и даже логотип издательства он разработал сам.

В 1945 г. вышли первые тома «Авроры». В них были опубликованы пьеса Бертольда Брехта «Страх и отчаяние в Третьей империи» («Furcht und Elend des III Reiches»), написанная им в 1934–1938 гг. в эмиграции в Дании, «Прогулка мертвых де-

вушек» («Der Ausflug der toten Mädchen», 1943–1944) и другие; рассказы Анны Зегерс, написанные в эмиграции в Мексике. Издательство успело выпустить одиннадцать произведений, и уже через два года Виланду Херцфельде пришлось объявить о завершении деятельности «Авроры», так как издательство имело очень большие долги. Писатель Оскар Мария Граф выразил удовлетворение по поводу мирного завершения деятельности Виланда Херцфельде в качестве издателя, сумевшего избежать судебного преследования, но искренне сожалел о завершении деятельности всемирно известного и легендарного издательства, оставившего значительный след в истории немецкой литературы.

В 1948 г. издательство «Building» приобрело права на произведения из портфеля «Авроры» и выпустило неизданные Виландом Херцфельде книги.

После того как Херцфельде погасил свой долг, он вернулся в Германию в 1949 г. и занял должность профессора в Лейпцигском университете. Он жил в Восточном Берлине до своей кончины в 1988 г.

Разумеется, еще впереди подробное исследование производственных отношений Горького с издательством «Малик»: они были достаточно сложными и касались качества переводов произведений Горького на немецкий язык, движения корректур, соблюдения сроков издания томов собрания сочинений и выплаты гонораров. Горький в редких случаях занимался этими вопросами лично. Всем процессом руководил секретарь Горького П.П. Крючков и в какой-то степени М.И. Будберг, которые держали его в курсе издательского процесса.

Впервые рассказывая о взаимоотношениях Горького с издательством «Малик», прежде всего хочется обратить внимание на высокий рейтинг этого издательства и на блестящий круг авторов, объединившихся вокруг него⁷.

⁷ В статье использованы следующие источники: *Herzfelde W. Zur Sache geschrieben und gesprochen zwischen 18 und 80. Berlin; Weimar, 1976; Herzfelde W. Der Malik-Verlag 1916–1947. Ausstellungskatalog. Berlin; Weimar. O.J.; Herzfelde W. John Heartfield. Leben und Werk dargestellt von seinem Bruder. Dresden, 1971; Der Malik-Verlag 1916–1947. Kiel, 1986;*

Многие из этих лиц войдут, пусть в дальний, но в круг горьковских корреспондентов, и некоторые, возможно, станут частью берлинского окружения писателя. Эти сведения расширяют европейский культурный контекст восприятия личности Горького, дополнительно свидетельствуют о масштабе его личности.

Список литературы

1. Архив Горького. КГ-изд. 30-25-1. Р.П. Аврамов. Аэрограмма Красину Л.Б.
2. Архив Горького. КГ-изд 30-23-1. Договор между Торгпредством РСФСР в Германии и А.М. Пешковым (М. Горьким).
3. Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 30.
4. Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2014. Т. 16. С. 326.
5. Гугнин А.А. Великий Октябрь и пути развития немецкой марксистской литературной критики в 1910–1930х годах // Октябрьская революция и новая концепция литературы. К истории марксистской литературной критики европейских социалистических стран. М.: Наука, 1989. С. 85–131.
6. Ришар Л. Энциклопедия экспрессионизма. Живопись и графика. Скульптура. Архитектура. Литература. Драматургия. Театр. Кино. Музыка. М.: Республика, 2003. 430 с.

Hermann F. Malik. Zur Geschichte eines Verlages 1916–1947. Düsseldorf, 1989; Гугнин А.А. Великий Октябрь и пути развития немецкой марксистской литературной критики в 1910–1930-х годах // Октябрьская революция и новая концепция литературы. К истории марксистской литературной критики европейских социалистических стран. М.: Наука, 1989. С. 85–131.

Глава 3

А.М. Горький и немецкая философия

ОСМЫСЛЕНИЕ М. ГОРЬКИМ НЕМЕЦКОГО ПЕРИОДА ИДЕИ «ЗАКАТА ЕВРОПЫ» О. ШПЕНГЛЕРА

© 2023 г. О.В. Шуган

Аннотация: В статье рассматривается дискуссия вокруг книги О. Шпенглера «Закат Европы», возникшая в 1920-е гг. в России и на Западе, и отношение к ней М. Горького. Горький воспринял идеи Шпенглера через призму извечного противостояния Востока и Запада, что заставило его задуматься о судьбе не только Европы, но и России и шире — всей цивилизации. Кризис в Германии и других странах, принимавших участие в Первой мировой войне, получившие популярность идеи евразийцев о Западе как о зле, наконец, растущий интерес к Востоку — все это заставляло Горького опасаться грядущей борьбы рас и кардинальной смены геополитической картины мира.

Ключевые слова: М. Горький, О. Шпенглер, «закат Европы», Восток — Запад, цивилизация.

Информация об авторе: Ольга Владимировна Шуган — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: olgashugan@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5885-2287>

Для цитирования: Шуган О.В. Осмысление М. Горьким немецкого периода идеи «Заката Европы» О. Шпенглера // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 163–172. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-163-172>

**M. GORKY'S PERCEPTION
OF THE IDEA OF "THE DECLINE OF EUROPE"
BY O. SPENGLER IN THE GERMAN PERIOD**

© 2023. Olga V. Shugan

Abstract: The article analyses the discussion about O. Spengler's book "The Decline of Europe," which arose in the 1920s in Russia and in the West, and M. Gorky's attitude towards it. Gorky perceived Spengler's ideas through the prism of the eternal confrontation between East and West, which made him think about the fate of not only Europe, but also Russia and, even more broadly, the entire civilization. The crisis in Germany and other countries which took part in the First World War, the popularity of the ideas of the "Eurasians" about the West as evil, and finally, the growing interest in the East, all this led Gorky's thoughts of coming struggle between races and radical changing in the geopolitical picture of the world.

Keywords: M. Gorky, O. Spengler, "Decline of Europe," East-West, civilization.

Information about the author: Olga V. Shugan, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: olgashugan@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5885-2287>

For citation: Shugan, O.V. "M. Gorky's Perception of the Idea of 'The Decline of Europe' by O. Spengler in the German Period." *A.M. Gorkii v Germanii: pisatel' i ego okruzhenie v sotsio-kul'turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 163–172. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-163-172>

Появление книги О. Шпенглера «Закат Европы» («Der Untergang des Abendlandes», 1 т., 1918; 2 т., 1922) стало наиболее полным и логичным завершением развития философских тенденций XIX в., касающихся судеб цивилизации и Европы. Под влиянием работ Ч. Дарвина («Происхождение видов») и

Ч. Спенсера («Социальный организм») общество начали рассматривать как биологический организм, социальные процессы стали воспринимать как часть единых эволюционных процессов, происходящих в природе. В своем исследовании Шпенглер оперировал понятиями «цивилизация» и «культура»: расцвет общества он связывал с культурой, которую создают индивидуумы, а «закат» — с цивилизацией, когда культура оказывается во власти толпы. Шпенглер рассматривал современное ему западноевропейское общество с точки зрения деградации высших духовных ценностей культуры.

В послереволюционной России книга Шпенглера вызвала острые политические споры, поскольку оказалась созвучной настроению интеллигенции¹. Одновременно с появлением в печати русского перевода 1-го тома книги Шпенглера вышел критический сборник о ней под редакцией Н.А. Бердяева, который назывался «Освальд Шпенглер и закат Европы». В него были включены статьи Н.А. Бердяева, Я.М. Букшпана, Ф.А. Степуна, С.Л. Франка и др. «Закат Европы» оценивался ими как значительное явление в истории философской мысли. «Такие книги, как книга Шпенглера, не могут не волновать нас, — писал Н. Бердяев. — Такие книги нам ближе, чем европейским людям»². Установившаяся после Октябрьской революции 1917 г. диктатура пролетариата и сопутствующие ей террор, голод и гражданская война служили доказательством печальных пророчеств немецкого философа. Гибель Европы отождествлялась частью общества с воплощением идеи мировой революции, которая была прочно связана в умах людей с наступлением эры безбожия, материализма и нигилизма. Книга под редакцией Бердяева вызвала негодование В.И. Ленина, который увидел в ней контрреволюцию. 5 марта 1922 г. Ленин отправил ее заместителю председателя ВЧК И.С. Уншлихту с запиской,

¹ Михайлов А. Россия в глазах О. Шпенглера и немецкий философ в глазах советской критики // Булгаковские чтения. Сборник научных статей по материалам VI Всероссийской научной конференции с международным участием / под общ. ред. Л.И. Пахарь. Орел: Картуш, 2012. С. 115–129.

² Бердяев Н. Освальд Шпенглер и закат Европы. М.: Берг, 1922. С. 72.

в которой охарактеризовал книгу как «литературный заслон для белогвардейской организации»³. Считается, что появление этого сборника послужило главной причиной высылки опальных философов за границу летом 1922 г.

Совершенно в другом ключе трактовал книгу немецкого философа А. Деборин в предисловии к первому тому книги Шпенглера «Закат Европы» (Образ и действительность)⁴. В статье «Гибель Европы или торжество империализма?» Деборин в соответствии с марксистской теорией связывал конец Европы с последней стадией капитализма — империализмом. Он сожалел о том, что в Европе до сих пор видят в пролетариате «варвара», который пришел разрушить культуру, в то время как рабочий класс является спасителем цивилизации.

Книга, породившая столь острые споры, разумеется, попала в поле зрения М. Горького. Писатель познакомился с ней за границей, куда осенью 1921 г. отправился на лечение по настоятельному требованию В.И. Ленина. Книга вызвала противоречивые чувства писателя. В советском литературоведении была принята точка зрения, что Горький отнесся к идеям Шпенглера отрицательно. Это мнение было обусловлено критическим отношением к Шпенглеру в СССР. Но факты говорят о другом. Уже одно то, что Горький весной 1922 г. планировал привлечь Шпенглера вместе с другими западными мыслителями к созданию журнала «Путник» («Putnik»), доказывает, что он высоко его ценил.

В Европе, переживавшей последствия Первой мировой войны, жизнь была очень беспокойная. Франция и Бельгия оккупировали Рурскую область, ходили слухи об отделении Баварии, цены в Германии по сравнению с 1914 г. астрономически выросли. Горький в 1922 г. жил в Берлине, потом еще долго ездил по Германии в поисках тихого и уютного уголка (Шварцвальд, Герингсдорф, Сааров, Фрейбург), лечился в санаториях, пока в конце ноября 1923 г. не перебрался в Чехо-

³ Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М.: Политиздат, 1975. С. 557.

⁴ Шпенглер О. Закат Европы. М.; Пг.: Изд. Л.Д. Френкель, 1923. Т. 1: Образ и действительность / пер. Н.Ф. Гарелина. 467 с.

словакию, а оттуда в Италию. Тема жалобы на европейскую жизнь, смешанная с горькой иронией, пронизывает письма Горького начала 1920-х гг., в них рефреном звучит тема агонии Европы. «Наше время подобно эпохе Римской империи в III–IV веках — в воздухе носится запах разложения», — писал Горький Роллану 5 июня 1922 года⁵. 10 сентября того же года он поделился своими мыслями с К. Фединым: «За границей — скверно, ибо она медленно, но неуклонно изгибается. <...> Все здесь наго, все бесстыдно и жалостно обнажено»⁶. В одном из писем М.М. Пришвину Горький как будто согласился с немецким философом, но тут же возразил ему: «“Закат Европы” — на мой взгляд — факт неустранимый, хотя, конечно, закатывается она не по Шпенглеру и не по Ольденбургу. Устали здесь люди, живут — не серьезно, а так как-то — без главного»⁷.

Размышляя о настроениях Горького той поры, Л.А. Спиридонова писала: «... Живя в Германии, писатель видит, как “разваливается” и мельчает Европа, отказываясь от идеи социализма, как забота о приобретении материальных благ становится главной целью бюргера, мечтающего о сильной власти»⁸.

В личной библиотеке Горького сохранилась книга философа, содержащая пометы писателя⁹. Изучив их, А.В. Евдокимов пришел к выводу, что Горький «не столько читал “Закат Европы”, сколько вел сложный внутренний диалог с ее автором»¹⁰. Горьковские маргиналии свидетельствуют о том, что писатель пытался определить истоки философии Шпенглера. Он упоми-

⁵ Архив А.М. Горького. М.: Наследие, 1995. Т. 15: М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936). С. 37.

⁶ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 84.

⁷ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2012. Т. 15. С. 119.

⁸ Спиридонова Л.А. Настоящий Горький: мифы и реальность. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 71.

⁹ Личная библиотека А.М. Горького в Москве. Описание: в 2-х кн. М.: Наука, 1981. Кн. 1. С. 206.

¹⁰ Евдокимов А. Судьбы цивилизации в мировоззрении и творчестве М. Горького // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 265. (Серия «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 9)

нал философа Г. Лебона, Ф. Ницше, историка Н.Я. Данилевского. Французский философ и социолог Лебон, автор книги «Психология народов и масс», еще до Шпенглера писал о том, что человек в толпе теряет свою индивидуальность, и связывал общий упадок культуры с наступающей «эрой масс». Горький считал, что морфологический принцип работы Шпенглера созвучен натуралистической социологии Данилевского, полагавшего, что ход развития культурно-исторических типов происходит по законам развития животного и растительного организма.

Н.Н. Примочкина обратила внимание на черты сходства и различия в понимании культуры у Горького и Шпенглера. Она писала, что «мысли Горького «в чем-то даже перекликались с некоторыми положениями книги Шпенглера». При этом исследователь указывала на принципиальные отличия между концепциями Горького и Шпенглера. Симпатии Шпенглера были обращены назад, в патриархальное прошлое, к тому же Шпенглер враждебно относился к народным массам. «Концепция Горького имела более демократичный и социально направленный характер, — сделала вывод Н.Н. Примочкина. — В отличие от Шпенглера, он возлагал свои надежды на активность пролетариата и революционность народных масс, полагая, что именно они определяют развитие исторического процесса и дальнейшие судьбы культуры»¹¹.

Своего рода продолжением диалога со Шпенглером можно считать письма писателя начала 1920-х гг., в которых звучат отголоски идей немецкого философа. «Когда говорят о “закате Европы”, я думаю, что ее люди имеют все данные для нового Ренессанса, который вовлечет в свой вихрь и людей Востока», — признавался Горький издателю из Мюнхена¹².

Упоминание «людей Востока» не случайно. Книга Шпенглера глубоко взволновала Горького еще и потому, что он увидел

¹¹ Примочкина Н.Н. Проблема культуры и цивилизации в интерпретации М. Горького (1920-е гг.) // М. Горький и мировая культура. Горьковские чтения — 2018. Мировое значение М. Горького (к 150-летию со дня рождения). 27–30 марта 2018 г. ИМЛИ РАН, Россия. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 36.

¹² Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2012. Т. 15. С. 213.

в ней продолжение давнего спора западников и славянофилов. В Европе, переживающей последствия мировой войны, приобретали популярность ориентальные идеи, Восток воспринимался европейцами как «остров» покоя и гармонии на фоне всеобщего безумия. Горький видел, как много в Германии выходило книг о Востоке, его религии, быте, экономике, особенно много издавалось литературы о восточном искусстве. В письме художнице В.М. Ходасевич осенью 1922 г. Горький сообщал, что немцы «очень много внимания уделяют Востоку, особенно Индии, йогизму, теософии и прочему в этом духе»¹³.

У Горького было свое понимание антиномии «Восток-Запад». Восприняв учение «панмонголизма» В. Соловьева еще в начале XX в., Горький не избежал страха перед «желтой опасностью». Впечатление о Востоке как острове покоя было обманчиво: страны Востока потрясали социальные катаклизмы. Видя, как черный и желтый континенты поднимают голову, избавляясь от многовекового колониального рабства, Горький испытывал противоречивые чувства. Синьхайская революция в Китае в 1911–1912 гг., революционные события в Египте, революция в Иране 1905 г., младотурецкая революция 1908–1909 гг., с одной стороны, внушали писателю оптимизм, а с другой — заставляли задумываться о будущем цивилизации. В письме «Интернациональной Лиге» писателей еще в 1912 г. он выразил свое глубинное отношение к геополитическим сдвигам начала XX в.: «Развивается общеевропейская гражданская война, а рядом с нею мы наблюдаем быстрый рост другого грозного явления: европейский капитализм, понуждая цивилизацию к обратному движению на Восток, разбудил к жизни многомиллионные массы азиатских народов, это грозит отпором Европе со стороны Азии, которую она хочет поглотить и ограбить — это грозит длительной и кровавой борьбой рас на почве многообразных противоречий экономического, религиозного и бытового характера»¹⁴. Будущее представлялось Горь-

¹³ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13. С. 261.

¹⁴ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2003. Т. 10. С. 43.

кому как неизбежная борьба рас, он опасался, что ослабленная войной Европа может уступить в этой борьбе.

Многие понимали, что необходим синтез двух культур, который бы предотвратил столкновение Востока и Запада. Об этом же размышлял приемный сын Горького Зиновий Пешков. Он говорил Горькому в конце 1921 г., что «во Франции интерес к Востоку все растет <...> и что очень многие начинают говорить о гибели европейской культуры, за которой — возможно — последует и политический ее распад под давлением враждебного Востока, и что — поэтому — необходимо немедленно начать искание синтеза двух культур»¹⁵.

Своеобразной попыткой синтеза стала идея евразийства, которая возникла в начале 1920-х гг. среди русской интеллектуальной элиты, оказавшейся в эмиграции. Евразийство продолжало линию славянофильства, его сторонники рассуждали о необходимости обретения национальной идеи, об особом пути России. Евразийство как движение просуществовало до конца 1930-х гг., однако его идеи оказались очень жизнеспособными и продолжают оставаться популярными сегодня. Отсчет истории движения начинается с выхода книги Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (1920). Слово «Евразия» в применении к России прозвучало впервые в сборнике «Исход к Востоку», опубликованном в Софии в 1921 г. В предисловии к сборнику Трубецкой писал: «Русские люди и люди народов “Российского мира” не суть ни европейцы, ни азиаты. Сливаясь с родной и окружающей нас стихией культуры и жизни, мы не стыдимся признать себя — евразийцами»¹⁶.

К движению примыкали эмигранты первой волны П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский¹⁷.

¹⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13. С. 270.

¹⁶ Трубецкой Н.С. Предисловие // Исход к Востоку: Утверждение евразийцев. Предчувствия и свершения. Статьи Петра Савицкого, П. Сувчинского, кн. Н.С. Трубецкого и Георгия Флоровского. София: Рос.-болг. книгоизд-во, 1921. С. VII.

¹⁷ Основными работами стали статьи профессора Софийского университета Трубецкого «Европа и человечество», «Об истинном и ложном национализме», «Верхи и низы русской культуры», П.Н. Савиц-

Трубецкой высказывал в статьях идею о том, что европеизация неевропейских народов приводит к печальным последствиям: к разобщению нации, замедлению роста своей национальной культуры. «Постепенно народ приучается презирать все свое, самобытное, национальное... Такой народ всегда будет отставать от цивилизованных наций, лишится со временем своей экономической и политической независимости и превратится в “этнографический материал”»¹⁸. По мнению Горького, сказанному в письме Е.П. Пешковой, Трубецкой «обозвал» всех русских евразийцами, а Европу «предал черной анафеме»¹⁹. Горький не разделял евразийских идей, он считал их призывом на Восток, в Азию и в туранские степи.

Кризис в Германии и других странах, принимавших участие в мировой войне, идеи евразийцев о Западе как о зле, наконец, растущий интерес к Востоку — все это удручающе действовало на Горького. Именно поэтому он, прочитав в начале 1920-х гг. книгу Шпенглера и труды евразийцев, еще более энергично принялся защищать Европу. «Кое-кому из русских кажется, что Европа теряет свою творческую силу, — писал Горький Ф. Элленсу, — эти люди называют себя “евразийцами”, утверждая, что Россия — гибрид, от смешения Европы и Азии»²⁰. Наперекор «евразийцам» Горький в письме к Роллану утверждал: «Никогда еще воспитательная, организующая дух роль Европы не была так значительна в мире, как сейчас»²¹.

Страхом за будущее цивилизации вызвано его убеждение, высказанное в письме тому же корреспонденту: «Романо-германская культура не погибнет, как не погибала бесследно ни

кого «Поворот к Востоку», «Миграция культуры», П.П. Сувчинского «Сила слабых», «Эпоха веры», Г.В. Флоровского «Разрывы связи», «Хитрость разума».

¹⁸ Трубецкой Н.С. Европа и Человечество. София: Росс-болг. кн. изд-во, 1920. С. 67.

¹⁹ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13. С. 277.

²⁰ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 110.

²¹ Архив А.М. Горького. М.: Наследие, 1995. Т. 15: М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936). С. 68.

одна из культур древнего мира»²². Однако многолетний собеседник Горького Роллан придерживался другого мнения. Для французского писателя было очевидно, что европейский мир обречен, если не сумеет «открыть перед грядущими поколениями более широкие горизонты». Будущее европейской культуры он связывал исключительно с Востоком, «источником могучего обновления человеческой цивилизации»²³.

История повторяется. Сегодня, как и 100 лет назад, обострились противоречия между Востоком и Западом, уходят метафорические «философские пароходы», а Россия отделилась от Запада и повернулась в сторону Востока, ища там экономических партнеров и стратегических союзников. Поэтому данная тема продолжает оставаться актуальной, и ее злободневность все возрастает.

Список литературы

1. Евдокимов А. Судьбы цивилизации в мировоззрении и творчестве М. Горького // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 263–279. (Серия «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 9)
2. Михайлов А. Россия в глазах О. Шпенглера и немецкий философ в глазах советской критики // Булгаковские чтения. Сборник научных статей по материалам VI Всероссийской научной конференции с международным участием / под общ. ред. Л.И. Пахарь. Орел: Картуш, 2012. С. 115–129.
3. Примочкина Н.Н. Проблема культуры и цивилизации в интерпретации М. Горького (1920-е гг.) // Максим Горький и мировая культура: сборник научных статей / под ред. Л.А. Спиридоновой. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 32–40.
4. Спиридонова Л.А. Настоящий Горький: мифы и реальность. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 439 с.

²² Там же. С. 26.

НЕМЕЦКИЕ ФИЛОСОФЫ В ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ А.М. ГОРЬКОГО (МУЗЕЙ А.М. ГОРЬКОГО ИМЛИ РАН)

© 2023 г. С.М. Демкина

Аннотация: статья посвящена одному из важнейших разделов Личной библиотеки М. Горького. Книжное собрание, хранящееся в мемориальном доме писателя на Малой Никитской (филиал Музея А.М. Горького ИМЛИ РАН), является ценным источником знаний о жизни и творчестве писателя, истоках его философских и эстетических воззрений. В разделе «История философии» собраны тома представителей разных школ, отражающих развитие философской мысли от античности до XX века. С особым вниманием изучал Горький труды немецких мыслителей. Сочинения А. Шопенгауэра, Л. Фейербаха, Р. Рихтера, Ф. Ницше и др. сохранили свидетельства заинтересованного диалога: Горький спорил, восхищался, не соглашался. На страницах этих книг остались многочисленные горьковские маргиналии: подчеркивания, знаки вопроса и восклицания, галочки, номера страниц и др.

Ключевые слова: Горький, музей, библиотека, маргиналия, немецкие философы.

Информация об авторе: Светлана Михайловна Демкина — кандидат филологических наук, заведующая Музеем А.М. Горького, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: demkinasvetlana@ya.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2699-0455>

Для цитирования: Демкина С.М. Немецкие философы в личной библиотеке А.М. Горького (Музей А.М. Горького ИМЛИ РАН) // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 173–186. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-173-186>

GERMAN PHILOSOPHERS
IN THE PERSONAL LIBRARY OF A.M. GORKY
(MUSEUM OF A.M. GORKY IWL RAS)

© 2023. Svetlana M. Demkina

Abstract: The article is devoted to one of the most important parts of the Personal Library of M. Gorky. The book collection, kept in the memorial house of the writer on Malaya Nikitskaya (a branch of the Museum of A.M. Gorky, IWL RAS), is a valuable source of knowledge about the life and work of the writer, the origins of his philosophical and aesthetic views. The section of the book storage “History of Philosophy” contains volumes of representatives of various philosophical schools reflecting the history of the development of philosophical thought from antiquity to the 20th century. Gorky studied the works of German philosophers with particular attention. The writings of A. Schopenhauer, L. Feuerbach, R. Richter, F. Nietzsche and others preserved evidence of an interested dialogue: Gorky argued, admired, disagreed. Numerous Gorky’s marks remained on the pages of these books: underlines, question marks and exclamations, ticks, page numbers, etc.

Keywords: Gorky, museum, library, book, marginalia, German philosophers.

Information about the author: Svetlana M. Demkina, PhD in Philology, Director of the Museum of A.M. Gorky, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: demkinasvetlana@ya.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2699-0455>

For citation: Demkina, S.M. “German Philosophers in the Personal Library of A.M. Gorky (Museum of A.M. Gorky IWL RAS).” *A.M. Gor’kii v Germanii: pisatel’ i ego okruzhenie v sotsio-kul’turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 173–186. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-173-186>

Личная библиотека М. Горького — многотомный экспонат московского музея писателя. В доме на Малой Никитской Горький прожил последние пять лет (1931–1936). Сохранившаяся

книжная коллекция — последняя итоговая библиотека писателя; он собирал ее всю жизнь. Сохранились также горьковская структура и распределение книг по разделам, важнейшим из которых можно назвать раздел «История философии». Шкаф номер один, открывающий горьковскую библиотеку, насчитывает двести пятьдесят книг, шестьдесят пять из которых с пометами. Подбор произведений свидетельствует о серьезности интереса Горького к философии, увлеченность которой возникла в ранней юности. Погружаясь в вопросы философии, Алексей Пешков надеялся найти ответы на множество мучивших его вопросов. Интересовало будущего писателя все: предназначение человека, смысл жизни, взаимоотношение личности и окружающего мира. Он целеустремленно собирал книги, отразившие развитие философской мысли от античности до первой трети XX в.

Переживая из-за отсутствия систематического образования, Горький с упорством самоучки стремился проштудировать основные постулаты современной и классической философской мысли, соединив, по возможности, почерпнутые из жизни и книг впечатления. Много лет спустя в письме к президенту Академии наук А.П. Карпинскому он писал: «<...> Насколько мне позволял это мой не дисциплинированный школой разум и моя не очень спокойная жизнь, — я усердно, по мере сил, следил за фантастически быстрым ростом научных гипотез и теорий, за сменой их <...>»¹.

Мировоззрение Горького формировалось в течение многих лет. За погружением в философское наследие Аристотеля, Платона, Г. Гегеля, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и др. последовало увлечение народничеством. После позитивистских теорий Г. Спенсера, Дж. Локка, О. Конта пришли идеалистические идеи формирования нового человека внутри капиталистического общества. Изучение социал-демократических доктрин К. Каутского и А. Бебеля, Г. Плеханова и В. Ленина не сделали Горького марксистом-ортодоксом. В годы Первой мировой войны Горький увлечен новейшими теориями философии, со-

¹ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во худож. лит., 1955. Т. 30. С. 40.

циологии и психологии, предлагаемыми Э. Махом, З. Фрейдом, В. Оствальдом и П. Флоренским. После революции 1917 г. Горький читает труды классиков марксизма-ленинизма. Впоследствии имена этих философов встречаются в произведениях писателя, его переписке и публицистических статьях.

Интересом к философии Горький обязан своему другу, студенту-химику Николаю Захаровичу Васильеву. Они были ровесниками, знали друг друга с детства. Особенно близкими отношения стали в 1890 г., когда Горький увлекся идеями Ницше. Васильев многому научил товарища, став своего рода посредником между ним и Ницше. Алексею Пешкову повезло, наставником он оказался замечательным. «В очерке “О вреде философии” изображен мой друг и учитель Н.З. Васильев — человек, который ничего не внушал мне и только рассказывал и не стремился сделать меня похожим на него»², — с благодарностью вспоминал Горький. В 1893 г. он пытался опубликовать сделанный другом перевод знаменитой книги Ницше «Так говорил Заратустра». Васильев работал над ним зимой 1889–1890 гг. В это время в России только начинали появляться упоминания о ницшеанстве. Идеи Ницше переводчик назвал «красивым цинизмом». Два перевода книги Ницше «Так говорил Заратустра»: сокращенный (Ницше Ф. Так говорил Заратустра: 9 отрывков / В пер. С.Н. Нани. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Перед загл. авт.: Фридрих Нитцше. Доп. тит. л. и текст также на нем. яз.) и полный (Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого / Пер. с нем. Ю.М. Антоновского. СПб.: Прометей, 1911) появились в горьковской библиотеке одними из первых.

Рецепция Ницше — несомненная всеобщность в литературном процессе порубежной эпохи. Она помогла оформиться одной из ключевых идей — утверждению самоценной личности. Ницше для попавших под обаяние ницшеанства больше чем мыслитель; он — художник, творец, автор поэмы «Так говорил

² Горький М. Беседы о ремесле // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во худож. лит., 1953. Т. 25. С. 321.

Заратустра». «Русская дооктябрьская критика (Н. Михайловский, М. Неведомский, Е. Соловьев-Андреевич, В. Короленко и др.) широко обсуждала вопрос о ницшеанстве молодого Горького, находя в его творчестве выразительные параллели с идеями базельского философа»³, — отмечала Л. Колобаева в статье «Горький и Ницше».

Горьковские типажи воплощали мечту автора о новом герое, Человеке с большой буквы, несмотря на то, что самые яркие образы — Данко, Сокол, Марко, Буревестник — скорее символические персонажи. Герои раннего Горького сильны, горды и не похожи на обычных людей. Они не бродяги и авантюристы, а дерзкие бунтари, презирующие мещанскую мораль. В этом, безусловно, слышны отголоски философии Шопенгауэра и Ницше.

Многочисленные карандашные маргиналии на книге А. Лихтенберже «Философия Ницше» (1901) говорят о том, что прочитана она в начале 1900-х гг., а вложенная записка с упоминанием сборника «Вехи» (М., 1909) свидетельствует о повторном обращении к ней Горького. К числу последних приобретений для библиотеки относятся: Н. Авксентьев. Сверхчеловек. Культурно-этический идеал Ницше (1906) и «Антихрист» Ницше, выписанные через «Международную книгу» в 1935 г. (каталог с маргиналиями Горького, хранится в Архиве А.М. Горького). В «Антихристе» (Ницше Ф. Антихрист / Пер. Н.Н. Полилова. СПб.: Прометей, 1907. Перед загл. авт.: Фр. Нитче. Пометы Горького) интересна горьковская маргиналия на стр. 111 — надпись красным карандашом: «Как это скучно и плохо».

Важно отметить возвращение Горького к личности Ницше в период работы над эпопеей «Жизнь Клима Самгина». В это время Ницше для Горького — идеолог, питающий чуждые ему политические силы. В «Беседах о ремесле» (1930) он с горечью называет философию Ницше «любимым духовным кормом фашизма»⁴.

³ Колобаева Л. Горький и Ницше // Вопросы литературы. 1990. № 10. С. 162.

⁴ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во худож. лит., 1953. Т. 25.

По свидетельству В.А. Десницкого, первой серьезной книгой, купленной Алексеем Пешковым, была диссертация Шопенгауэра «О четверном корне закона достаточного основания» (Шопенгауэр А. О четверном корне закона достаточного основания: Философское рассуждение Артура Шопенгауэра. Слитогр. табл. фигур / С 4-го изд. Ю. Фрауенштедта, пер. А. Фета. М.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1886). На ее страницах много ученических помет простым карандашом.

В «Моих университетах» рассказывается, как в конце 80-х годов Алексей Пешков увидел в казанской книжной лавке книгу с таинственным названием «Афоризмы и максимы» Шопенгауэра. Горький вспоминает: «<...> Я воспылил желанием прочесть ее и попросил студента духовной академии дать мне эту книгу. <...>

— Это, брат, ерунда. Ты читай, что дают, а в область, тебе не подобающую, не лезь!

Грубый тон учителя очень задел меня. Книгу я, конечно, купил, заработав часть денег на пристанях, а часть заняв у Андрея Деренкова. Это была первая серьезная книга, купленная мною, она до сей поры сохранилась у меня»⁵.

Конечно, сберечь книгу, скитаясь по Руси, Горький не смог. В 1895 г. в Самаре он купил следующее издание «Афоризмов и максим», и именно эта книга (Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы / Пер. Ф.В. Черниговца. Т. 1–3. СПб.: изд. А.С. Суворина, 1892–1895) с маргиналиями писателя бережно хранилась в библиотеке в течение сорока лет. На каждом томе подпись: «А. Пешков. Самара. 1895». Маргиналии, сделанные во второй половине 90-х годов, говорят не только о критическом отношении к этим сочинениям, но и завидной для самоучки широте познаний.

Серьезное знакомство с историей философии позволило Горькому увидеть в сочинениях Шопенгауэра влияние Востока. Рядом со словами «Все людские поступки протекают или из жестокости и злобы, или из эгоизма, или из

С. 320.

⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1973. Т. 16. 1973. С. 33–34.

сострадания; истинную нравственную ценность имеют только поступки, исходящие из последнего источника, и чем меньше человек полагает различия между своей особою и ближними, тем он лучше», Горький пишет на полях: «Буддизм»⁶. А на полях книги Г. Ольденбурга «Будда, его жизнь, учение и община» (М., 1900) сохранилась горьковская надпись «Шопенгауэр» около отчеркнутых строк: «Мир — майя, мир — призрак»⁷. В главе «О бесполезности самоубийства» Горький обращает внимание на утверждение Шопенгауэра: «Ибо сущность отрицания заключается в том, чтобы избегать не страданий, а наслаждений жизни». Он подчеркивает эти строки, далее отчеркивает и ставит NB рядом со словами «Самоубийца именно потому и перестает жить, что не может перестать хотеть, и воля как раз потому подтверждает себя здесь уничтожением своего явления, что иначе подтвердить себя не может».

Согласиться с Шопенгауэром, который говорит о необходимости отказа от желаний, ибо они бессмысленны, Горький не может. Прочитав в первой главе первого тома о том, что «наше счастье зависит оттого, что такое мы сами»⁸, Горький в следующей главе отчеркивает — «прежде всего мы должны стараться поддерживать в себе высокую степень совершенного здоровья, полным расцветом которого является веселость»⁹. Далее подчеркнуто: «<...> отсюда следует, что величайшая из всех глупостей — это жертвовать своим здоровьем, для чего бы ни приносилась такая жертва <...> скорее наоборот следует всем жертвовать ради здоровья»¹⁰. На что автор афоризма «Человек — это звучит гордо» оставляет на полях свой приговор: «И в результате получится свинья»¹¹. Постулаты Шопенгауэра

⁶ Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы / пер. Ф.В. Черниговца. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1892. Т. 2. С. 9.

⁷ Ольденбург Г. «Будда, его жизнь, учение и община». М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1890. С. VI.

⁸ Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы / пер. Ф.В. Черниговца. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1892. Т. 1. С. 9.

⁹ Там же. С. 21.

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ Там же.

вызывают несогласие Горького. К примеру, подчеркнув карандашом замечание, что в «Царстве умственности нет страданий», Горький восклицает: «Есть!»¹².

В мемориальной библиотеке находится книга Каутского «Этика и материалистическое понимание истории: (Опыт исследования)» (пер. с нем. — Одесса: Изд-во Г.К. Кипера, 1906) с дарственной надписью *Seinen lieben Freunden Maria und Alexeij Maximitsch. März 1906. K. Kautskij* и горьковскими пометами. Дата автографа связана с временем знакомства Горького и Каутского — март 1906 года, о чем свидетельствует хранящаяся в музее фотография «К. Каутский. 1906, февр., вторая пол. ... март, 7. Лейпциг. Фотография Пинкау и Гелер на фирменном паспорту» с автографом: *Seinem lieben Gorki. K. Kautskij. Merz 1906* (Моему любимому Горькому. К. Каутский. Март 1906). Имя Каутского у «позднего» Горького встречается довольно часто, но эти упоминания носят резко пренебрежительный оттенок. «Лет двадцать пять назад старик Каутский написал статью о русском и американском рабочем, где он подметил, что русский рабочий — идеалист. Да, у него идеализм особого типа, который не свойственен рабочему Запада — социальный идеализм»¹³, — сказал он, выступая с речью 27 июля 1928 г. на торжественном заседании пленума Бакинского совета. По Горькому, не только сам философ дряхл, устарели его идеи. «Карл Каутский весьма способный старичок, но он уже слишком дряхл...»¹⁴; «<...> жалкий старичок Каутский, человек, который когда-то был одним из видных учителей пролетариата Европы»¹⁵ — повторяет он в 30-е годы.

Тогда же в известной статье «С кем вы, «мастера культуры»?» (1932) Горький жестко критикует Шпенглера: «...немец Шпенглер <...> заговорил о том, что европейцы совершили в XIX крупнейшую ошибку, передав свои знания, свой технический опыт “цветным расам”»¹⁶. Здесь же Шпенглер назван «утеши-

¹² Там же. С. 43.

¹³ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 391–392.

¹⁴ Там же. М., 1953. Т. 27. С. 206.

¹⁵ Там же. М., 1953. Т. 26. С. 133.

¹⁶ Там же. С. 248.

телем буржуазии»¹⁷, чьи идеи «отражают настроение тысяч мешчан»¹⁸. Для Горького здесь, как и всегда, мешчанство — синоним чуждой ему системы ценностей.

Если Шпенглер считал, что капитализм никак не влияет на «Закат Европы», который неизбежен волею судьбы, то Горький видел причину гибели западной цивилизации в буржуазном строе. В письме Пришвину 1 февраля 1925 г. Горький замечает: «“Закат Европы” — на мой взгляд — факт неустрашимый. Хотя, конечно, закатывается она не по Шпенглеру и не по Ольденбургу. Устали здесь люди, живут — не серьезно, а так как-то — без главного»¹⁹.

Множество горьковских маргиналий на первом томе «Заката Европы» подтверждают как интерес писателя к будущему европейской цивилизации, так и его категорическое несогласие с автором. Книга, которую Горький читал с красным карандашом в руках, сохранилась в его библиотеке. Она вышла в 1923 г. в московско-петроградском издательстве Л.Д. Френкеля с предисловием А. Деборина. И свой спор с Шпенглером Горький начинает в диалоге с Дебориным, замечая на полях: «А Ле Бон? А Ницше?» против его мнения «<...> никто из здравомыслящих людей не отнесся бы серьезно к пророчествам Шпенглера»²⁰.

Французский философ-социолог Ле Бона разделял исторический пессимизм Шпенглера, и Горький был не согласен с обоими. На одной из страниц он подчеркивает строки о России: «Воплощенная в личности Петра Великого, она на целое столетие подменила историческую тенденцию примитивной народной массы, в противовес чему русский инстинкт с враждебностью, олицетворенной в Толстом, Аксакове и Достоевском, очень правильно отграничивает «матушку-Россию» от

¹⁷ Там же. С. 249.

¹⁸ Там же. С. 251

¹⁹ Горький М. Полн. собр. соч.: Письма: в 24 т. М.: Наука, 2012. Т. 15. С. 119.

²⁰ Шпенглер О. Закат Европы. / предисл. проф. А. Деборина; пер. Н.Ф. Гарелина. М.; Пг.: Изд. Л.Д. Френкель, 1923. Т. 1: Образ и действительность. С. XI.

«Европы»». Горький отвечает: «Толстой — не при чем, но весьма характерно для автора, что он умолчал о Данилевском, как везде умалчивает о Ле Бон'е»²¹.

Критикуя историческую методологию, Шпенглер пишет: «В отдельных явлениях отыскивают связь, причины и следствия и это называют: заниматься историческим исследованием»²². Горький тут же замечает: «А Ранке. "Метод" и "ст<атьи>?"»²³.

Упомянутый немецкий историк Леопольд фон Ранке был сторонником отказа от старой методологии. Его монография (Ранке Л. История Сербии по сербским источникам / Пер. с нем. Петра Бартенева: тип. Грачева и К°, 1876.) хранится в библиотеке писателя, который, изучая ее, обращает внимание на утверждение автора: «Настоящая история вероисповеданий вместе с изложением догматов, иерархических учреждений, должна показывать и то политическое влияние, которое они производили на разные народы!»²⁴ Шпенглер считал, что историография отделена от широкого круга общечеловеческого знания, хотя все научные течения связаны по определению. Отметив утверждение Шпенглера: «Но я еще не встречал никого, кто бы серьезно занимался изучением этих проявлений морфологического сродства», — Горький тут же вспоминает двух историков, такого рода подобию изучавших: «Мориц Каррьер — в истории искусства, Уэволль — в ист. науке»²⁵.

В третьем томе имеющейся в библиотеке книги Каррье-ра М. «Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества» Горький коротко заметил «Прометей?» на полях возле высказывания автора: «Локи, полуариман, полумефистофель, является на пиру богов и богинь, как нечистая совесть, укоряющая их в разных грехах и слабостях»²⁶.

21 Там же. С. 15.

22 Там же. С. 5.

23 Там же.

24 Ранке Л. История Сербии по сербским источникам / пер. с нем. Петра Бартенева. М.: Тип. Грачева и К°, 1876. С. 37.

25 Шпенглер О. С. 5.

26 Каррьер М. Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества / пер. Е. Корша. М.: Изд. КТ. Солдатенкова, 1874. Т. 3: Средние века. С. 333.

Непреходящий интерес Горького к судьбам цивилизации понятен. Чуковский так объяснял его: «Да и как Горькому не быть псалмопевцем цивилизации, если она далась ему ценою незабываемых мук и трудов!»²⁷. Читая книгу «Закат Европы», Горький пишет «Да!» рядом с утверждением автора: «Связывать со своею личностью некоторую заключительную ступень является, очевидно, потребностью западно-европейского мироощущения»²⁸. Исследование маргиналий, оставленных Горьким, позволяет предположить, что он прочитал ее лишь до 47 страницы. Далее маргиналий нет, последняя сделана напротив строк «Скептицизм есть выражение чистой цивилизации...». Горький написал «А Пиррон»²⁹, имея в виду древнегреческого ученого, философа-скептика Пиррона Элидского.

В 1920-е гг. Горький постоянно обращался к идеям Шпенглера, споря с ним. В том числе он атаковал Шпенглера за пренебрежительное отношение к античности. «А Геродот и др?» пишет он на полях, прочитав строки: «Но античная культура не обладала памятью в этом специфическом значении, не имела никакого исторического органа»³⁰.

Горьковские маргиналии на страницах философских сочинений многочисленны и многообразны. Мы встречаем подчеркивания и отчеркивания, восклицательные и вопросительные знаки, короткие реплики, знаки, галочки, скобки и т. п. За этими маргиналиями — диалог читателя и автора, читателя неравнодушного: спорящего, принимающего и отвергающего безупречно сформулированные постулаты и пошаговую логику их доказательств.

Маргиналии Горького сохранились на трудах немецких авторов, среди которых *Фрейд З.* (Психопатология обыденной жизни / Разрешенный авт. пер. со 2-го нем. изд. В. Медема. [М.]: Совр. проблемы, 1910.); *Ф. Энгельс* («Анти-Дюринг». М., Л., 1931; Современная немецкая мысль: Сб. ст. / пер. с нем., под ред. В. Коссовского. Дрезден: Восток, 1921.); *Рихтер Р.* (Скептицизм

²⁷ Чуковский К. Собр. соч.: в 15 т. М.: Агентство ФТМ, 2012. Т. 8. С. 211.

²⁸ Шпенглер О. С. 18.

²⁹ Там же. С. 47.

³⁰ Там же. С. 7.

в философии. Т. I / пер. с нем. В. Базарова и Б. Столпнера. СПб.: Шиповник, 1910); *Мах Э.* (Анализ ощущений и отношение физического к психическому / разрешенный автор, пер. с рукописи 5-го доп. нем. изд. Г. Котляра; с предисл. авт. к рус. пер. и с вступ. статьей А. Богданова. [М.]: изд. С. Скирмунта, [1907]); *Ланге Н.И.* (Теория В. Вундта о начале мифа: критические заметки. Одесса: славян. тип. Е. Хрисоголос, 1912.); *Навиль Э.* (Логика гипотезы / пер. И.П. Панаева. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1882.).

У Навиля Горький обратил внимание и выделил красным карандашом следующую мысль: «Установление рациональнейших отношений к самому себе, к другим людям, к природе и к Богу — есть в сущности, цель науки»³¹. На титульном листе книги Фридриха Энгельса «Анти-Дюринга» цифра 265, написанная Горьким. На этой странице автор говорит о государстве как орудии господства одного класса над другим, а Горький очерчивает слова: «Пролетариат овладевает государственною властью и превращает средства производства сперва в государственную собственность. Но тем самым он прекращает свое существование как пролетариат, уничтожает различие классов и их антагонизм, а также само государство, как государство»³².

В сочинении Лихтенберже, посвященном философии Ницше, Горький подчеркнул заинтересовавшее его рассуждение: «Отсюда ясно, чему обязаны своим происхождением фикции и иллюзии христианства: они выросли на почве ненависти — к действительности; они возникли в среде вырождающейся породы людей, в жизни которых сумма страданий превышала сумму радостей, в среде породы людей — усталых, больных, склонных к пессимизму, к отрицанию жизни, жаждущих возврата к небытию»³³.

³¹ *Навиль Э.* Логика гипотезы / пер. И.П. Панаева. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. С. VI.

³² *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг: Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом. М.; Л.: Госиздат, 1931. С. 265.

³³ *Лихтенберже А.* Философия Ницше / пер. с фр. под ред. и со вступ. ст. М. Неведомского. С портр. Ф. Ницше. СПб.: Изд. О.И. Поповой, 1901. С. 145.

В сборнике «Современная немецкая мысль» Горького привлекла статья Поля Эрнеста «Машинное сердце». На страницах раздела «Дурман труда» находятся две из трех горьковских маргиналий. Им подчеркнуто: «У нас нет ныне никаких целей, ибо средства стали целью. <...> Людям <...> нужен дурман труда»³⁴ и «<...> труд рассматривается как проклятие»³⁵. Третья помета — галочка возле утверждения Генриха Манна, автора главы «Вольтер-Гете»: «В Германии всякий выдающийся человек повторяет бездейтельную, неизвестную народу жизнь Гете»³⁶.

В начале статьи «О пьесах» (1933) Горький, столкнув двух великих немцев: «<...> за сто лет до наших дней Гете сказал: “В деянии начало бытия”» и «<...> исходя отсюда Карл Маркс сказал: “Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его”»³⁷, — видимо, остался на позиции последнего.

Список литературы

1. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1996–2004.
2. Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1968–1976.
3. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во худож. лит. 1949–1955.
4. Каррьер М. Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества / пер. Е. Корша. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1874. Т. 3: Средние века. 672 с.
5. Колобаева Л. Горький и Ницше // Вопросы литературы. 1990. № 10. С. 162.
6. Лихтенберже А. Философия Ницше / пер. с фр., под ред. и со вступ. ст. М. Неведомского. С портр. Ф. Ницше. СПб.: Изд. О.И. Поповой, 1901. 242 с.
7. Навиль Э. Логика гипотезы / пер. И.П. Панаева. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 343 с.

³⁴ Современная немецкая мысль: сб. ст. / пер. с нем., под ред. В. Косовского. Дрезден: Восток, 1921. С. 55.

³⁵ Там же. С. 56.

³⁶ Там же. С. 3.

³⁷ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М., 1953. Т. 26. С. 409.

8. *Ольденбург Г.* «Будда, его жизнь, учение и община». М.: Изд. КТ. Солдатенкова., 1890. 308 с.
9. *Ранке Л.* История Сербии по сербским источникам / пер. с нем. Петра Бартенева. М.: Тип. Грачева и К°, 1876. 252 с.
10. Современная немецкая мысль: Сб. статей. / пер. с нем., под ред. В. Коссовского. Дрезден: Восток, 1921. 203 с.
11. *Чуковский К.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Агенство ФТМ, 2012. Т. 8. 664 с.
12. *Шопенгауэр А.* Афоризмы и максимы / пер. Ф.В. Черниговца. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1892. Т. 1. 491 с.
13. *Шопенгауэр А.* Афоризмы и максимы / пер. Ф.В. Черниговца. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1892. Т. 2. 425 с.
14. *Шпенглер О.* Закат Европы / с предисл. проф. А. Деборина; пер. Н.Ф. Гарелина. М.; Пг.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1923. Т. 1: Образ и действительность. 467 с.
15. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг: Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом. М.; Л.: Госиздат, 1931. 539 с.

ЭСТЕТИКА ПРОЗЫ
НЕМЕЦКОГО ПЕРИОДА А.М. ГОРЬКОГО:
«ПОЛЕМИКА» С ИММАНУИЛОМ КАНТОМ
В «РАССКАЗЕ ОБ ОДНОМ РОМАНЕ»
(1924)

© 2023 г. М.М. Ожигова

Статья подготовлена в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 21-18-00131 «А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве»).

Аннотация: В статье анализируется творческий аспект влияния философии Иммануила Канта на творчество А.М. Горького, в частности немецкого периода. Наследие Горького воспринимается через призму влияния И. Канта, что открывает точки соприкосновения и моменты антагонизма, отраженные не только в личной оценке Горького по отношению к Канту, но и в художественных произведениях Горького. Частным случаем этого влияния оказывается текст «Рассказ об одном романе», который автором анализируется более подробно. Именно в этом тексте, написанном в берлинский период творчества Горького и опубликованном в журнале «Беседа», во многом проявилось несогласие Горького с некоторыми положениями философии Канта, касающимися природы творчества и эстетических суждений. Неприятие некоторых аспектов философии Иммануила Канта связано не только с мировоззренческими расхождениями, с различием в понимании мира и человека и, соответственно, с разницей во взглядах на то, как человек должен развиваться в социуме. Это «отторжение» связано еще и с чисто теоретико-литературными понятиями, включающими творческую установку писателя, особенности его прозы и другие.

Ключевые слова: Горький, эстетика, природа творчества, Кант, гениальность, журнал «Беседа», берлинский период жизни и творчества Горького.

Информация об авторе: Мария Михайловна Ожигова — аспирант филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия; младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: ozhigova13.m@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9631-0446>

Для цитирования: Ожигова М.М. Эстетика прозы немецкого периода А.М. Горького: «полемика» с Иммануилом Кантом в «Рассказе об одном романе» (1924) // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 187–202. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-187-202>

**AESTHETICS OF PROSE
OF THE GERMAN PERIOD BY A.M. GORKY:
“THE DISCUSSION” WITH IMMANUEL KANT
IN “THE STORY ABOUT A NOVEL” (1924)**

© 2023. Maria M. Ozhigova

Acknowledgements: This article was prepared in A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences as part of the Russian Science Foundation grant (RSF, project № 21-18-00131, “A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space”).

Abstract: The article contains the analysis of the influence of Immanuel Kant's philosophy on the work of A.M. Gorky. The author deals with the aesthetic aspect of the influence of Kant's philosophy on Maxim Gorky's prose, in particular in the German period of Gorky's work. Gorky's heritage is perceived in the light of Immanuel Kant's influence. A special case of this influence is the text “A Story about a novel”. This text is analyzed in more detail. Gorky's disagreement with some of the statements of Kant's philosophy (concerning the nature of creativity and aesthetic views) was largely revealed in this text. The rejection of some aspects of Immanuel Kant's philosophy related to the

understanding of creativity is caused not only by ideological differences, such as the difference in understanding the world and man, but also with different attitudes to aesthetics and the nature of creativity. The Gorky's "rejection" of Kant's philosophy is also connected with theoretical and literary concepts, including the creative strategy of the writer, the features and nature of his prose, as well as fundamental discrepancy in the understanding of artistic creativity.

Keywords: Gorky, aesthetics, nature of creativity, Immanuel Kant, genius, the magazine "Conversation," the Berlin period of Gorky's life and work.

Information about the author: Maria M. Ozhigova, Postgraduate student at the Theory of Literature Department, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, st. Leninskiye Gory, 1, Moscow, Russia; Junior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: ozhigova13.m@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9631-0446>

For citation: Ozhigova, M.M. "Aesthetics of Prose of the German Period by A.M. Gorky: 'the Discussion' with Immanuel Kant in 'The Story about a Novel' (1924)." *A.M. Gor'kii v Germanii: pisatel' i ego okruzhenie v sotsio-kul'turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 187–202. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-187-202>

Для больших писателей характерно включение философии в творчество, часто в их произведениях можно обнаружить объемные философские концепции, иногда образующие собственное мировоззрение писателя, а иногда отсылающие к взглядам конкретных философов или даже целых философских школ. Философии чужда эстетизация, она стремится в конкретных терминах описать сложнейшие вопросы мироздания, приблизить их к человеческому пониманию. Она выражается своим метаязыком, который должен быть отвлеченным и объективным. Литература говорит образами, и они не должны ничего постулировать или навязывать. Однако при всех различиях философия и литература (в большом ее

объеме) рассматривают вечные понятия и проблемы. И здесь мы можем говорить уже о соотношении философии и чистой эстетики в творчестве того или иного писателя.

В прозе Горького данное соотношение приобретает довольно своеобразную форму. С одной стороны, Горький не стремится к эстетизации явлений, которые описывает, по сути, он показывает все без прикрас, используя минимум средств поэтики. С другой стороны, его тексты написаны живым языком, в них много бытовых реалий, часто герои списаны с натуры, автобиографичны. При этом ни герои, ни автор прямо не касаются философских тем, а если и делают это, то довольно редко. Тем не менее имплицитно в произведениях Горького затрагиваются многие философские вопросы. Возможно, это и не всегда очевидно из-за тенденции к реалистичному изображению, однако на страницах его рассказов, повестей и романов присутствуют и прямые упоминания имен различных философов, что явно вводит проблематику произведений в иной более глубокий контекст.

Если внимательно рассматривать корпус художественных текстов Максима Горького, то можно заметить, что наряду с именами таких философов, как Фридрих Ницше, Артур Шопенгауэр, в его произведениях встречается упоминание Иммануила Канта. В этом нет ничего удивительного, ведь Максим Горький очень рано начал заниматься самообразованием, можно обнаружить, что еще в 1894 г., находясь в Нижнем Новгороде, он писал О.Ю. Каменской: «Нет ли Канта, Шопенгауэра, Платона...»¹. Философская проблематика, как мы уже говорили выше, присутствует в текстах Максима Горького в своеобразном сочетании с бытовым материалом его прозы. Однако сами контексты, в которых упоминается философ, являются неоднозначными. Наряду с нейтральными часто встречаются либо иронические подтексты, либо ярко пренебрежительные, причем направленные именно на саму фигуру Канта. Иногда эти контексты ситуативны и

¹ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1997. Т. 1: Письма (апрель 1888 — июль 1899 г.). С. 65.

связаны только с героями («Вечер у Шамова»), но есть и примеры, транслирующие и авторскую позицию, как например, повесть «Мужик» или «Рассказ об одном романе». Для того чтобы разобраться, откуда возникают такие неоднозначные контексты и как же их следует толковать, прежде всего нужно обратиться к переписке Максима Горького.

Большинство писем, в которых упоминается имя Иммануила Канта или дается оценка его философскому наследию, имеет неодобрительную коннотацию. При этом Горький, конечно же, не критикует всю философскую систему Канта (более того, находясь в Германии, сокрушенно пишет Ходасевичу и Р. Роллану о том, что из советских библиотек изымают книги многих философов, в том числе и Канта), однако многие из кантовских положений вызывают у писателя явное несогласие.

При этом, несмотря на наличие и критических оценок, надо оценить объективность Горького, в частности, по отношению к Канту. С одной стороны, во взглядах на эстетику и человека писатель во многом расходился с философом, что мы подробнее рассмотрим далее. С другой стороны, Горький отдавал должное величию кантовской мысли. Это можно увидеть в том, что Горький довольно резко относился к спекулятивному толкованию философии И. Канта. Так, неодобрительно отозвался Горький о докладе философа Владимира Эрна «От Канта к Круппу». В 1914 г. на заседании Религиозно-философского общества В. Эрн произнес речь под названием «От Канта к Круппу», посвященную вопросу о путях развития немецкой нации. Доклад Эрна является спекулятивным в том смысле, что В. Эрн связывает войну и развитие немецкой промышленности с философией Иммануила Канта. По Эрну, «...внутренняя транскрипция германского духа в философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же самого германского духа в орудиях Круппа»². Отметая кантовские рассуждения об априорном и апостериорном знании, концепцию «нравственного

² Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 107.

императива» и другие важнейшие положения философии Канта, Эрн фактически сводит все работы немецкого философа к идее, что Кант, став «палачом старого и живого Бога...»³, привел немецкую нацию «...к великой мечте о земном владычестве и о захвате всех царств земных в немецкие руки»⁴. И в этом смысле нация, по Эрну, прошла путь от Канта к промышленнику и главному спонсору войн XIX в. Альфреду Круппу. Спекулятивность доклада очевидна, ведь роль промышленников в усилении Германии понятна, однако само развитие промышленности и его экономическая связь с военными действиями никак не вытекает из философии Канта. Более того, здесь возникает прямое противоречие, ведь, как известно, одной из характеристик будущего приближенного к идеалу устройства мира, по Канту, является как раз отсутствие войн. Конечно же, эта необъективность и использование фигуры Канта для создания иллюзии оригинальности мысли не могли не возмутить Горького. Так, в одной из своих статей он охарактеризует «...мысль Эрна как афоризм, который может понравиться лишь улице»⁵.

Следует отметить, Горького интересует не метафизическая сторона (которая у Канта и без того имеет редуцированный вид, в связи с наличием категории чистого практического разума и понятий трансцендентного и трансцендентального), а стороны, затрагивающие проблему человека, его индивидуальности, познания и морали. Здесь важно пояснить, что очевидно, философия Канта воспринималась Горьким целостно, он не делил ее на докритический и период «Критик», а скорее давал оценку только отдельным положениям, из-за чего порой возникали некоторые противоречия трактовок. Тем не менее влияние кантовской философии на становление мировоззрения и характер писателя неоспорим. Таким образом, отношение к Канту у Горького имеет два измерения: социальное, связанное с человеком

³ Там же. С. 109.

⁴ Там же. С. 109.

⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2004. Т. 11. С. 381.

и отраженное в переписке и косвенно статьях, и художественное, в котором это отношение перенесено в прозу, и при этом сам характер прозы «идеологически контрастен» некоторым положениям кантовской философии.

В 1908 г., находясь на Капри, в одном из писем А.А. Богданову Горький пишет: «...Если “китаец из Кенигсберга” был человеком, который завершил философское обоснование индивидуализма и тем окончательно отрезал человека от мира — Вам суждено историей положить первые камни фундамента философии будущего, той философии, коя не только миропонимание, но именно — ощущение связи с миром, той философии, которая должна возвратить человека на его место — в центр процесса жизни, должна гармонизировать его — изменить физически»⁶. Конечно, сразу обращает на себя внимание пренебрежительная характеристика, данная Иммануилу Канту. Горький обвиняет философа в том, что он отделил человека от мира, отодвинул его на периферию жизни. При этом важно подчеркнуть, что это не эмоциональный отклик, а твердая позиция писателя, так как через двадцать лет уже в письме М.М. Пришвину Горький пишет: «Канта — не люблю, и это именно он помещает человека вне “земли и неба”, а я — геоцентрист, антропоцентрист и антропоморфист»⁷ (1927). На первый взгляд может показаться, что Горький «незаслуженно» обвиняет Канта в отделении человека от мира, ведь то, что сам философ оценивал в своей работе как «коперниканский переворот», и было сдвигом внимания с общих метафизических понятий и попыток познания мира на человека, его процессы познания и мышления: «...Опыт сам есть вид познания, требующий [участия] рассудка, правила которого я должен предполагать в себе еще до того, как мне даны предметы, стало быть, а priori; эти правила должны быть выражены в априорных понятиях, с которыми, стало быть, все предметы опыта должны необходимо со-

⁶ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2000. Т. 6. С. 264.

⁷ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2013. Т. 16. С. 250.

образоваться и согласовываться. Что же касается предметов, которые мыслятся только разумом... но которые... вовсе не могут быть даны в опыте, то попытки мыслить их (ведь должны же они быть мыслимы) дадут нам затем превосходный критерий того, что мы считаем измененным методом мышления, а именно что мы а priori познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими»⁸. Однако взгляд Горького и на искусство, и на науку, и на философию был неразрывно связан с социальными процессами. Иначе говоря, для него был важен не сам кантовский переворот в мышлении, а то, что эта позиция может дать для социального развития человека. И в этом смысле, в понимании Горького, человек Канта действительно оставался отделенным от природы, наедине с чистым разумом, оперируя категориями которого, он имеет лишь надежду познать хотя бы малую часть мироздания. В этом плане показателен пример с отношением к Исааку Ньютону, фигура которого упоминается и в работах Канта, и в письмах Горького. Для писателя Ньютон является одним из величайших представителей человеческого рода, олицетворением потенциала, который есть в каждом человеке: «Над гробницей Ньютона написано: “Да поздравят себя смертные, что существовало такое и столь великое украшение рода человеческого”. <...> Но еще больше нравится мне так: “Да поздравит себя Вселенная, что существует такое и столь великое украшение ее, каков есть человек”. ...Вокруг нас нет ничего удивительнее и непостижимей нас самих»⁹. С позиций же кантовских, Ньютон действительно является великим умом, однако его способность не является абсолютной, дающей возможность постигнуть все процессы мироздания: «...Всему тому, что Ньютон изложил в своем бессмертном труде о началах философии природы, — сколь ни велик должен был быть ум, способный открыть подобное, — все-таки можно научиться; но невозможно научиться вдохновенно создавать поэтические произведения, как бы подробны ни

⁸ Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 3. С. 24.

⁹ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2013. Т. 16. С. 250.

были предписания стихосложения и как бы превосходны ни были образцы. Причина заключается в том, что Ньютон мог сделать совершенно наглядными и предназначенными для того, чтобы следовать им, все свои шаги от первых начал геометрии до своих великих и глубоких открытий — и не только самому себе, но и любому другому; между тем ни Гомер ни Виланд не могут сказать, как возникают и сочетаются в их сознании полные фантазии и вместе с тем глубокие идеи, потому что они сами этого не знают, а следовательно, и не могут научить этому другого»¹⁰. При этом Кант не умаляет заслуги и талант Ньютона, но говоря о природе гениальности, он затрагивает тему невозможности абсолютного познания человеком природы и мира. Даже самый талантливый ученый с помощью априорных форм своего сознания может лишь частично приоткрыть тайны природы, но, по Канту, эта возможность зависит от меры таланта: «...В науке величайший первооткрыватель отличается от старательного подражателя и ученика лишь степенью; от того же, кого природа наградила даром создавать прекрасные произведения искусства, он отличается по своей специфике»¹¹. При этом человек все равно, оказываясь познающим субъектом, определяющим объективность познания, пасует перед конечной непознаваемостью мира, что расценивается Горьким как отделение, отграничение от мира. В то же время для Горького человек, и тем более гениальный ученый, является главной ценностью, неразрывно связан с миром и потому имманентно несет в себе не только возможность его познания, но и сам влияет на становление этого мира: «Очень крепко чувствую мою землю во Вселенной как центр ее и человека на ней как самое главное и сущее чудо земли»¹² (1927). Во многом это расхождение во взгляде на человека и возможности его познания повлияли и на понимание Горьким эстетики и творческого процесса.

¹⁰ Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 5. С. 150.

¹¹ Там же. С. 150.

¹² Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2013. Т. 16. С. 250.

Как мы видели выше, Кант проводит интересную параллель, сравнивая талант в области науки и искусства, показывая, что наука проигрывает искусству в способности постижения действительности и что искусство в отличие от науки обладает специфической непостижимостью, которую и сам художник не в состоянии объяснить. Для Горького же искусство в какой-то степени сближено с наукой, ведь в процессе творчества художник познает жизнь через опыт: «Жизнь, оплодотворяя его опытом, — не церемонится, не щадит его души, но ведь только это ее безжалостное своекорыстие и насыщает художника волей к творчеству»¹³. Находясь в Гюнтерстале, Горький в письме к Г. Гейлорду пишет: «Но — я человек глубоко верующий в спасительность культуры, а в основе ее лежит научное творчество»¹⁴. Во многом эта позиция писателя связана с подходом к творчеству как к процессу познания жизни через опыт, через наблюдение за жизнью, а не метафизические прозрения. При этом, по Горькому, творческий процесс связан с трудностями и преодолением, с необходимостью, возможно, даже тяжелого труда: «Процесс осваивания художником действительности — тяжелый процесс...»¹⁵. Эти взгляды совершенно противоположны позициям философии Канта, в которой предпочтение отдается творчеству, а не науке. По Канту, способность к творчеству зависит от гения — «способности души, посредством которой природа дает человеку правила» и которую составляют воображение и рассудок. «Гений» дается человеку природой и «... заключается... в счастливом сочетании, которое нельзя обрести в науке или достигнуть прилежанием»¹⁶. При этом Кант говорит о понятии «духа»: «Дух в эстетическом смысле — это оживляющий принцип в душе»¹⁷, который «...есть

¹³ Там же. С. 172.

¹⁴ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 260.

¹⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2013. Т. 16. С. 172.

¹⁶ Кант И. Собр. соч.: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 5. С. 158.

¹⁷ Там же. С. 155.

не что иное, как способность изображения эстетических идей ...»¹⁸. К эстетическим идеям же относятся представления воображения, которому в кантовской философии отводится очень важная роль, так как оно является не просто функцией мозга, а «продуктивной способностью познания»¹⁹. Воображение, в понимании Канта, «...очень могущественно в создании как бы другой природы из материала, который ей дает действительная природа. Мы предаемся ему, когда опыт представляется нам слишком будничным, переделываем опыт, правда, по все еще аналогичным законам; однако и по принципам, находящимся выше, в разуме...»²⁰. Иначе говоря, для творческого процесса оказывается недостаточно опыта, и тогда на помощь приходит воображение, которое, в свою очередь, является частью «духа» и, соответственно, «гения». Природа дает материал для творчества, но человеку еще необходимо переработать его «в нечто совершенно другое, а именно в то, что превосходит природу»²¹. Кант называет эту способность духа «...схватывать быстро исчезающую игру воображения и придавать ей единство в понятии...»²² талантом, который, в свою очередь, является возможностью гения «...выразить неизреченное в состоянии души в известном представлении и сделать его всеобще сообщаемым...»²³. Здесь очевидно, что Горький и Кант сходны в понимании творчества как одного из способов познания мира, однако в остальном положения кантовской философии в целом не были близки Горькому, что подтверждает автобиографизм его прозы, стремление показать жизнь через личный опыт взаимодействия. Конечно, проза Горького не целиком автобиографична, однако ее построение связано не с выражением неких неизреченных идей, а с выражением тех смыслов, которые лежат в основе человеческой жизни.

¹⁸ Там же. С. 155.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 158.

²³ Там же.

ни, во многом связаны с раскрытием красоты жизни в ее естестве. Отчасти искусство Горького становится дидактическим, так как часто его тексты наталкивают на размышления о человеческой жизни, показывают эстетику в простых вещах, в бытовой стороне человеческого существования. Писатель не «ловит» трудно схватываемое, неизреченное в душе, а наблюдает красоту жизни, стремясь показать ее со всех сторон, не приукрашивая и, возможно, сознательно останавливая игру воображения. Для Канта творческий процесс понимается как нечто данное от природы, легкое, игра, которая не растрчивает человека и способна давать ему энергию, «...которая сама себя поддерживает и сама укрепляет необходимые для этого силы»²⁴. По Горькому же, творческий процесс постижения художником действительности требует большого труда и напряжения. Во многом неприятие именно взглядов Канта на эстетику нашло отражение в произведении «Рассказ об одном романе». Над этим текстом Горький работал с конца 1922 по сентябрь 1923 г., а впервые рассказ был напечатан в берлинском журнале «Беседа» в 1924 г. Рассказ имеет довольно своеобразный сюжет: скучающая женщина вечером, проводив гостей, видит в саду на скамейке странного мужчину, смотрящего на нее. Она подходит к нему и с удивлением узнает, что этого мужчину зовут Павел Волков и что он главный герой книги ее давнего поклонника — писателя Фомина. Конечно же, героиня принимает это признание за розыгрыш, а мужчину за шутника или сумасшедшего, но затем, разговорившись с «персонажем» и даже пригласив его в дом, решает, что это все же галлюцинация. Во многом этот текст Горького можно назвать прямой полемикой со взглядами Канта на эстетику и природу творчества. Во-первых, имя Канта упоминается в рассказе с явной иронией, что является намеком на общую идейную полемику с философом: «Она села к столу, поправила отстегнувшийся чулок и долго сидела, играя ножницами для ногтей. Потом стала полировать ногти замшей, — лучше все-

²⁴ Там же. С. 155.

го думается, когда полируешь ногти. Очень жаль, что Иммануил Кант не знал этого»²⁵. Здесь Горький использует сознательный прием снижения, помещая имя Иммануила Канта в бытовой «контекст будуара». Во-вторых, из разговора с Павлом Волковым, неоконченным персонажем романа, выясняется, что Фомин попросту забыл о нем и сам персонаж уже считает, что его создатель сошел с ума: «...Этот Фомин — сумасшедший! Посмотрели бы вы, как он ведет себя, оставаясь наедине сам с собою! Он наполняет комнату созданиями воображения своего и, окруженный тесной толпой призраков, таких же безумных, как сам он, не знает, что ему делать с ними»²⁶. Здесь очевидна ирония над кантовскими описаниями процесса творчества с помощью духа, рассудка и воображения. Горький иронизирует над пониманием творчества как процесса работы воображения и рассудка, с неиссякаемым запасом самовосстанавливающейся энергии, так как для творчества, в его понимании, необходимо внимательное изучение жизни, ее понимание, а не одна только работа воображения, которая часто может породить образы совершенно не связанные с реальностью. При этом эта оторванность от жизни подчеркивается указанием на то, что внезапно появившийся персонаж не имеет тени и не отражается в зеркале: «...Я ведь — как игральная карта, как портрет...»²⁷. По словам «ожившего» Волкова, Фомин «...и все подобные ему люди искусства невероятно путают и осложняют жизнь, наполняя ее своими выдумками...»²⁸. Более того, художники, руководствующиеся принципами, изложенными Кантом, сравниваются с умалишенными: «...Фомин — это небольшой дом умалишенных или, если хотите, дорога, по которой непрерывно бродят различные образы, текут разнообразными, взаимно отрицающие одна другую мысли. Например: лично я не могу думать, что Природа не знает, чего хочет, и, умея создавать всё, создает бесчисленное ко-

²⁵ Горький М. Полн. собр. соч.: в 25 т. М.: Наука, 1973. Т. 17. С. 362.

²⁶ Там же. С. 353.

²⁷ Там же. С. 352.

²⁸ Там же. С. 353.

личество уродливого, лишнего...»²⁹. Таким образом, ставится под сомнение сама «схема» Канта, согласно которой природа вкладывает в человека способность, выраженную в духе, которая с помощью воображения и рассудка помогает передавать на языке искусства невыразимое. В то же время фигура художника, гения, наделенного исключительной способностью, которая, по Канту, превосходит даже таланты ученых, у Горького воплощается в фигуре непутевого творца, не знающего, что делать со своим персонажем, громогласного в воображении бесчисленные образы, далекие от эстетического идеала и даже неспособные окончательно оформиться во что-либо законченное. При этом важно подчеркнуть, что Горькому была не совсем чужда метафизика, однако сложные подробные описания процесса творчества, предложенные Кантом, совершенно не могли соответствовать стремлению Горького к изображению простой жизни людей (крестьян, рабочих и даже купцов) во всей ее полноте. Выдуманный персонаж Фомина говорит: «Как невероятно скучны, глупы и расплывчаты реальные люди...»³⁰. Здесь в скрытом виде можно заметить возражение на кантовское понимание творчества как «...суждения о прекрасных предметах как таковых...»³¹. Ведь по Канту, подлинное искусство связано с «прекрасным представлением о вещи»³², причем для суждения о прекрасном требуется вкус, а вот для создания произведений искусства «требуется гений»³³. По Горькому же, воображение писателя должно работать, но взаимодействуя с реальной жизнью, в которой существует не только представление о прекрасном. В кантовской эстетике важно изображение и создание прекрасного, которое должно дарить эстетическое наслаждение и в какой-то степени «жить своей жизнью», продолжая вдохновлять людей. Для Горького же бесцельное порождение образов, пусть даже и

²⁹ Там же. С. 358.

³⁰ Там же. С. 349.

³¹ Кант И. Собр. соч.: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 5. С. 152.

³² Там же.

³³ Там же.

прекрасных, но только для эстетического наслаждения не рассматривается как первостепенная задача искусства. На первый план у него выходит телеологическое понимание творческого процесса как формы воздействия на человека, его воспитания. Именно поэтому неудачный персонаж писателя Фомина говорит главной героине: «...Но я существую уже и независимо от него...»³⁴. Так, Горький хочет показать «неприкаянность», эфемерность образов, которые живут сами по себе, но при этом не направлены на какое-либо воздействие, в том числе и дидактическое.

Таким образом, анализируя творчество Максима Горького можно обнаружить скрытую полемику не только в личных оценках писателя по отношению к философу, но и в его художественном творчестве. «Рассказ об одном романе» является не единственным текстом, в котором можно увидеть идейное неприятие некоторых сторон философии Иммануила Канта. Расхождения во взгляде на человека, его место в мире и социум оказали большое влияние на творчество писателя, сформировали его неповторимый авторский почерк.

³⁴ Горький М. Полн. собр. соч.: в 25 т. М.: Наука, 1973. Т. 17. С. 348.

Список литературы

1. Быстрова О.В. К вопросу о религиозно-философских исканиях М. Горького // Горьковские юбилейные чтения 2008 года: Максим Горький: взгляд из XXI века: материалы международной конференции. М.: Наука, 2010. С. 99–105.
2. Концепция мира и человека в творчестве М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Вып. 9. 448 с. (Серия «М.Горький. Материалы и исследования»)

Глава 4

А.М. Горький и его окружение

А.М. ГОРЬКИЙ И В.Б. ШКЛОВСКИЙ: К ИСТОРИИ ЛИЧНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ГЕРМАНИИ

© 2023 г. О.С. Кудлай

Статья подготовлена в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 21-18-00131 «А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве»).

Аннотация: Немецкий период жизни и творчества А.М. Горького до сих пор остается наименее изученным. Воссоздать контекст культурной жизни 1922–1923 гг. помогают эго-документы представителей Русского Берлина. В.Б. Шкловский как ключевая фигура русского зарубежья выделяется среди других противоречивостью, неоднозначностью. Несмотря на большое количество свидетельств о Шкловском и Горьком, до сих пор нет исследований, в которых была бы восстановлена документальная хроника развития общения и разрыва между писателями. Сложность отношений Горького и Шкловского следует воспринимать как стремление последнего разрушить клишированный образ писателя, который формировался как в советской России, так и среди представителей русской эмиграции.

Ключевые слова: А.М. Горький, В.Б. Шкловский, Германия, журнал «Беседа», русское зарубежье.

Информация об авторе: Оксана Сергеевна Кудлай — аспирант кафедры теории литературы филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия; младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: oksana.kudlay.96@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6215-0336>

Для цитирования: Кудлай О.С. А.М. Горький и В.Б. Шкловский: к истории личных и творческих отношений в Германии // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 205–221. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-205-221>

**A.M. GORKY AND V.B. SHKLOVSKY:
ABOUT THE STORY OF THEIR PERSONAL
AND CREATIVE RELATIONSHIPS IN GERMANY**

© 2023. Oksana S. Kudlay

Acknowledgements: This article was prepared in A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences as part of the Russian Science Foundation grant (RSE, project № 21-18-00131, “A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space”).

Abstract: The German period of life and work of A.M. Gorky remains to be the least studied part. Egodocuments of the representatives of Russian Berlin help to recreate the context of the cultural life of 1922–1923. V.B. Shklovsky, being a key figure of the Russian diaspora, stands out among others due to his inconsistency, ambiguity. Despite the large amount of evidence collected about Shklovsky and Gorky, there are still no studies that would restore the documentary chronicle of the development and rupture of relations between the writers. The complexity of relationships between Gorky and Shklovsky should be perceived as the latter’s desire to destroy the clichéd image of the writer formed both in Soviet Russia and among the representatives of the Russian emigration.

Keywords: A.M. Gorky, V.B. Shklovsky, Germany; the “Beseda” journal, the Russian Diaspora.

Information about the author: Oksana S. Kudlay, Postgraduate student of the Department of Theory of Literature, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, 119991 Moscow, Russia; Junior Research Fellow, Institute of World Literature. A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: oksana.kudlay.96@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6215-0336>

For citation: Kudlay, O.S. "A.M. Gorky and V.B. Shklovsky: about the Story of their Personal and Creative Relationships in Germany." *A.M. Gor'kii v Germanii: pisatel' i ego okruzhenie v sotsio-kul'turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 205–221. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-205-221>

В.Б. Шкловский, наряду с другими представителями Русского Берлина (В.Ф. Ходасевичем, Н.Н. Берберовой), был частью близкого окружения А.М. Горького в 1922–1923 гг. Немецкий период общения Шкловского и Горького был не продолжительным, но при этом ярким (даже скандальным) и творчески продуктивным для обоих писателей.

Фигура Шкловского выделяется среди других представителей русской интеллигенции, живших и бывавших у Горького в Германии. Н.Н. Берберова вспоминала: «Шкловский между Белым и Ходасевичем был человеком другого мира...»¹. Если Ходасевич и Берберова последовали за Горьким в Чехословакию, а затем в Италию, то Шкловский вернулся в СССР в конце 1923 г.: «...он чувствовал, что его жизнь в Германии бессмысленна»².

Исповедальный портрет А.М. Горького глазами «невозвращенцев» — В.Ф. Ходасевича, Н.Н. Берберовой — хотя и разрушает стереотипный образ «писателя-босяка», но все-таки страдает определенной тенденциозностью, характеризуется избирательностью фактов, писем, свидетельств и других эго-документов³. Шкловский как ключевая фигура русского зарубежья, напротив, отличается неоднозначностью, двойствен-

¹ Берберова Н.Н. Курсив мой. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. С. 232.

² Там же.

³ Кудлай О.С. А.М. Горький в Германии: исповедальный портрет писателя глазами В.Ф. Ходасевича и Н.Н. Берберовой как эгодокумент русского зарубежья // Новый филологический вестник. 2022. № 3 (62). С. 221–229.

ностью убеждений и эстетических оценок. В этом плане он близок самому Горькому, которому также была свойственна «двусмысленность»⁴. Как и Горький, Шкловский в Германии находился «меж двух огней» — между двумя полюсами русской интеллигенции, старой (эмигрантской) и новой (советской).

Личное и творческое общение Горького и Шкловского всегда переживало «приливы и отливы». Наиболее ярко эта цикличность проявилась во время рассвета творческого общения между писателями, который пришелся на немецкий период (1922–1923 гг.) Горького. Воссоздать контекст отношений двух писателей помогают эгодокументы: письма, дневники, мемуары — самого Шкловского и других представителей русского зарубежья. Однако, несмотря на большое количество свидетельств о Шкловском и Горьком, до сих пор нет исследований, в которых была бы восстановлена документальная хроника развития и разрыва творческих отношений между писателями.

Знакомство Горького и Шкловского состоялось в 1915 г. в связи с деятельностью в журнале «Летопись», одним из основателей которого был Горький⁵. Как известно, Горький всю жизнь поддерживал начинающих талантливых писателей и поэтов, старался помочь им реализоваться на литературном поприще. Своего рода «пристанищем» для творческой «молодежи» в то время была квартира Горького на Кронверкском проспекте. Со слов Ходасевича Берберова описывала эту квартиру в мемуарах «Курсив мой»: «Столько народу приходило туда ночевать (собственно — чай пить, но люди почему-то оставались там на многие годы), столько народу там жило, пило, ело, отогревалось (укрывалось?), что сломали стену и из двух квартир сделали одну»⁶. Шкловский отмечал: «На

⁴ Берберова Н.Н. Курсив мой. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. С. 232.

⁵ Шкловский В.Б. Собр. соч.: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2019. Т. 1. С. 183.

⁶ Берберова Н.Н. Курсив мой. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. С. 202.

квартире Горького у Каменноостровского собирались люди из пространства. Это был Ноев ковчег⁷. Он не был исключением среди «посетителей» — Горький помогал ему в первые послереволюционные годы, высоко ставя филологический талант начинающего литератора. Так, в начале 1919 г. после разгрома петроградской организации эсеров Шкловский обращается к Горькому за помощью, решив отойти от политической борьбы. А в 1920 г., поступив добровольцем в Красную Армию, Шкловский отправляется в Херсон, добраться до которого ему удастся благодаря рекомендательному письму Горького, впоследствии утерянному: «Приехал я в Херсон с горьковским письмом, которое служило мне вроде как пропуск. Все верили письму, написанному не на бланке, крупными буквами; в письме Горький спокойно просил помочь мне доехать до Херсона»⁸.

Об интересе к творчеству молодого филолога свидетельствуют письма Горького. В письме к З.Г. Гринбергу от 4 октября 1920 г. писатель упоминает Шкловского: «Очень рекомендую Вам В.Б. Шкловского, талантливого филолога. Он будет просить Вас о помощи организованному им “Обществу для изучения теории поэтического языка”. Под этим неуклюжим заголовком скрывается очень серьезное дело, а делать его и хотят, и могут люди молодые, смелые и даровитые. Я, со своей стороны, всемерно поддерживаю их и — позвольте надеяться на Ваше внимание к ним»⁹. Кроме того, Горький был инициатором создания альманаха «1921 год», к участию в котором привлекал молодых литераторов (в их число входил Шкловский)¹⁰. Однако издание его так и не состоялось¹¹.

Петербургский период характеризуется участием Горького в творческой судьбе Шкловского, доверительными и те-

⁷ Шкловский В.Б. Неудачи и поражения Максима Горького. Тифлис.: Заккнига, 1926. С. 11.

⁸ Шкловский В.Б. Собр. соч.: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2019. Т. 2. С. 580.

⁹ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13. С. 123.

¹⁰ Там же. С. 180.

¹¹ Там же. С. 512.

плыми отношениями между писателями. Показательна история, описанная В.М. Ходасевич в воспоминаниях «Портреты словами», о том, как Шкловский испортил роман «Тристрам Шенди» (личный экземпляр Горького):

«— Уму непостижимо, как можно было довести книгу до такого состояния. И о какой работе над такой книгой может идти речь, если и разобраться в ней уже нет никакой возможности! Просто хоть выбрасывай! — продолжал возмущаться Горький. — А возвращая мне эту бывшую книгу, Шкловский благодарил и сказал, что великолепно поработал.

Я не могла удержаться от смеха, глядя на эту “работу” Шкловского. Наконец рассмеялся и Алексей Максимович, Шкловского он *в ту пору любил*»¹².

Перед отъездом Горького из СССР Шкловский напишет ему: «Мой дорогой Алексей Максимович, любимый мой, бросайте нас и уезжайте туда, где писатель может писать. Это не бегство, это возвращение к работе. Здесь, в России, в Вас использовали только Ваше имя»¹³.

Несмотря на достаточно продолжительный период творческого сотрудничества и общения писателей в России, по объему и насыщенности общения он явно уступает немецкому. После публикации известной брошюры Г. Семенова и в связи с последовавшим за ней процессом над эсерами Шкловский бежал в конце 1922 г. по льду Финского залива в Финляндию. Первые месяцы пребывания за границей Шкловский находился в активной переписке с А.М. Горьким, который помогал ему деньгами и «хлопотал» о визе для него¹⁴. «Ноев ковчег» продолжился в Германии. О.А. Клинг верно отметил, что «кронверкская» квартира Горького «связана и сюжетом в Саарове»¹⁵. Берберова писала: «“Крон-

¹² Ходасевич В.М. Портреты словами: очерки. М.: Советский писатель, 1987. С. 130.

¹³ Шкловский В.Б. Письма М. Горькому (1917–1923 гг.) / примеч. и подгот. текста А.Ю. Галушкина // *de visu*. 1993. № 1. С. 29.

¹⁴ Там же. С. 32.

¹⁵ Клинг О.А. А.М. Горький в Германии // Новый филологический вестник. 2022. № 3 (62). С. 217.

веркская” атмосфера возобновилась, правда, только по воскресеньям: уже с утренним поездом из Берлина начинали приезжать люди близкие и случайные, но преимущественно, конечно, так называемые “свои”, которых было не мало»¹⁶. К примеру, ее описание фотографии со дня общей встречи Нового года в 1923 г. в Саарове воссоздает эту атмосферу: «На фоне зажженной елки, за столом, уставленным закусками, стаканами и бутылками, сидят Горький, Ходасевич, Белый, все трое в дыму собственных папирос, чувствуется, что все трое выпили и напустили на себя неподвижность. Слева, сложив руки на груди, очень строгая, в закрытом платье, М.Ф. Андреева, Шкловский, беззубый и лысый, чье остроумие не всегда доходило в этом кругу, актер Миклашевский, снимавший группу при магнии и успевший подсесть под самую елку и от того полупрозрачный. Максим, его жена, Валентина Ходасевич и я, размалеванные под индейцев»¹⁷.

Первое упоминание о встрече Горького со Шкловским в Германии относится к 3 июля 1922 г. Горький писал Ходасевичу: «Очень рад буду видеть Вас и рад, что Вы, наконец, отдохнете. Сейчас у меня В. Шкловский»¹⁸. По записям в «Камерфурьерском» дневнике Ходасевича можно проследить, что наиболее интенсивное общение Горького и Шкловского приходится на зиму 1922–1923 гг.¹⁹ Этот активный этап творческой деятельности обоих писателей связан с созданием журнала «Беседа», который был призван примирить два «полюса» русской интеллигенции. Замысел журнала активно обсуждался Горьким и потенциальными участниками редакции в конце 1922 г. По свидетельству Ходасевича (с которым, впрочем, не согласны некоторые исследователи), идея издавать журнал принадлежала именно Шкловскому:

¹⁶ Берберова Н.Н. Курсив мой. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. С. 208.

¹⁷ Там же. С. 226.

¹⁸ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 67.

¹⁹ Записи В.Ф. Ходасевича / предисл., публ. и примеч. Н.Н. Берберовой // Мосты. 1961. № 8. С. 265–267.

«Поздней осенью Горький меня убедил переселиться в городок Saarow, в двух часах езды от Берлина. Мы виделись ежедневно. Вскоре возникла мысль об издании журнала. Принадлежала она не Горькому, а Виктору Шкловскому, бежавшему из России примерно за год до этого (он был привлечен по делу эсеров). Вот и придумал Шкловский издавать такой журнал, в котором писатели, живущие в советской России, могли бы через голову цензуры и казенных редакций печатать вещи, не содержащие, разумеется, выпадов против власти, но все же написанные не по ее указке. Теперь такая затея показалась бы дикостью. Тогда она была вполне осуществима»²⁰.

Принимая во внимание субъективность мемуариста, осмелимся предположить, что в «задумывании» журнала Шкловский действительно играл далеко не последнюю роль. Так, в уже упомянутом выше письме к Горькому он советует писателю:

«Соберите в Италии или в Праге союз из Вас, Уэльса, Ромэна Роллана, Барбюса и, может быть, Анатолия Франса. И начинайте Новую жизнь. <...>

Журнал, издаваемый вашим союзом, будет голосом человечества. Все это совершенно необходимо для русской революции и для Вас»²¹.

«Официально» Шкловский, как и другие будущие члены редколлегии журнала «Беседа», упоминается Горьким в письме к Ф. Элленсу 7 января 1923 г.: «Хочу просить Вас о следующем: в Берлине [на русском] будет издаваться на русском языке литературно-научный журнал, его редакция: поэт Ходасевич, филолог Шкловский, профессор физики Адлер и Ваш слуга»²². В этот же день краткую заметку в дневнике оставил и Ходасевич: «7 января. С В. Шкловским и Сумским к Горькому. Там — Миклашевский. Разговоры о “Беседе”»²³. В конце месяца

²⁰ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 360.

²¹ Шкловский В.Б. Письма М. Горькому (1917–1923 гг.) / примеч. и подгот. текста А.Ю. Галушкина // de visu. 1993. № 1. С. 29.

²² Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 119.

²³ Записи В.Ф. Ходасевича / предисл., публ. и примеч. Н.Н. Берберовой // Мосты. 1961. № 8. С. 266.

Горький приглашает Ф.А. Брауна сотрудничать в «Беседе» на постоянной основе и делится дальнейшими планами, связанными с составом отделов редакции²⁴. Таким образом, январь 1923 г. ознаменовался активным творческим сотрудничеством Горького и Шкловского в рамках журнала «Беседа».

Однако «прилив» в отношениях стремительно сменился «отливом». Журнал «Беседа» был одним из самых важных проектов Горького за рубежом, поскольку он «был призван сочетать эмигрантскую и советскую литературу, быть связующим звеном между культурными процессами России и Европы. Его существование стало возможным именно благодаря авторитетной фигуре Горького (и за границей, и в Советской России), который пытался примирить реакционную интеллигенцию в эмиграции и новую, советскую»²⁵. Именно поэтому Горький болезненно воспринял «скандал», учиненный Шкловским в берлинском Доме искусств в феврале 1923 г. «Случай» был связан с театральным критиком С.Л. Рафаловичем, которого Горький также хотел привлечь к участию в «Беседе»: «Было уже приступлено к составлению первого номера [журнала «Беседа»], когда разыгрался “скандал” <...>. <...> В берлинском Клубе писателей состоялся доклад поэта С. Рафаловича, приглашенного нами в “Беседу”. Шкловский возражал докладчику в совершенно не допустимой форме. Горький был этим крайне раздражен, о чем до сведения Шкловского было доведено через С.Г. Каплуна-Сумского и через сына Горького. Шкловский прислал свои извинения»²⁶. Репутация Горького и его журнала, работа над первым номером которого только велась в феврале 1923 г., могла быть дискредитирована. Отношение к этой истории Горький выразил в письме Ходасевичу:

²⁴ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 132.

²⁵ Кудлай О.С. А.М. Горький в Германии: исповедальный портрет писателя глазами В.Ф. Ходасевича и Н.Н. Берберовой как эгодокумент русского зарубежья // Новый филологический вестник. 2022. № 3 (62). С. 223.

²⁶ Письма Максима Горького к В.Ф. Ходасевичу (1922–1925) // Новый журнал. 1952. № 29. С. 207.

«Шкловский пишет:

«Через ‘Эпоху’ и по Максиму увидел, что в Саарове меня хотят высечь”. “В истории с Рафаловичем я, конечно, не прав”.

“Причина скандала следующая: у меня t° была 82, 61 — № одного телефона”. “Одним словом — я влюблен, очень в любви несчастен”. И — т. д.

Все это меня нимало не утешает и не изменяет моего отношения к скандалу. Шкловский думает: “что журналу вся эта история не помешает”»²⁷.

Соответственно, «скандальное» выступление Шкловского положило конец его сотрудничеству в «Беседе»: после этого случая его имя в качестве редактора журнала в письмах Горького и других документах больше не упоминалось.

Однако единственная публикация Шкловского в 1 книге «Беседы» заслуживает особого внимания. Речь идет о написании «Зоо, или Писем не о любви». О периоде их написания Шкловский вспоминал: «У [Горького] квартира в пустой гостинице, кругом молодой сосновый лес. Пусто, снега. Я писал “Зоо”»²⁸. В вышеупомянутом письме Горький обсуждает с Ходасевичем присланные очерки Шкловского, которые позднее будут напечатаны в журнале: «[Шкловский] прислал три очерка. Первые два — мне решительно не нравятся, но “Холод” я очень прошу Вас прочитать. Мне нужно знать Ваше мнение к воскресенью»²⁹.

«Зоо, или Письма не о любви» стали очередным «приливом» и растопили лед между писателями. Шкловский пишет своей жене в это время: «Помирился с Дукой [А.М. Горьким] за то, что ему понравилась моя книга. Это подкупает»³⁰. В этом же месяце Шкловский в письме Горькому сообщает о своем намерении читать «Зоо» у Горького: «Книжку кончаю, часть в

²⁷ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 144.

²⁸ Шкловский В.Б. Собр. соч.: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2019. Т. 2. С. 730.

²⁹ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 144.

³⁰ Шкловский В.Б. Письма М. Горькому (1917–1923 гг.) / примеч. и подгот. текста А.Ю. Галушкина // de visu. 1993. № 1. С. 45.

переписке, часть в переделке, в воскресенье приеду читать, или в понедельник»³¹. По свидетельству Ходасевича, чтение состоялось 19 февраля (понедельник) 1923 г.: «М.И. Будберг. Вечером у Горького (Шкловский, Белый)»³².

Впоследствии, наряду с положительными отзывами о книге «Зоо», Горький писал, что Шкловский искажил «Письма не о любви», сатирически изобразив представителей Русского Берлина в эмиграции³³. В не опубликованном до сих пор письме к Горькому 1926 г. Шкловский писал: «Пять раз писал к Вам письмо и не отправил. Слыхал, что Вы меня ругаете: за переделку “Зоо”, за самоуверенность» (АГ. КГ-п 89-1-10).

Недовольство Горького «переделанным» «Зоо» можно объяснить, проиллюстрировав характер этих изменений. Так, в очерке «Холод», который в «Беседе» был напечатан первым, содержатся следующие строки:

«Прости меня, Велимир Хлебников, за то, что я греюсь у чужих огней. Климат, учитель, у нас континентальный»³⁴.

В других, более поздних вариантах отрывков из «Письма четвертого» выглядит следующим образом:

«Прости меня, Велимир Хлебников, за то, что я греюсь у огня чужих редакций. За то, что я издаю свою, а не твою книжку. Климат, учитель, у нас континентальный»³⁵.

Предположительно, именно эта «правка» стала причиной очередной ссоры между писателями. Огня «чужой редакции» в марте 1923 г. у Шкловского уже не было, однако написание «Зоо» дало новый виток отношениям между писателями. В этой связи необходимо упомянуть Эльзу Триоле, которой

³¹ Там же. С. 38.

³² Записи В.Ф. Ходасевича / предисл., публ. и примеч. Н.Н. Берберовой // Мосты. 1961. № 8. С. 267.

³³ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2012. Т. 15. С. 102.

³⁴ Беседа [Текст]: журнал литературы и науки / [издаваемый при ближайшем участии проф. Б.Ф. Адлера, Андрея Белого, проф. Ф.А. Брауна, М. Горького, В.Ф. Ходасевича]. Берлин: Эпоха, 1923. Кн. 1. С. 140.

³⁵ Шкловский В.Б. Собр. соч.: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2019. Т. 2. С. 273.

Шкловский и посвятил свою книгу. По словам самого автора, она носила «Зоо» «как брошку»³⁶. «Эльзу Триоле в то время никто не знал, а знаменита она была тем, что была на Таити и была сестрой Лили Брик», — писала В.М. Ходасевич³⁷. Узнав от Шкловского, что автором «писем Али» действительно является Эльза Триоле, Горький высоко оценил ее литературный потенциал: «Я бы очень советовал автору письма написать о Таити, вероятно, это очень удастся ей. <...> Мне кажется, что автор письма мог бы дать очень яркое изображение своих впечатлений, которые вызваны Таити, и это было бы свежо и ново, если б удалось сохранить тон, взятый в письме»³⁸.

После лестного отзыва Горького Шкловский и Эльза Триоле приехали к Горькому вместе в Сааров 1 марта 1923 г. Свидетельство о встрече зафиксировал в «Камер-фурьерском журнале» Ходасевич: «Толпа гостей. Шкловский, Триоле»³⁹. Шкловский вспоминал позднее: «...Привез Эльзу. Горькому она понравилась. Он сказал: “Какой лоб!” То есть: ум»⁴⁰.

Впоследствии Эльза Триоле стала известной французской писательницей, однако ввел ее в литературу именно Горький с «легкой руки» Шкловского: «Первым терпеливым и вдохновенным учителем Эльзы, который привел ее в литературу, был Шкловский. Ученица оказалась талантливой»⁴¹. Перед отъездом из Германии Шкловский в последнем «немецком» письме просит Горького принять дальнейшее участие в литературной судьбе Э. Триоле:

³⁶ Галушкин А.Ю. Разговоры с Виктором Шкловским // НЛО. 2015. № 131. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/131_nlo_1_2015/article/11268/ (дата обращения: 20.02.2023).

³⁷ Ходасевич В.М. Портреты словами: очерки. М.: Сов. писатель, 1987. С. 137.

³⁸ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 144.

³⁹ Записи В.Ф.Ходасевича/предисл.,публ.и примеч.Н.Н.Берберовой// Мосты. 1961. № 8. С. 267.

⁴⁰ Галушкин А.Ю. Разговоры с Виктором Шкловским // Новое литературное обозрение. 2015. № 131. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/131_nlo_1_2015/article/11268/ (дата обращения: 20.02.2023).

⁴¹ Ходасевич В.М. Портреты словами: очерки. М.: Сов. писатель, 1987. С. 137.

«Я вызвал ее к жизни и, клянусь своей честью и нюхом, который меня не обманул ни разу, она очень талантлива. <...> Сейчас она доканчивает свою книгу.<...>

Если бы <Вы> смогли написать предисловие к ее книжке или взять ее в «Беседу», то Вы сделали бы ее этим писателем»⁴².

В журнале «Беседа» Эльза Триоле не печаталась, однако именно по рекомендации Горького в журнале «Русский Современник» (1924, № 3) впервые была издана ее первая книга — роман «На Таити».

Частые ссоры Горького и Шкловского в Германии привели к постепенному взаимному охлаждению. Это заметно даже на уровне упоминаний Шкловского в письмах Горького к Ходасевичу, относящихся к лету 1923 г.: «Был Шкловский, он уже не Виктор, а — побежденный, это ему не нравится»⁴³.

В этот же период Горький пишет: «И сидел Степун, справедливо обличая Шкловского в том, что сей последний пользуется историей только как материалом для построения личной интересной биографии, а это де — нигилизм. Верно. Или — не верно? Голова у меня болит, а так как голова у меня близко к душе, то и душа болит»⁴⁴.

В письме речь идет о книге Шкловского «Сентиментальное путешествие». Известно, что эту книгу Шкловский подарил Горькому под Новый год (1923), который они вместе встречали в Саарове. Шкловский подвергается в письме критике из-за стремления к «деланию» биографии. В «Сентиментальном путешествии» он пишет: «Если бы мы, вместо того чтобы пытаться делать историю, пытались просто считать себя ответственными за отдельные события, составляющие эту историю, то, может быть, это вышло бы и не смешно. Не историю нужно стараться делать, но биографию»⁴⁵.

⁴² Шкловский В.Б. Письма М. Горькому (1917–1923 гг.) / примеч. и подгот. текста А.Ю. Галушкина // de visu. 1993. № 1. С. 37.

⁴³ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 224.

⁴⁴ Там же. С. 231.

⁴⁵ Шкловский В.Б. Собр. соч.: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2019. Т. 2. С. 106.

После 1924 г. в письмах Горького встречаются только отрицательные отзывы о Шкловском. В письме к К.А. Федину от 3 марта 1925 г. читаем: «Шкловский — увы! “не оправдывает надежд”. Парень без стержня, без позвоночника и все более обнаруживает печальное пристрастие к словесному авантюризму. Литература для него — экран, на котором он видит только Виктора Шкловского и любит нигилизм этого фокусника. Жаль»⁴⁶.

Причиной такой перемены Горького в отношении к Шкловскому в то время были не столько эстетические разногласия, сколько неоднозначные публикации филолога. Одной из таких публикаций считается статья «Исаак Бабель» («ЛЕФ», 1924, 2). В ней Шкловский критикует журнал «Летопись» и, соответственно, самого Горького как его создателя и редактора: «В нем [в журнале] писали люди, которые отличались друг от друга только фамилиями»⁴⁷. Позднее об этом периоде Шкловский вспоминал: «Мы были дружны до тех пор, пока я не написал о нем. Мы не поссорились, но разошлись. (Не надо писать о своих друзьях, если вы хотите сохранить их дружбу.) Я написал, что Горький пишет общими местами. И показал это на ошибках — простейших фактических ошибках в описаниях, несомненно, знакомых Горькому вещей»⁴⁸.

Среди многочисленных публикаций Шкловского того времени выделяется хрестоматийный «Гамбургский счет» Шкловского. Об этой книге В.М. Ходасевич писала Горькому в 1928 г.: «Прочитала отвратную книгу Шкловского “Гамбургский счет”. Теперь уж для всех ясно, что он хам» (АГ. КГ-Ди 11-8-26). Горький ответил: «Шкловского — “Гамбургский счет” — не читал. Развернул книжку и — почти на каждой странице: Горький. Нет, — думаю, — прочитаю после, когда у меня бронхит будет»⁴⁹.

⁴⁶ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2012. Т. 15. С. 137.

⁴⁷ Шкловский В.Б. Исаак Бабель // ЛЕФ. 1926. № 2 (6). С. 152.

⁴⁸ Галушкин А.Ю. Разговоры с Виктором Шкловским // НЛО. 2015. № 131. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/131_nlo_1_2015/article/11268/ (дата обращения: 20.02.2023).

⁴⁹ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2016. Т. 18. С. 142.

Позднее книгу Шкловского Горький все же прочитал и сделал пометы⁵⁰.

За пределами немецкого периода остаются еще два письма Шкловского к Горькому, до сих пор не опубликованные (1926 и 1933 гг.). Первое из них посвящено вопросу сценария «Хода коня», написанного Горьким: «У Вас, говорят, есть сценарий “Ход коня”? Это узнал из писем М.Ф. [М.Ф. Андреевой] Совкино просит его прислать. Напишите условия, пришлите рукопись» (АГ. КГ-п 89-1-10).

Очевидно, что Шкловский интересовался этим сценарием, поскольку его знаменитый сборник статей, вышедший ранее, носит такое же название — «Ход коня». Однако на письмо Горький не ответил и сценария не прислал.

Несмотря на то что писатель приехал в СССР в 1928 г. (а окончательно вернулся в 1933 г.), прежние теплые отношения со Шкловским он не возобновил, хотя последний принимал активное участие в проектах, реализованных Горьким (например, «ЖЗЛ», «История фабрик и заводов» и др.).

Подводя итог «немецкому» периоду общения писателей, можно отметить сложность и противоречивость их отношений в 1922–1923 гг. Отчасти это можно объяснить экспериментами Шкловского над личным «брендом», которые точно описала Берберова: «Он был талантливый выдумщик, полный энергии, открытий и формулировок. В нем бурлила жизнь, и он любил жизнь. Его «Письма “не о любви” и другие книги, написанные о себе в эти годы, были игрой, он забавлял других и сам забавлялся»⁵¹.

Жизнь в эмиграции для Шкловского — это новые возможности для «делания биографии», поиск нового литературного материала (отметим, что написанное Шкловским в Германии — «Сентиментальное путешествие» и «Зоо, или Письма не о любви» — сочетает в себе разные литературные формы и даже выходит за границы литературы), глобализация

⁵⁰ Личная библиотека А.М. Горького в Москве. Описание: в 2 кн. М.: Наука, 1981. Кн. 1. С. 193.

⁵¹ Берберова Н.Н. Курсив мой. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. С. 232.

бытового, единичного «жизненного» факта. Такой подход характеризуется противоречивостью и двойственностью эстетических оценок. Однако неоднозначные свидетельства Шкловского о Горьком следует воспринимать как попытку «спасти» биографию Горького от тенденциозности. Речь идет о разрушении выгодного, клишированного канона писателя, который формировался как в советской России, так и среди представителей русской эмиграции. Вечный поиск, новый, *остраненный* взгляд на собственное житнетворчество и жизнь Горького за рубежом — основные инструменты Шкловского в процессе (де)реконструкции образа Горького немецкого периода.

Список литературы

1. Берберова Н.Н. Курсив мой. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 685 с.
2. Беседа [Текст]: журнал литературы и науки / [издаваемый при ближайшем участии проф. Б.Ф. Адлера, Андрея Белого, проф. Ф.А. Брауна, М. Горького, В.Ф. Ходасевича]. Берлин: Эпоха, 1923–1925.
3. Галушкин А.Ю. Разговоры с Виктором Шкловским // НЛО. 2015. № 131. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/131_nlo_1_2015/article/11268/ (дата обращения: 20.02.2023).
4. Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1997–2022.
5. Записи В.Ф. Ходасевича / предисл., публ. и примеч. Н.Н. Берберовой // Мосты. 1961. № 8. С. 265–269.
6. Клинг О.А. А.М. Горький в Германии // Новый филологический вестник. 2022. № 3 (62). С. 212–220.
7. Кудлай О.С. А.М. Горький в Германии: исповедальный портрет писателя глазами В.Ф. Ходасевича и Н.Н. Берберовой как эгодокумент русского зарубежья // Новый филологический вестник. 2022. № 3 (62). С. 221–229.
8. Личная библиотека А.М. Горького в Москве. Описание: в 2 кн. М.: Наука, 1981. Кн. 1. 227 с.
9. Письма Максима Горького к В.Ф. Ходасевичу (1922–1925) // Новый журнал. 1952. № 29. С. 205–214.

10. *Ходасевич В.М.* Портреты словами: очерки. М.: Сов. писатель, 1987. 320 с.
11. *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996–1997.
12. *Шкловский В.Б.* Исаак Бабель // ЛЕФ. 1926. № 2 (6). С. 152–155.
13. *Шкловский В.Б.* Неудачи и поражения Максима Горького. Тифлис.: Заккнига, 1926. 66 с.
14. *Шкловский В.Б.* Письма М. Горькому (1917–1923 гг.) / примеч. и подгот. текста А.Ю. Галушкина // de visu. 1993. № 1. С. 28–46.
15. *Шкловский В.Б.* Собр. соч.: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

«С КОСМОЮ ДЫМНОЮ НА ЛБУ»: ПОРТРЕТЫ А.М. ГОРЬКОГО В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА

© 2023 г. Д.А. Сухоева

Аннотация: В статье рассматриваются черты портрета и характера А.М. Горького как человека, писателя, представителя эпохи в произведениях В.Ф. Ходасевича. В творческом наследии Ходасевича фигура Горького возникает в связи с разными периодами общения писателей: заочное знакомство; сотрудничество во «Всемирной литературе»; теплая дружба и работа над «Беседой» в эмиграции; идеологическое непонимание и «разрыв»; а также возвращение Горького в СССР (1920–1930-е гг.). Фоном этих воспоминаний служат разные пространства: Россия, Германия, Италия. В исследовании показана неоднозначность ходасевичевских оценок.

Ключевые слова: Ходасевич, Горький, воспоминания, литературный портрет, эмиграция.

Информация об авторе: Дарья Александровна Сухоева — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Пермский государственный национальный исследовательский университет, ул. Букирева, д. 15, 614068 г. Пермь, Россия.

E-mail: darya.sukhoeva@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4797-5078>

Для цитирования: Сухоева Д.А. «С космою дымною на лбу»: портреты А.М. Горького в литературном наследии В.Ф. Ходасевича // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 222–233. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-222-233>

**“S KOSMÓYU DYMNOYU NA LBU”:
PORTRAITS OF A.M. GORKY
IN THE WORKS OF V.F. KHODASEVICH**

© 2023. Darya A. Sukhoveva

Abstract: The article deals with the peculiarities of the portrait and character of A.M. Gorky as a person, a representative of the epoch in the work of V.F. Khodasevich. In the creative legacy of Khodasevich, the Gorky's personality arises in connection with periods of communication between writers: non-personal acquaintance; collaboration in “World Literature”; friendship and work on “Beseda” in the emigration; ideological misunderstanding and “parting”; as well as the return of Gorky to the USSR (1920–1930s). The backdrop of the memories are different spaces: Russia, Germany, Italy. This article revealed the ambiguity of Khodasevich's estimates.

Keywords: Khodasevich, Gorky, memories, portrait, emigration.

Information about the author: Darya A. Sukhoveva, PhD in Philology, Associate Professor of Department of Russian Literature, Perm State University, Bukireva, 15, 614068 Perm, Russia.

E-mail: darya.sukhoveva@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4797-5078>

For citation: Sukhoveva, D.A. “S kosmóyu dymnoyu na lbu: Portraits of A.M. Gorky in the Works of V.F. Khodasevich.” *A.M. Gor'kii v Germanii: pisatel' i ego okruzhenie v sotsio-kul'turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 222–233. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-222-233>

В.Ф. Ходасевич и А.М. Горький, не совпадая в литературных взглядах¹, оказались «попутчиками» в жизни и литературе на 7 лет: с 1918 до 1925 г. Этими временными рамками их общая история не ограничивается. Для Ходасевича Горький «продолжался» и после «разрыва» в 1925 г. В 1930-е гг. он публикует

¹ «Моя литературная жизнь протекала среди людей, которые Горькому были чужды и которым Горький был так же чужд» (Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 151).

в разных вариациях и под разными именами свои воспоминания о Горьком². Таким образом, история отношений Ходасевича с Горьким может быть поделена на 5 периодов: 1. Заочное знакомство; 2. Петроград и «Всемирная литература»; 3. Германия и «Беседа»; 4. Италия и непонимание; 5. P. S. Осмысление Горького³.

Заочное знакомство писателей было взаимным, но началось в разное время: Ходасевич входил в литературу, когда Горький был уже известным писателем. Ходасевич был знаком с ранними рассказами Горького, посетил один из первых спектаклей «На дне»⁴, как начинающий критик оставил несколько заметок о сборниках «Знания» в 1900-е гг.⁵ А в 1908 г. узнал от Н.И. Петровской, что Горький знаком с его первой книгой стихов⁶.

Любопытное стечение обстоятельств в середине 1910-х гг. привело их друг к другу: «В 1916 году в Москву приехал Корней Чуковский. Он сказал мне, что возникшее в Петербурге издательство “Парус” собирается выпускать детские книги, и спросил, не знаю ли я молодых художников. <...> Я <...> дал адрес моей племянницы, жившей в Петербурге. Ее пригласили в “Парус”, там она познакомилась с Горьким. <...> Когда Горький организовал известное издательство “Всемирная Литература”, меня вызвали в Петербург и предложили заведовать московским отделением»⁷.

² Черкасов В.А. Ходасевич, «Гулливер» и советский миф о Горьком // Литературный факт. 2018. № 7. С. 331–346; Луговская Д.А. История создания мемуаров В.Ф. Ходасевича о М. Горьком // Текстология и историко-литературный процесс. 2018. С. 131.

³ В биографии Горького выделяют 4 периода: заочный — петроградский — немецкий — итальянский (Клинг О.А. Немецкий период А.М. Горького в реконструкции В.Ф. Ходасевича // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 171).

⁴ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 151.

⁵ См. Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 8 т. М.: Русский путь, 2010. Т. 8.: «Пленителен по трогательности перепечатанный вновь прежний набросок Горького “Идиллия”» (С. 28); «Драма Горького истинно примечательна» (С. 31) и др.

⁶ Ходасевич В.Ф. Собр. соч. в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 151.

⁷ Там же.

Осенью 1918 г. они впервые встретились. В «Некрополе» Ходасевич так описал эту встречу: «Он вышел ко мне похожий на ученого китайца: в шелковом красном халате⁸, в пестрой шапочке, скуластый, с большими очками на конце носа, с книгой в руках. К моему удивлению, разговор об издательстве был ему неинтересен. Я понял, что в этом деле имя его служит лишь вывеской»⁹. Первое впечатление Ходасевича от встречи с Горьким двоякое. С одной стороны, поэт зафиксировал образ ученого китайца, с другой — человека-легенду, на имени которого можно «воздвигнуть» предприятие — издательство «Всемирная литература».

Ходасевич увидел в Горьком и человека. С первых страниц главы «Горький» в «Некрополе» он отмечал в нем склонность помогать ближнему: «Горького осаждали посетители — по делам Дома Искусства, Дома Литераторов, Дома Ученых, «Всемирной Литературы»; приходили литераторы и ученые, петербургские и приезжие; приходили рабочие и матросы <...> приходили артисты, художники, спекулянты, бывшие сановники, великосветские дамы. У него просили заступничества за арестованных, через него добывали пайки, квартиры, одежду, лекарства, жиры, железнодорожные билеты, командировки, табак, писчую бумагу, чернила, вставные зубы для стариков и молоко для новорожденных. <...> Горький выслушивал всех и писал бесчисленные рекомендательные письма»¹⁰. Хотя этот комментарий Ходасевича довольно ироничен, нельзя сказать, что он недооценивал горьковского человеколюбия. В статье «Все — на писателей!» (1922), которая впервые была опубликована в «Голосе России» под псевдонимом Л. Боровиковский, Ходасевич, рассуждая о травле интеллигенции после революции, отметил: «Стараниями

⁸ Красный халат упоминается еще раз, но уже с привязкой к другому месту, Сорренто: «Около полуночи он уходил к себе и либо писал, облачаясь в свой красный халат, либо читал в постели» (Ходасевич В.Ф. Собр. соч. в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 157). В обоих случаях красный халат связан у Ходасевича с работой Горького (чтением, писательством).

⁹ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 151.

¹⁰ Там же. С. 153.

Горького и Луначарского добились ученых пайков для писателей»¹¹.

В наследии Ходасевича содержится немало историй, реабилитирующих Горького. Например, в рецензии на «Живые лица» (1925) З.Н. Гиппиус Ходасевич восстанавливает историю, связанную с В.В. Розановым: «З.Н. Гиппиус сказали, что Розанов <...> “такой нищий, что на вокзале собирает окурки”. Потом — будто бы он расстрелян. <...> Дело в том, что Розанова не только не расстреляли, но он даже и арестован не был. Далее, З.Н. Гиппиус сообщает, будто Горький “поручил кому-то из своих приспешников исследовать слух о Розанове и, когда ему доложили, что Розанов не расстрелян, приказал прислать ему немного денег”. Все это сообщено с чужих слов и — неверно. Горький никому не давал таких поручений, ибо знал, что Розанов на свободе. Что же касается до посылки денег <...> просто — пришел ко мне покойный Гершензон и попросил меня позвонить Горькому по телефону и сообщить о бедственном положении Розанова. Я так и сделал»¹².

Ко времени сотрудничества во «Всемирной литературе» относится и случай спасения самого Ходасевича: «Летом 1920 года со мной случилась беда. Обнаружилось, что одна из врачебных комиссий, через которую проходили призываемые на войну, брала взятки. Несколько врачей расстреляли, а все, кто был ими освобожден, подверглись переосвидетельствованию. <...> Случайно в Москве очутился Горький. Он мне велел написать Ленину письмо, которое сам отвез в Кремль»¹³.

По мнению Ходасевича, к 1921 г. попытки Горького помочь нуждающимся перестали иметь успех, что и стало причиной отъезда писателя из России. Объяснялась потеря влияния конфликтами, которые были у Горького с политической элитой (Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, А.В. Луначарский). Ходасевич в воспоминаниях «Горький» (1938), опубликованных посмертно (1940), приводит последовательно несколько историй, в которых раскрывается тема отношений Горького с властью.

¹¹ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2. С. 90.

¹² Там же. С. 131–132.

¹³ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 152.

Первая история связана с семьей Каменевых и борьбой за власть в Театральном отделе Наркомпроса (Тео) жен Горького и Каменева — М.Ф. Андреевой и О.Д. Каменевой¹⁴.

Вторая история о сложной вражде с Зиновьевым: «Продовольствие, топливо и одежда, которые Горький с величайшим трудом добывал для ученых, писателей и художников, перехватывались по распоряжению Зиновьева и распределялись неизвестно по каким учреждениям»¹⁵. Говоря о потере Горьким влияния, вспоминает Ходасевич и о деле Таганцева: «Горький делал неслыханные усилия, чтобы спасти привлеченных по делу, но его авторитет в Москве был уже равен почти нулю. Не могу этого утверждать положительно, но вполне допускаю, что, в связи с Зиновьевым, заступничество Горького даже еще ухудшило положение осужденных»¹⁶.

Третья история связана с Луначарским и невозможностью выпустить в июне 1921 г. за границу А.А. Блока и Ф.К. Сологуба: «После ужина он повел меня в свой маленький, тесный кабинет <...> и показал мне копию письма Луначарского, датированного 22-м числом. Пока я читал, он несколько раз спрашивал: “Каково? Хорошо?” Прочитав, я сказал: “Осел”. — “Не осел, а сукин сын”, — возразил он, покраснев, и тотчас прибавил: “Извините, пожалуйста”. <...> За чаем он хмурился, не принимал участия в разговоре, иногда вставал и, ходя по комнате, бормотал, уже во множественном числе: “Ослы! Ослы!”»¹⁷ Превращение «осла» в «ослов», вероятно, говорило о непонимании Горьким не только Луначарского, но и политбюро вообще.

Осенью 1921 г. Горький покинул страну и остановился в Берлине. Летом 1922 г. Ходасевич тоже уехал. Так начался новый и самый плодотворный этап их отношений. Часто ежедневные встречи за чаем, игрой в карты, нередкие походы в кинематограф, информация о переписке и совместном проживании в эмиграции рукой Ходасевича записаны в его «Камер-фурьер-

¹⁴ См. подробнее: Там же. С. 351–353.

¹⁵ Там же. С. 353.

¹⁶ Там же. С. 357.

¹⁷ Там же.

ский журнал»¹⁸. Журнал этот Ходасевич начал вести в первый день своего пребывания в Берлине — 30 июня 1922 г., а уже на следующий день он написал Горькому: «Мне здесь трудно ориентироваться литературно, не поговорив с Вами»¹⁹. С лета 1922 г. до лета 1925 г. всякая деятельность Ходасевича была связана с Горьким. Часто он переезжал вслед за Горьким (из Берлина в Сааров, из Германии в Чехословакию, в Италию), позднее в Сорренто они вместе арендовали виллу.

В Германии Горький и Ходасевич решили выпускать журнал «Беседа», который оба представляли свободным журналом, соединяющим советскую Россию с эмигрантами. Для Горького было принципиально, чтобы журнал публиковался на советские деньги и отправлялся в Россию. И по мнению Ходасевича, он мог пойти на многое, чтобы иметь такую возможность: «Он решился на репрессию: написал в Москву, что не будет сотрудничать в советских изданиях, пока “Беседу” не пропустят в Россию»²⁰. Но «Беседа» закончилась на 6 выпуске²¹. Переписка, в которой Горький неоднократно пытался убедить Ходасевича, что журнал все же будет печататься в России²², раскрыла Ходасевичу одну особенность Горького, которая проявлялась и раньше, но своего апогея достигла в связи с «Беседой»: «Я не без горечи указал ему в ответном письме, что меня удивляет, каким образом год тому назад его известили о допущении “Беседы”, а теперь оказывается, что тогда вопрос еще и не обсуждался. На это Горький мне возразил: “Разрешение на “Беседу” было дано, и книги в Россию допускались, — писал он. — Затем разрешение было опротестовано и аннулировано”. Это была ложь, на которую Алексей Максимович отважился, полагая, будто мне неизвестно, что книги в Россию не допускались ни-

¹⁸ Ходасевич В.Ф. Камер-фурьерский журнал. М.: Эллис Лак, 2002. С. 25–68.

¹⁹ Ходасевич В.Ф. Собр. соч. в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 447.

²⁰ Там же. С. 361.

²¹ См. подробнее: Вайнберг И.И. Берлинский журнал Горького «Беседа», его издатель С.Г. Каплун, поэт В.Ф. Ходасевич и другие // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Иерусалим, 1995. Т. 4: 1939–1960 гг. С. 187–207.

²² Там же. С. 202–203.

когда. <...> После почти двухмесячного молчания он писал мне 20 июля: «<...> Весь материал заготавливается здесь, печатается — в Петербурге, там теперь работа значительно дешевле, чем в Германии. Никаких ограничительных условий Ионов пока не ставит». Это было уже чистейшее лицемерие»²³. После очередного письма Горького о «Беседе» (от 13 августа 1925 г.²⁴) Ходасевич перестал отвечать ему.

Так в глазах Ходасевича Горький стал лжецом, лицемером, шулером, «поклонником и создателем обманов», «ненавистником правды». Все это подтверждал Ходасевич воспоминанием того или иного случая, который приключился с Горьким за время их тесного общения. Ходасевичем зафиксированы и вполне безобидные обманы, и жестокие. В «Некрополе» приводится история одного такого обмана, причинившего человеку сильные страдания: «Однажды он вызвал к себе кн. Палей <...> и объявил ей, что ее сын, молодой стихотворец кн. Палей, не расстрелян, а жив и находится в Екатеринославе, откуда только что прислал письмо и стихи. Нетрудно себе представить изумление и радость матери. <...> Через несколько времени кн. Палей, конечно, узнала, что все-таки он убит, и, таким образом, утешительный обман Горького стал для нее источником возобновившегося страдания»²⁵.

Среди воспоминаний Ходасевича были и случаи лжи-дурачества, приносившие Горькому восторг: «Он вбежал ко мне в комнату сияющий, с пританцовыванием, с потиранием рук, с видом загулявшего мастерового, и объявил:

— Во! Глядите-ка! Я спер у Марьи Игнатьевны десять лир! Айда в Сорренто!

Мы пошли в Сорренто, пили там вермут и прикатали домой на знакомом извозчике, который, получив из рук Алексея Максимовича ту самую криминальную десятку, вместо того чтобы дать семь лир сдачи, хлестнул лошадь и ускакал, щелкая бичом, оглядываясь на нас и хохоча во всю глотку. Горький вы-

²³ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 372.

²⁴ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2012. Т. 15. С. 243–244.

²⁵ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 173.

тарашил глаза от восторга, поставил брови торчком, смеялся, хлопал себя по бокам и был несказанно счастлив до самого вечера»²⁶.

Рассматривая эту особенность Горького с разных сторон, в «Некрополе» Ходасевич попытался объяснить его страсть к обману: «Его воображение равно волновали и поэты, и ученые, и всякие прожектеры, и изобретатели — вплоть до изобретателей перпетуум мобиле. Сюда же примыкала его живая, как-то очень задорно и весело окрашенная любовь к людям, нарушающим или стремящимся нарушить заведенный в мире порядок. Диапазон этой любви, пожалуй, был еще шире: <...> от фокусников и шулеров, — до глубочайших социальных преобразователей»²⁷. Так Ходасевич пришел к тому, что любовь к обману была связана у Горького с трепетным отношением к мечте: «Способность человека осуществить надежду ценил он не высоко, но самая эта способность к мечте, дар мечты — приводили его в восторг и трепет»²⁸.

Горьковское поклонение обману и мечте Ходасевич осмыслил и через его произведения: художественное воплощение такая природа Горького обрела в пьесе «На дне», в которой Лука и Сатин явились проекциями самого автора: «Сквозь русское освободительное движение, а потом сквозь революцию он прошел возбуждателем и укрепителем мечты, Лукою, лукавым странником»; «Сатина из “На дне”, положительного героя и глашатая новой общественной правды, он не задумался сделать по роду занятий именно шулером»²⁹.

В качестве еще одной внутренней причины поклонения Горького обману и мечте Ходасевич указал «делание биографии»³⁰: «Совершая какой-нибудь поступок, который был ему не

²⁶ Там же. С. 170.

²⁷ Там же. С. 168.

²⁸ Там же. С. 166.

²⁹ Там же. С. 168.

³⁰ «Портрет Горького открывает альтернативную несимволистскую форму жизнетворчества и воспроизводит процесс стереоскопического взгляда Ходасевича» [Пер. мой. — Д.С.] (Brooks D. Vladislav Chodasevič's Necropolis: Writing lives in the city of the dead // Russian Literature. 2016. Vol. 83–84. P. 125).

по душе или шел вразрез с его совестью, или наоборот — воздерживаясь от того, что ему хотелось сделать или что совесть ему подсказывала, — он говорил с тоской, с гримасой, с досадливым пожиманием плеч: «Нельзя, биографию испортишь»³¹.

Были у Горького и внешние причины. По мнению Ходасевича, на писателя оказывалось влияние. В очерке «Горький» (1938) он приводит несколько историй, связанных с Е.П. Пешковой и М.И. Будберг. Влияние первой жены было политическим («В феврале 1925 года приехала Екатерина Павловна Пешкова. <...> С первого же дня ее пребывания начались в кабинете Алексея Максимовича какие-то долгие беседы, после которых он ходил словно на цыпочках и старался поменьше раскрывать рот»³²); влияние Будберг основывалось на выгоде («Он явно шел с властью на похабный мир, заключаемый по программе Мары: пока можно тянуть — жить за границей, а средства для жизни получать из России»³³).

Завершая свое «исследование» Горького, Ходасевич отметил, что любовь к обману и мечте оказались губительны: «Он стал рабом и льстецом. Его поставили в такое положение, что из писателя и друга писателей он превратился в надсмотрщика за ними. <...> Сознавал ли он весь трагизм этого — не решаюсь сказать. Вероятно — и да, и нет, и вероятно — поскольку сознавал, старался скрыть это от себя и от других при помощи новых иллюзий, новых возвышающих обманов, которые он так любил и которые в конце концов его погубили»³⁴. В этом отчасти злом, отчасти справедливом комментарии прослеживается ходасевичевское сочувствие.

При всей жесткости характеристик Ходасевича Горький, как представляется, был близким и дорогим ему человеком. В стихотворении «Соррентинские фотографии» (1925–1926), которое создавалось в момент «разрыва», появляется образ Горького. Сквозным сюжетом стихотворения является просмотр неудачных фотографий, которые получились из-за на-

³¹ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 180.

³² Там же. С. 367.

³³ Там же. С. 373.

³⁴ Там же. С. 375.

ложения кадров: «Порой фотограф-ротозей / Забудет снимкам счёт и плёнкам / И снимет парочку друзей, / На Капри, с беленьким козлёнком — / И тут же, плёнки не сменив, / Запечатлеет он залив / За пароходную кормю / И закопчёную трубу / С космью дымною на лбу. / Так сделал нынешней зимою / Один приятель мой. Пред ним / Смешались воды, люди, дым / На негативе помутнелом»³⁵. Ходасевич создает статичное, как на фотографии, зашифрованное в наслоившихся друг на друга негативах, не сразу уловимое лицо. Единственная деталь здесь (дымная косма на лбу) воспринимается как портретная. Можно предположить, что на фоне итальянского пейзажа, символически связанного в сознании русского человека с Горьким, зашифровано именно его лицо.

Появление портрета Горького не только в воспоминаниях, но и в поэзии Ходасевича периода эмиграции было закономерным. Во-первых, в «Соррентинских фотографиях» Ходасевичем осмысляется предреволюционное время, революция и самое начало эмиграции. Именно тогда произошло их знакомство, сложились доверительные отношения, именно в это время Ходасевич узнавал Горького, «вчитывался» в него. Горький был для него лицом эпохи. Во-вторых, на протяжении первых трех лет эмиграции Горький был его собеседником, сподвижником в журнальной деятельности, другом, с которым вечерами играли в бридж, пили чай, гуляли, обсуждали литературу, спорили. Эти два обстоятельства (Горький — лицо эпохи и Горький — значимая фигура в биографии Ходасевича) стали причиной того, что Ходасевич после прекращения общения продолжил узнавать, изучать, «развинчивать» Горького.

³⁵ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 8 т. М.: Русский путь, 2009. Т. 1. С. 173.

Список литературы

1. Вайнберг И.И. Берлинский журнал Горького «Беседа», его издатель С.Г. Каплун, поэт В.Ф. Ходасевич и другие // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Иерусалим, 1995. Т. 4: 1939–1960 гг. С. 187–207.
2. Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2012. Т. 15. 971 с.
3. Клинг О.А. Немецкий период А.М. Горького в реконструкции В.Ф. Ходасевича // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 170–178.
4. Луговская Д.А. История создания мемуаров В.Ф. Ходасевича о М. Горьком // Текстология и историко-литературный процесс. VII Международная конференция молодых исследователей: сборник статей. 2018. С. 128–142.
5. Ходасевич В.Ф. Камер-фурьерский журнал. М.: Эллис Лак, 2002. 477 с.
6. Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996–1997. Т. 2, 4.
7. Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 8 т. М.: Русский путь, 2009–2010. Т. 1, 2.
8. Черкасов В.А. Ходасевич, «Гулливер» и советский миф о Горьком // Литературный факт. 2018. № 7. С. 331–348.
9. Brooks D. Vladislav Chodasevič's Necropolis: Writing lives in the city of the dead // Russian Literature. 2016. No 83–84. P. 113–128.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-234-242>

<https://elibrary.ru/NHDYNY>

УДК 821.161.1.0+821.112.2.0

Научная статья / Research Article

This is an open access article

Distributed under the Creative Commons

Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

М. ГОРЬКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ПИСАТЕЛЬ ТЕОДОР ПЛИВЬЕ

© 2023 г. Л.В. Суматохина

Аннотация: В статье с привлечением материалов Архива А.М. Горького (ИМЛИ РАН, Москва) рассмотрен малоизвестный факт сотрудничества немецкого писателя Теодора Пливье в созданном М. Горьким журнале «Колхозник». Впервые приведены пометы Горького на машинописных рукописях рассказа Пливье «Исповедь» и фрагмента его романа «Кайзер ушел, генералы остались», хранящихся в Архиве Горького и напечатанных в журнале «Колхозник» под общим заголовком «Киль». Раскрыта история этой публикации, проанализирована ее композиция. Исправлены ошибки в датировке писем и комментариях к переписке Горького с В.Я. Зазубриным, допущенные в ее первой публикации.

Ключевые слова: М. Горький, Полное собрание сочинений, Т. Пливье, В.Я. Зазубрин, журнал «Колхозник».

Информация об авторе: Любовь Валерьевна Суматохина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: lsumatohina@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1803-616X>

Для цитирования: Суматохина Л.В. М. Горький и немецкий писатель Теодор Пливье // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 234–242. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-234-242>

**M. GORKY
AND THE GERMAN WRITER THEODOR PLIVIER**

© 2023. Lyubov V. Sumatokhina

Abstract: In the article, with the involvement of materials from the Archive of A.M. Gorky (IWL RAS, Moscow), the little-known fact of the collaboration of the German writer Theodor Plivier in the magazine "Kolkhoznik" created by M. Gorky is considered. For the first time, Gorky's notes are given on typewritten manuscripts of Plivier's story "Confession" and a fragment of his novel "The Kaiser is Gone, the Generals are left," stored in Gorky's Archive and printed in the Kolkhoznik magazine under the general heading "Kiel." The history of this publication is revealed, its composition is analyzed. Fixed errors in the dating of letters and comments on Gorky's correspondence with V.Ya. Zazubrin, admitted in the first publication.

Keywords: M. Gorky, Complete Works, T. Plivier, V.Ya. Zazubrin, Kolkhoznik magazine.

Information about the author: Lyubov V. Sumatokhina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: lsumatohina@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1803-616X>

For citation: Sumatokhina, L.V. "M. Gorky and the German Writer Theodor Plivier." *A.M. Gor'kii v Germanii: pisatel' i ego okruzhenie v sotsio-kul'turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 234–242. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-234-242>

Творчество немецкого писателя XX в. Теодора Пливье стало изучаться в нашей стране сравнительно недавно. Ему, в частности, посвящены работы А.В. Добряшкиной¹.

¹ Добряшкина А.В. «...Обязан Советскому Союзу»: Теодор Пливье в советской эмиграции (1934–1945) // Россия — Германия: литературные встречи (1880–1945). М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 423–450. Она же. Теодор Пливье // История литературы Германии XX века. Т. 1. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 865–883.

Теодор Пливье был в числе немецких писателей, эмигрировавших из Германии в СССР после прихода к власти Гитлера. Некоторые особенности его биографии дали повод называть его немецким Джеком Лондоном (в 16 лет ушел из семьи, странствовал, перепробовал много профессий). Известен он стал благодаря романам «Кули кайзера» и «Кайзер ушел, генералы остались», написанным на основе личного опыта — службы Пливье на германском флоте в годы Первой мировой войны и участия в событиях ноябрьской революции 1918 г. в Германии. Он был свидетелем и участником восстания матросов германского флота в октябре — ноябре 1918 г., расстрела демонстрации в Киле 3 ноября 1918 г. и написал об этих событиях в романе «Кайзер ушел, генералы остались». Оба названных выше романа были переведены на русский язык и изданы в Советском Союзе, первый из них в двух экземплярах имеется в Личной библиотеке Горького², с содержанием второго он был знаком — судя по пометам, о которых пойдет речь далее.

Теодор Пливье известен также романной трилогией о Второй мировой войне: «Сталинград», «Москва», «Берлин». Первый из этих романов был написан на документальном материале писем немецких солдат и офицеров. «Роман сразу стал бестселлером и был переведен на многие языки, исключая русский», его отличает, по словам А.В. Добряшкиной, «не типичный для эмигрантской литературы религиозный подтекст и экспрессионистская образность, превращающие документальное описание военных событий в роман-мистерию»³.

Когда в 1933 г. Гитлер пришел к власти в Германии, книги Теодора Пливье были запрещены и сожжены, поскольку содержали критику имперского военного флота. Писатель был вынужден эмигрировать.

² Личная библиотека А.М. Горького в Москве. Описание: в 2 кн. М.: Наука, 1981. № 2117, 7238.

³ Добряшкина А.В. Немецкие писатели в эмиграции (1933–1945) // Романо-германская филология в контексте науки и культуры: международн. сб. науч. статей. Новополюцк: ПГУ, 2013. С. 96.

За месяц до начала Первого съезда советских писателей Теодор Пливье приехал в СССР⁴. Он принял участие в работе съезда и выступил в прениях по докладу К.Б. Радека, уточнив и дополнив некоторые положения этого доклада о зарождении антивоенной темы в европейских литературах. В частности, о своем романе «Кули кайзера» он сказал: «Я посвятил эту книгу оправданному судом убийству кочегара Альвина Кобе и матроса Макса Рейхпича во время восстания матросов в германском флоте в 1917 г. <...> Я высказываю не только свое мнение, то и эта книга пригвоздила империалистическую войну к позорному столбу»⁵.

В своем выступлении на съезде Пливье выразил дорогую для Горького мысль о значении коллективной работы писателей: «Чтобы нанести решительный удар и поставить великий памятник всем павшим рабочим и крестьянам, который в то же время был бы призывом к трудящимся массам мира против войны и за революцию, — для этого нужен коллективный труд, и я первый выражаю желание принять участие в таком труде»⁶.

В заключительной речи на съезде Горький, обращаясь к зарубежным участникам, «отличным мастерам европейской литературы», предложил идею такой коллективной работы: «Не попробуют ли они дать книгу, которая изобразила бы день буржуазного мира?»⁷. Он также упомянул в своей речи Теодора Пливье в положительном контексте: «Нам неплохо удастся работа над объединением всех сил радикальной, антифашистской интеллигенции <...> Ромен Роллан, Андрэ Жид имеют законнейшее право именовать себя “инженерами душ”. Жан-Ришар Блок, Андрэ Мальро, Пливье, Арагон, Толлер, Бехер, Нексе — не стану перечислять всех, это — светлые имена исключительно талантливых людей, и все это — суровые судьбы буржуазии своих стран...»⁸.

⁴ В Ленинград приехал германский писатель Теодор Пливье // Правда. 1934. № 195. 17 июля. С. 6.

⁵ Первый всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М.: Гослитиздат, 1934. С. 363.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 677.

⁸ Там же. С. 678.

Скорее всего, Пливье был в числе иностранных писателей, участников съезда на встрече с ними Горького 22 или 23 августа 1934 г. (фотография напечатана в газете «Правда» 24 августа)⁹.

В эпистолярном наследии Горького имя Теодора Пливье упоминается в переписке с писателем В.Я. Зазубриным, который заведовал литературно-художественным отделом журнала «Колхозник». Журнал создан в 1934 г. по инициативе Горького, первый номер вышел в октябре 1934 г. Теодор Пливье стал одним из немногочисленных иностранных авторов этого журнала. 18 февраля 1935 г. он принял участие в организованной редколлегией «Колхозника» встрече писателей и ученых с делегатами II Всесоюзного съезда колхозников-ударников¹⁰.

Объяснить факт публикации произведений Пливье на страницах журнала «Колхозник» можно тем, что, с одной стороны, Пливье много печатался, и в разных изданиях. С другой стороны, представленный им материал соотносился с рядом публикаций о положении рабочих и крестьян за рубежом, а также статей исторического характера: К. Радек «Почему возникла война 1914 года?»; В.Хорватский «Версальский договор», «Положение крестьянства, сельского хозяйства и подготовка к войне в Германии»; рассказы А. Смедли; роман Л. Фейхтвангера «Семья Оппенгейм» и др.¹¹

В письме от 19 ноября 1934 г. Зазубрин обещал Горькому прислать «небольшой хороший рассказ Теодора Пливье — «Исповедь»»¹². Получив обещанное, Горький ответил 1 января 1935 г.: «Рассказ Пливье требует дополнения из его книги, нужно дать сцену в Киле». На первом листе рукописи, хранящейся в Архиве Горького, — его помета: «Идет, но не в данном виде.

⁹ Правда. 1934. № 233. 24 авг. С. 1.

¹⁰ Дельман. В гостях у писателей // Литературная газета. 1935. № 10. 20 февр. С. 1.

¹¹ Колхозник. 1934. № 1. С. 57–65, 78–89; 1935. № 6. С. 87–95; № 8. С. 80–91; 1936. № 11. С. 94–99.

¹² Архив А.М. Горького. М.: Наука, 1965. Т. 10: М. Горький и советская печать. Кн. 2. С. 400.

Необходимо ознакомить с книгой Пливье, взять из нее рассказ о событиях в Киле»¹³. Здесь Горький имел в виду роман Пливье «Кайзер ушел, генералы остались», в котором описано столкновение демонстрации матросов, требовавших освободить арестованных мятежников, с вооруженным патрулем; в результате расстрела безоружных демонстрантов погибло несколько человек, больше 20 были ранены.

В публикации переписки Горького с Зазубриным 1965 г. в «Архиве Горького» (т. X, кн. 2) допущена ошибка датировки (указан 1936 г.)¹⁴, исправленная нами при подготовке очередного тома писем Полного собрания сочинений Горького¹⁵, в том числе и при помощи этого небольшого сюжета: публикация Теодора Пливье под заголовком «Киль» появилась в журнале «Колхозник» в майском номере (№ 5) за 1935 г., что исключает возможность написания письма 1 января 1936 г.

Исправлены также неточности в комментариях: «Теодор Пливье <...> немецкий писатель. В начале своего творческого пути был связан с пролетарским движением. Впоследствии — политический ренегат. Рассказ “Исповедь” в “Колхознике” не печатался»¹⁶.

Следует пояснить выражение «политический ренегат». После Великой Отечественной войны, во время которой Пливье был в СССР, он переехал в советскую оккупационную зону, где участвовал в работе Культурбунда. Но в 1948 г. он перебрался в Западную Германию. С этого момента в советской прессе он упоминался исключительно как «ренегат».

Неверным в процитированном выше комментарии оказалось утверждение, что рассказ «Исповедь» в «Колхознике» не печатался. На самом деле указание Горького было выполнено в точности. В Архиве А.М. Горького (ИМЛИ РАН, Москва) имеются два варианта машинописи, на втором ва-

¹³ АГ. Рав-пГ 5-10-3.

¹⁴ Архив А.М. Горького. М.: Наука, 1965. Т. 10: М. Горький и советская печать. Кн. 2. С. 424–425.

¹⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 22. Кн. 2 (в печати).

¹⁶ Архив А.М. Горького. М.: Наука, 1965. Т. 10: М. Горький и советская печать. Кн. 2. С. 402.

рианте — редакторская помета: «Поправки А.М. перенесены. Н.Ч.»¹⁷.

Рассказ был напечатан в № 5 журнала «Колхозник» за 1935 г.¹⁸ Из публикации исчезло только заглавие «Исповедь», что и ввело в заблуждение наших предшественников. Рассказ был дополнен большим фрагментом третьей главы романа «Кайзер ушел, генералы остались» — повествованием о бунте на кораблях в Киле, аресте тысячи матросов и расстреле демонстрации, участники которой требовали освобождения арестованных.

Фрагмент романа и рассказ «Исповедь» были напечатаны под общим заголовком «Киль», с нумерацией римскими цифрами I и II. Такая композиция публикации подчеркнула связь между текстами и действительно позволила читателю понять, о чем идет речь в рассказе Пливе. Вероятно, общим заголовком и нумерацией члены редколлегии хотели подчеркнуть связь двух текстов.

На машинописи фрагмента под названием «Киль», хранящейся в Архиве Горького, — варианты заглавия или подзаголовка (один — рукой Зазубрина, другой — рукой неустановленного лица): «Два рассказа о расстрелянных и расстреливавших. Рассказ первый»; «Два рассказа об одном матросе». На ней также помета Горького: «Это — из его романа? Очень <сухо?> и мало понятно для нашего читателя. На летние книжки? Сократив <нрзб.>?»¹⁹. Помета, говорящая о том, что и этим вариантом писатель был не очень доволен. Тем не менее публикация состоялась.

Рассказ «Исповедь» действительно интересен и по стилю представляет собой более зрелый текст, чем фрагмент романа «Кайзер ушел, генералы остались», текст, написанный опытным литератором. В основе его, вероятно, реальный факт. Пливе описывает визит неизвестного ему человека, который

¹⁷ АГ. Рав-пГ 35-10-2. Н.Ч. — вероятно, Надежда Чертова, сибирская писательница, некоторое время работавшая в «Колхознике» редактором.

¹⁸ Пливе Теодор. Киль // Колхозник. 1935. № 5. С. 41–60.

¹⁹ АГ. Рав-пГ 35-10-4.

состоялся в Берлине незадолго до прихода Гитлера к власти. Посетитель говорит, что прочитал роман «Кайзер ушел, генералы остались», и признается, что был участником описанных событий, одним из молодых рекрутов в составе патруля, стрелявших в толпу по приказу своего командира. «Мой гость рассказывает мне обо всем <...>. Для него важно, чтобы я понял его настроения в то время: его патриотическое воспитание, многомесячную муштру в казармах, полную оторванность от растущего движения против войны»²⁰. Пытаясь убедить собеседника, что он тогда стрелял в воздух, бывший рекрут все же признается затем в убийстве матроса Шорша, о котором написано в романе Пливье, и говорит, что не может себе простить этого. Удивительно, что, сурово выслушав эту исповедь, писатель не исключает для своего посетителя возможности искупить вину, которая его мучает, исправить роковую ошибку неопытной молодости: «...Ты сделаешь все, что для тебя возможно сделать»²¹. Герой описывает потрясение, которое испытал от своего невольного преступления: «...Я ведь тоже один из них, <...> для меня дорога к ним теперь закрыта <...> товарищи будут считать меня отщепенцем, когда узнают о том, что я сделал. Правда, на следующий день нас поставили на суд совета матросских депутатов на “Нимфе”, но там все товарищи были очень добры к нам, и мы все радовались, что наконец-то идет революция»²².

Возможно, именно этот мотив в рассказе Пливье привлек внимание В.Я. Зазубрина, который сам много лет сталкивался с гонениями из-за факта своей недолгой службы в охранке по поручению подпольной организации. Он был исключен из партии, выброшен из журнала «Сибирские огни» и в 1930-е гг. задержался в литературе только благодаря Горькому²³.

«Исповедь» интересна и с другой стороны: герой рассказа — собеседник писателя, читатель его романа и в прошлом —

²⁰ Пливье Теодор. Киль // Колхозник. 1935. № 5. С. 55.

²¹ Там же. С. 60.

²² Там же. С. 59–60.

²³ Подробнее об этом см.: Суматохина Л.В. Горький и писатели Сибири. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 92–140.

участник описанных в нем событий. Интересная и не часто встречающаяся комбинация в традиционной реалистической прозе.

Публикация в «Колхознике» тоже получилась необычная: два текста одного автора как бы отражаются друг в друге, показывают одно историческое событие с разных сторон, дают объемную картину изображаемого.

Список литературы

1. *Добряшкина А.В.* Немецкие писатели в эмиграции (1933–1945) // Романо-германская филология в контексте науки и культуры: международн. сб. науч. статей. Новополюцк: ПГУ, 2013. С. 76–98.
2. *Добряшкина А.В.* «...Обязан Советскому Союзу»: Теодор Пливье в советской эмиграции (1934–1945) // Россия — Германия: литературные встречи (1880–1945). М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 423–450.
3. *Добряшкина А.В.* Теодор Пливье // История литературы Германии XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Т. 1. Кн. 2. С. 865–883.
4. *Личная библиотека А.М. Горького в Москве. Описание: в 2 кн.* М.: Наука, 1981.
5. *Архив А.М. Горького.* М.: Наука, 1965. Т. 10: М. Горький и советская печать. Кн. 2. 502 с.
6. *Первый всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет.* М.: Гослитиздат, 1934. 718 с.
7. *Пливье Т. Киль* // Колхозник. 1935. № 5. С. 41–60.
8. *Суматохина Л.В.* Горький и писатели Сибири. М.: ИНФРА-М, 2013. 235 с.

Глава 5

Восприятие художественных и эстетических идей А.М. Горького в Германии

МАКСИМ ГОРЬКИЙ КАК ГЕРОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ УТОПИИ ГЕОРГА ЛУКАЧА

© 2023 г. А.И. Жеребин

Аннотация: Статья содержит анализ рецепции творчества Максима Горького в философской эстетике Георга Лукача, крупнейшего представителя неомарксизма в культуре XX века. Теория социалистического реализма, создававшаяся Лукачем в 1930-е гг., в значительной степени опиралась на его интерпретацию произведений русского писателя. В статьях «Освободитель» и «Человеческая комедия предреволюционной России» Лукач подчеркивал ключевую роль Горького в истории современного искусства, видя в нем, с одной стороны, наследника классического реализма XIX века, с другой — завершителя авангардистского проекта.

Ключевые слова: реализм, роман, эпическая тотальность, богостроительство, утопия.

Информация об авторе: Алексей Иосифович Жеребин — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. р. Мойки, д. 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: kafedrazar-lit@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2216-6461>

Для цитирования: Жеребин А.И. Максим Горький как герой социально-эстетической утопии Георга Лукача // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 245–258. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-245-258>

MAXIM GORKY AS A HERO OF THE SOCIAL AND AESTHETIC UTOPIA OF GEORG LUKÁCS

© 2023. Alexey I. Zherebin

Abstract: The article contains an analysis of the reception of Maxim Gorky's work in the philosophical aesthetics of Georg Lukács, the largest representative of Neo-Marxism in the culture of the 20th century. The theory of socialist realism developed by Lukács in the 1930s relied heavily on his interpretation of Gorky's works. In the articles "The Liberator" and "The Human Comedy of Pre-Revolutionary Russia," Lukács emphasized Gorky's key role in the history of contemporary art, seeing him, on one hand, as the heir to classical realism of the 19th century, and on the other, as the finalist of the avant-garde project.

Keywords: realism, novel, epic totality, god-building, utopia.

Information about the author: Alexey I. Zherebin, DSc in Philology, Professor, Head of Department of Foreign Literature, Herzen State Pedagogical University, Moika Emb. 48, 191186 St. Petersburg, Russia.

E-mail: kafedrazar-lit@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2216-6461>

For citation: Zherebin, A.I. "Maxim Gorky as Hero of the Social and the Aesthetic Utopia of Georg Lukács." *A.M. Gor'kii v Germanii: pisatel' i ego okruzenie v sotsio-kul'turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 245–258 (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-245-258>

Особая роль русской литературы была осознана Лукачем задолго до его перехода к марксизму и эмиграции в СССР. В 1910-е гг. — время вступления Лукача в литературу — русская тема служила, как известно, предметом острых философских и эстетических дискуссий, в том числе в Германии и Австро-Венгрии¹.

¹ Леман Ю. Русская литература в Германии / пер. с нем. Н. Бахши, А. Жеребин. М.: Яск, 2018. С. 81–162. Дискуссии о русской культуре шли в интеллектуальных кружках Гейдельберга и Будапешта, которые Лу-

Участвуя в этих дискуссиях, Лукач уже в молодости приходит к убеждению, что русские писатели, прежде всего Толстой и Достоевский, завершают многовековую историю развития европейского романа — жанра, отразившего эпоху «трансцендентальной бесприютности»². Литература Запада, полагает Лукач, — не пошла дальше «романа разочарования»³. Она так прочно коренилась в создавших ее социальных структурах, что ускользнуть от них ей удавалось только в форме полемики⁴. Иначе было в России, где критика общества была развернута на фоне «первичного, органически-естественного состояния мира»⁵.

После Тургенева, «еще по-европейски разочарованного»⁶, Толстой создал форму романа, «активно перераставшего в эпопею»⁷, обещавшего прорыв в построманную эпоху новой трансцендентности. В истории жанров признаком этого прорыва является, по Лукачу, возрождение эпоса с присущей ему тотальностью картины мира, в истории реализма — опыт создания «положительной прозы»⁸, где человек больше своей со-

кач посещал в студенческие годы, развертывались на страницах периодических изданий, в одном из которых (выходившем под редакцией Макса Вебера), он рецензировал немецкие переводы сочинений Вл. Соловьева и книгу Томаша Масарика о русской религиозной философии: *Lukács G. [Rez.]. Th. G. Masarik. Zur russischen Geschichts- und Religionsphilosophie. 2 Bde. Jena: Eugen Diederichs, 1913. // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1914. Vol. 38, no. 3. S. 871–875; Lukács G. [Rez.]. W. Solovjeff. Die Rechtfertigung des Guten. Ausgewählte Werke. Bd. 1–2. Jena: Eugen Diederichs, 1916. // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1916. Vol. 42, no. 3. S. 978–980.*

² *Lukács G. Die Theorie des Romans. Ein geschichtsphilosophischer Versuch über die Formen der großen Epik. Berlin: Paus Cassirer, 1920. S. 24.* (Первая публикация: *Zeitschrift für Ästhetik und Allgemeine Kunstwissenschaft*, hrsg. von Max Dessoir, 1916). Ср. русский перевод: Опыт историко-философского исследования большой эпики / пер. с нем. Г. Бергельсон // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 19–78.

³ *Ibid.* S. 137.

⁴ *Ibid.* S. 158.

⁵ *Ibid.* S. 159.

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid.* S. 168.

⁸ У Лукача сказано «положительная форма»; формулу «положительная проза» использует в том же значении, что и Лукач, Н.Я. Берковский (О мировом значении русской литературы. Л.: Наука, 1975. С. 117).

циальной судьбы и меньше своей потенциальной человечности.

Докторская диссертация, задуманная Лукачем накануне Первой мировой войны, должна была называться «Этическое и эстетическое в творчестве Достоевского». Осуществлению этого плана помешала война. В 1915 г. Лукач был призван в армию, но успел написать вводную главу, которая вышла в свет в 1916 г. под названием «Теория романа. Опыт историко-философского анализа большой эпической формы». Это до сих пор одна из самых известных и читаемых работ Лукача. О Достоевском в ней говорится лишь в самом конце, в заключительном абзаце последнего раздела. «Достоевский принадлежит новому миру, — писал Лукач. — Стал ли он Гомером или Данте этого мира? Показать это сможет лишь анализ формы его произведений. И тогда можно будет понять, готовы ли мы выйти из состояния абсолютной греховности или <...> предвестия этого обновления еще столь слабы, что могут быть в любой момент задавлены бесплодными силами наличного бытия»⁹.

Впоследствии Лукач укрепляется в убеждении, что подлинным «прорывом в новую эпоху мировой культуры»¹⁰ следует считать не произведения Толстого и Достоевского, а творчество Максима Горького, «первого классика социалистического реализма»¹¹.

Эпическая тотальность

«Теория романа» представляла собой опыт введения русской темы в контекст идеалистической системы Гегеля. Целью и смыслом истории Гегель провозгласил окончательное возвращение мирового духа к самому себе и переход из царства необходимости в царство свободы. Философия истории Гегеля в полной мере отразилась в его теории эпоса, из которой Лукач усваивает идеал эпической тотальности бытия.

⁹ Lukács G. Die Theorie des Romans. S. 168.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Lukács G. Der russische Realismus in der Weltliteratur. Berlin: Aufbau-Verlag, 1952. S. 270.

Вслед за Гегелем Лукач исходит из того, что эпический человек не противопоставляет себя готовому, уже сложившемуся миропорядку, поскольку мир эпоса еще не отвердел в своих очертаниях и представляет собой бытие становящееся, творимое. В этом состоит принципиальное отличие эпоса от романа, эпического героя — от романного. Последнему остается с господствующим миропорядком либо примириться, либо вступить с ним в непримиримый конфликт, между тем как эпический герой осуществляет себя в незавершенной сфере возможного, в сфере героического житнетворчества. Отсюда его внутренняя свобода и достоинство, своеобразие его личности и величие его подвигов. Он — инициативный субъект жизни и вплетен в общую картину не как жертва действительности, а как ее соавтор. Свой жизненный мир он творит сам, вкладывая в него энергию своей воли и страсти, соперничая и сотрудничая с богами. Это и есть, по Гегелю, основа эпической тотальности: герой действует не обособленно, а исходя из чувства своей укорененности во всеобщем бытии целого, говоря словами Вл. Соловьева — в качестве «индивидуализированного образа всеединства, которое неделимо присутствует в каждой из своих индивидуализаций»¹².

В восприятии Лукача эстетика Гегеля давала все основания для того, чтобы «эпическая тотальность» могла мыслиться в проекции на будущее. Если у Бахтина предметом эпопеи служит «абсолютное прошлое», то для Лукача эпический образ строится в эсхатологической перспективе спасения, а тем самым и в зоне контакта с актуальной современностью, представляющей собой процесс зарождения будущего. Как и у Бахтина, роман представляется Лукачу жанром, находящимся в процессе непрерывной самокритики и трансформации, но, по Лукачу, результатом развития романа должна стать стадия синтеза, «обновленная форма эпопеи»¹³: «Путь начат, путешествие завершено»¹⁴. Разорванному герою бур-

¹² Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль. Т. 2. С. 533.

¹³ Lukács G. Die Theorie des Romans. S. 167.

¹⁴ Ibid. S. 66. Ср. Тиханов Г. Бахтин, Лукач и немецкий романтизм // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 3. С. 130.

жуазного романа предстоит стать гармоничным героем обн-новленного эпоса. Это произойдет, когда человек наших дней, искушенный всеми соблазнами индивидуалистического сознания, преодолет конфликт внутреннего и внешнего, идеального и реального в творческом акте реонтологизации своего «я».

Тотальность бытия, осмысленная как творческая задача преображения распавшегося мира, представляет собой тот жизненно-творческий принцип, который определил содержание интерферирующих вариантов модернистской утопии — не только символизма и авангарда, но и соцреализма в его лукачианской трактовке.

Разбитое зеркало

Гегель навсегда сохранил для Лукача актуальность как последний философ, утверждавший, что мир находится под управлением Логоса, а человек является субъектом разума. Процесс дальнейшей, постгегельянской секуляризации европейского сознания был исследован Лукачем в книге «Разрушение разума». Следствием этого процесса явилось, по Лукачу, убеждение в том, что миром движет не разум, а чисто материальные энергии. Провозглашенная Ницше смерть Бога означала вступление разума в зону бессилия. Разум начал восприниматься как генератор иллюзий, человек — как объект приложения материальных сил, которые манифестируются в нем в форме бессознательных, неконтролируемых разумом влечений.

Книга о разрушении разума была закончена в 1954 г., но продумывалась она давно, и мысли, в ней изложенные, давно служили для Лукача источником неприятия всех пост-реалистических течений и авторов, знаменовавших, по его мнению, кризис и упадок буржуазного реализма, будь то натуралистическая школа во Франции или немецкий экспрессионизм, Франц Кафка или Джеймс Джойс. По Лукачу, все они — испуганные свидетели и невольные участники процесса дегуманизации культуры. Их темы — отчуждение и отчаяние, дисгармония и абсурд, деградация и разрушение

личности; их поэтика — поэтика разбитого зеркала, способного отразить лишь бессвязные фрагменты ускользающей реальности¹⁵.

Образ разбитого зеркала содержит, конечно, намек на Стендаля. В «Красном и черном» Стендаль сравнивал писателя с путешественником, который идет по большой дороге с зеркалом; если зеркало отражает не только голубые небеса, но и дорожную грязь, то винить в этом следует не писателя и не зеркало. В конце XIX в. это сравнение прочно вошло в литературную критику; так, рецензент «Вестминстерского обозрения», восхищаясь реализмом Толстого, замечал: «Дорожной грязи он не боится, для него в ней отражается небо»¹⁶.

О том, что после Толстого зеркало разбилось, писал в 1908 г. Горький. В «Разрушении личности» читаем: «Писатель — это уже не зеркало мира, а маленький осколок; социальная амальгама стерта с него; валяясь в уличной пыли городов, оно не в силах отразить своими изломами великую жизнь мира и отражает обрывки уличной жизни, маленькие осколки разбитых душ»¹⁷. Цитируя Горького, Лукач особенно подчеркивает метафору «социальная амальгама»¹⁸. В зеркальном производстве амальгамой называлось напыление особого состава, увеличивающее отражающую способность стекла. У Горького, пишет Лукач, зеркало реализма снова «оцельняется», на него снова наносится социальная амальгама, и в этом Горький возвращается к традиции классического реализма.

Бальзак утверждал, что искусство писателя в том, чтобы подставить под внешние, эмпирические факты жизни глубокий причинно-следственный ряд, создать для них прочную логическую базу. Эту логическую базу повествования Бальзак называл «вымыслом», т. е. тем, что художник привносит от себя. Вымысел — это для Бальзака не игра воображения, а результат познавательной деятельности художника, работы его мысли,

¹⁵ Lukács G. Der russische Realismus in der Weltliteratur. S. 289–290.

¹⁶ Decker Cl. Victorian comment of russian realism // Publications of the Modern Language Association of America. 1937. No. 2. P. 545.

¹⁷ Горький М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 24. С. 68.

¹⁸ См. ссылку 15.

воплощенной в образном строе романа. Вымысел, так понимаемый, и превращает роман в правду, в творческую истину¹⁹.

Одно из самых выразительных высказываний Горького, подтверждающих связь его творчества с реализмом Бальзака, гласит: «Миф — это вымысел. Вымыслить значит извлечь из суммы реально данного основной смысл и воплотить в образ — так мы получаем реализм»²⁰. Но характер «вымысла», обеспечивающего реалистическую правду Горького, с бальзаковским, согласно Лукачу, не совпадает. У Горького есть решающее преимущество — марксистское мировоззрение. В отличие от Бальзака, Горький владеет научным знанием тех законов общественной жизни, которыми обусловлена психология и судьба его героев. Благодаря этому социальная амальгама реалистического зеркала у него качественнее, отражение в нем ярче и правдивее, жанровый «сдвиг в направлении эпоса»²¹ решительнее и убедительнее. Только Горькому удастся до конца реализовать ту принципиальную особенность русского романа, которую ранний Лукач искал у Толстого и Достоевского: человек в нем — не инертный наблюдатель кризиса культуры, не пассивная жертва этого кризиса, а деятельный субъект житнетворчества, чья «творческая дерзость» направлена на овладение всей полнотой бытия²².

¹⁹ См. об этом: Реизов Б.Г. Творчество Бальзака. Л.: ГИХЛ, 1939. С. 270. Книга Реизова представляла собой часть широко разветвленного «бальзаковского дискурса» в марксистском литературоведении 1930–1940-х гг. На значение художественного метода Бальзака для советской литературы прямо или косвенно указывали М.А. Лившиц («Художественный метод Бальзака»), В.Р. Гриб («Мировоззрение Бальзака», «Бальзак о судьбе личности в буржуазном обществе»), Д.Д. Обломиевский («Бальзак»). Лукач посвятил Бальзаку значительную часть своей книги «К истории реализма». (М.: Гослитиздат, 1939).

²⁰ Горький М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 27. С. 312.

²¹ Lukács G. Der historische Roman. Berlin: Aufbau-Verlag, 1955. S. 381.

²² Lukács G. Die Theorie des Romans. S. 36.

Под знаком богостроительства

Марксистский анализ поэтики Горького на фоне бальзаковского реализма был дан Лукачем в статье 1936 г. «Человеческая комедия предреволюционной России». Лукач приходит к выводу, что главной темой Горького была эмансипация личности, пафосом всего его творчества — гуманистический культ человека. Современный человек, герой «человеческой комедии» Горького, — как бы ни был он угнетен, обезличен или внутренне разорван — находится на переходе от прошлого к будущему. Его социальное и метафизическое одиночество воспринимаются читателями Горького как «одиночная камера», как тюрьма, которую ему предназначено вскоре взорвать²³. Именно этим «Дело Артамоновых», история упадка одной буржуазной семьи, принципиально отличается от «Будденброков» Томаса Манна, а «Жизнь Клима Самгина», история распада личности, — от судьбы «человека без сердцевины» в драмах Ибсена. Вот почему так дорог Лукачу роман «Мать», где униженный несправедливой жизнью человек не просто осознает трагедию своей неволи, но и вступает в борьбу, которая внушает ему «чувство гордости смыслом личного бытия»²⁴.

Если Бальзак рассказывал о том, как мучительно утрачиваются иллюзии, то Горький — о том, как мучительно формируются идеалы. Общий смысл произведений Бальзака — утраченные иллюзии, общий смысл произведений Горького — «оптимизм без иллюзий»²⁵, вера в жизнь и человека вопреки всему, что это веру разрушает.

В эпоху Лукача тема кризиса и возрождения гуманизма решалась по-разному. С.Л. Франк, опровергая «натуралистический» культ человека, иронизировал над Горьким: «И если такой полуобразованный эпигон профанного гуманизма, как Максим Горький мог еще недавно написать хвалебный гимн человеку и наивно восклицать: «Человек — “это звучит гор-

²³ Lukács G. Der russische Realismus in der Weltliteratur. Berlin: Aufbau-Verlag. S. 300.

²⁴ Горький М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 27. С. 338.

²⁵ Lukács G. Der russische Realismus in der Weltliteratur. S. 291.

до!” — то читателю мыслящему и образованному естественно противопоставить этому недоумение: почему именно должно “звучать гордо” имя существа, принципиально не отличающегося от обезьяны, существа, которое есть не что иное, как продукт и орудие слепых сил природы?»²⁶. По мысли Франка, подмена христианской веры в абсолютную личность Христа суррогатом веры в грядущего сверхчеловека сближает Горького с Ницше. Подлинное же преодоление кризиса современной культуры невозможно иначе, чем через возврат к ее религиозным корням.

Но был и другой путь возрождения гуманизма — не отказ от материалистического мировоззрения, а его углубление на основе атеистической трансформации первоначального религиозного импульса. Этот путь складывался на орбите русского космизма, в частности в неомарксистской философии богостроительства²⁷.

Почему человек модерна перестает быть инициативным субъектом жизнетворчества и хозяином своей судьбы? Согласно теории богостроительства, это происходит не потому, что процесс секуляризации сознания зашел слишком далеко, а потому, что он еще не завершился. Он завершится, когда будет осознано, что между разумом и миром нет онтологического разрыва, человеческий разум — это продукт материальной природы, он призван проникнуть ее насквозь и стать ее властелином, ее богом-творцом в лице божественно совершенного человека. Так марксизм был провозглашен высшей формой религии, социализм — высшей стадией духовной развития человечества.

Горькому эта логика была, как известно, близка. В повести «Исповедь» (1907–1908) социалистический коллектив мыслится им по модели первоначальной церкви, где церковь — не институт, который удерживает верующих авторитетом и духовным принуждением, а живое внутреннее единство всех и

²⁶ Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 415.

²⁷ См.: Гройс Б. Русский космизм. Антология. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 6–29.

каждого, кто творит в себе «Бога красоты и разума, справедливости и любви»²⁸.

Одним из свидетельств того, что идеи богостроительства сохраняли для Горького свое значение и после революции, служит его доклад «Советская литература» на Первом съезде советских писателей в августе 1934 г. — текст, который Лукач многократно и сочувственно цитирует. Центральный тезис горьковского выступления заключался в том, что соцреализм предполагает создание образов творимой жизни и человека-творца, богоравного, как герои античного эпоса. Геркулес, говорил Горький, — это «герой труда», и то, что в конце концов он был возведен на Олимп, в мир богов, можно представлять себе как своего рода модель героического мифа²⁹. Возродить его на новом этапе истории и предстоит советской литературе. Миф же не знает границы между *praxis* и *poiesis*, между прозой жизни и поэзией мысли. Это очень близко к программе создания «обновленной формы эпоса», намеченной Лукачем еще в «Теории романа».

В статье «Освободитель» (1936), также всецело посвященной Горькому, Лукач начинает с «рискованного» (по собственному его замечанию) сравнения Горького с Гете: подобно Гете, Горький был для своих младших современников не мэтром, а освободителем³⁰. Он учил не законам литературного мастерства, а тому, как делать искусство из жизни, а жизнь претворять в совершенное произведение искусства. Искусство соцреализма должно стать властью, преобразующей человека, слово художника будет плотью нового мира. Таков, по мысли Лукача, смысл эстетического переворота, предначертанного Максимом Горьким. Его творчество, овеянное тем же духом утопии спасения, что и авангардистский проект, этот проект, как представлялось Лукачу, завершило. Актом завершения оно

²⁸ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1971. Т. 9. С. 341. Ср.: Полонский В.В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков. История, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 70–72.

²⁹ Горький М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 27. С. 300.

³⁰ Lukács G. Der russische Realismus in der Weltliteratur. Berlin: Aufbau-Verlag, 1952. S. 261–262.

явилось потому, что авангардистскому разрыву с наследием буржуазного гуманизма и традицией классического реализма XIX в. Горький противопоставил принцип их диалектического «снятия».

Верность своей теории соцреализма — теории, которую он создавал с опорой на Горького, — Лукач сохранил до конца жизни. Ни художественная слабость позднейших произведений советской литературы, ни идеологические споры марксистов, начавшиеся после смерти Сталина, на его эстетическую позицию почти не повлияли. Венгерское восстание 1956 г. Лукач поддержал, но теория «реализма без берегов» казалась ему изменой. Возможным объяснением его твердости мог бы служить постмодернистский принцип «*praesentia-in-absentia*»³¹, сформулированный в конце 1970-х гг., через несколько лет после смерти Лукача, Жаном Бодрийяром: «Нельзя желать отбросить видимости, потому что тогда моментально обнаружится отсутствие истины. Или отсутствие Бога. Или отсутствие Революции. Жизнь Революции поддерживается только идеей о том, что ей противостоит все и вся, в особенности же ее идейный двойник — сталинизм. Сталинизм бессмертен: его присутствие всегда будет необходимым, чтобы скрывать факт отсутствия Революции, истины Революции — тем самым он возрождает нашу на нее надежду»³².

Список литературы

1. Берковский Н.Я. О мировом значении русской литературы. Л.: Наука, 1975. 184 с.
2. Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с франц. А. Гараджи. М.: Ad Marginem, 2000. 317 с.
3. Горький М. Заключительная речь на Первом всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 года. // Горький М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 27. С. 337–354.

³¹ Smirnov I. Absentia-in Praesentia; Praesentia-in Absentia; Praesentia (Drei Epochen der neuesten Ideengeschichte) // Wiener Slavistischer Almanach, 76 (2015). S. 171–180.

³² Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи. М.: Ad Marginem, 2000. С. 115.

4. Горький М. Исповедь // Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1971. Т. 9. С. 217–390.
5. Горький М. Разрушение личности // Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1971. Т. 9. С. 26–79.
6. Горький М. Советская литература. Доклад на Первом всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 года // Горький М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 27. С. 298–333.
7. Гройс Б. Русский космизм: биополитика бессмертия // Гройс Б. Русский космизм. Антология. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 6–29.
8. Леман Ю. Восприятие русской литературы между 1885 и 1918 годами // Леман Ю. Русская литература в Германии / пер. с нем. Н. Бахши, А. Жеребин. М.: Яск, 2018. С. 81–162.
9. Реизов Б.Г. Творчество Бальзака. М.: ГИХЛ, 1939. 412 с.
10. Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев Вл. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 493–547.
11. Тиханов Г. Бахтин, Лукач и немецкий романтизм // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 3. С. 117–142.
12. Франк С.Л. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии // Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 405–470.
13. Decker Cl. Victorian comment of russian realism // Publications of the Modern Language Association of America, no. 2, 1937, pp. 502–555.
14. Gerigk H.-J. Georg Lukacs und Hegel. Anmerkungen zur «Theorie des Romans». Heidelberg: Mattes Verlag Publ., 2018. 46 S.
15. Lukács G. Der Briefwechsel zwischen Anna Seghers und Georg Lukács, Probleme des Realismus. // Lukács G. Probleme des Realismus. Berlin: Aufbau-Verlag Publ., 1955, S. 241–270.
16. Lukács G. Der historische Roman. Berlin: Aufbau-Verlag Publ., 1955. 395 S.
17. Lukács G. Der russische Realismus in der Weltliteratur. Berlin: Aufbau-Verlag Publ., 1952, S. 261–309.
18. Lukács G. Die Theorie des Romans. Ein geschichtsphilosophischer Versuch über die Formen der großen Epik. Berlin: Paus Cassirer Publ., 1920. 544 S.
19. Lukács G. [Rez.]. Th. G. Massarik. Zur russischen Geschichts- und Religionsphilosophie. 2 Bde. Jena: Eugen Diederichs, 1913 // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1914. Vol. 38, no. 3. S. 871–875.

20. *Lukács G.* [Rez.]. W. Solovjeff. Die Rechtfertigung des Guten. Ausgewählte Werke. Bd. 1–2. Jena: Eugen Diederichs, 1916 // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1916. Vol. 42, no. 3. S. 978–980.
21. *Smirnov I.* Absentia-in Praesentia; Praesentia-in Absentia; Praesentia (Drei Epochen der neuesten Ideengeschichte) // Wiener Slavistischer Almanach. 2015. No. 76. S. 171–180.

ВОСПРИЯТИЕ ПОВЕСТИ М. ГОРЬКОГО «МАТЬ» В ГЕРМАНИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

© 2023 г. Ю.М. Егорова

Аннотация: Цель настоящей работы заключается в том, чтобы ввести в научный оборот малоизвестные отзывы немецкой прессы и цезуры, а также мнения представителей общественности и литературных кругов на выход первой редакции повести М. Горького «Мать» в Германии. Это государство стало вторым после США, где было опубликовано произведение. В отличие от англоязычного перевода книги, немецкая версия сразу вышла отдельным изданием. Первые отклики появились в ряде передовых изданий спустя несколько месяцев. Стоит отметить, что именно в Германии «Мать» попала под контроль иностранной цензуры, которая усмотрела в книге призыв к анархии и свержению самодержавия, за чем последовал запрет повести к печати и подвержен судебным преследованиям ее автор. Вслед за докладом немецкого цензора аналогичную резолюцию дала и русская цензура.

Ключевые слова: Горький, повесть «Мать», немецкие отзывы, иностранная цензура.

Информация об авторе: Юлия Михайловна Егорова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: fram1976@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6037-0466>

Для цитирования: Егорова Ю.М. Восприятие повести М. Горького «Мать» в Германии первой трети XX века // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 259–270. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-259-270>

PERCEPTION OF M. GORKY'S STORY «MOTHER» IN GERMANY OF THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY

© 2023. Yuliya M. Egorova

Abstract: The purpose of this work is to introduce into scientific circulation little-known reviews of the German press and censura, as well as the opinions of members of the public and literary circles on the release of the first edition of M. Gorky's story "Mother" in Germany. This state became the second after the USA, where the work was published. Unlike the English translation of the book, the German version was immediately published as a separate edition. The first responses appeared in a number of leading publications a few months later. It is worth noting that it was in Germany that "Mother" fell under the control of foreign censorship, which saw in the book a call for anarchy and the overthrow of the autocracy, followed by a ban on the story for publication and its author is subject to prosecution. Following the report of the German censor, the Russian censorship issued a similar resolution.

Keywords: Gorky, story "Mother," German reviews, foreign censorship.

Information about the author: Yuliya M. Egorova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: fram1976@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6037-0466>

For citation: Egorova, Y.M. "Perception of M. Gorky's Story 'Mother' in Germany of the First Third of the XX Century." *A.M. Gor'kii v Germanii: pisatel' i ego okruzhenie v sotsio-kul'turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 259-270. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-259-270>

История создания этого произведения складывалась таким образом, что первая часть первой редакции повести М. Горького «Мать» увидела свет в Америке. Согласно договору с книгоиздательской компанией «D. Appleton and Co», ан-

глаголы перевод книги печатался не целиком, а отдельными главами в виде фельетонов в литературном журнале «Appleton's Magazine» в восьмой книге за 1906 г.¹ и девятой, мартовской, — за 1907-й². Реакция американской литературной критики не заставила себя долго ждать: первые отклики появились в прессе уже в середине апреля 1907 года. В первую очередь рецензиями и обзорами отозвались такие крупные центральные издания, как газеты *New York Times*³ и *Independent American*⁴, журналы *Outlook*⁵, *Nation*⁶, *American Monthly Review of Review*⁷ и многие др. Вышедшие на английском языке, они по понятным причинам довольно продолжительное время оставались практически неизвестными и недоступными в России. Интерес к книге Горького в Америке подхлестнуло и напечатанное в той же книгоиздательской компании отдельное издание повести. Ее англоязычная версия вышла в апреле 1907 г. сразу после окончания публикации в журнале «Appleton's Magazine» в конце марта.

Общее восприятие книги центральной американской прессой имеет, на наш взгляд, несколько тональностей: авторы большинства из представленных откликов склонны видеть тему высокой роли материнства и духовного возрождения женщины превалирующей, остальные придерживались мнения, что повесть имеет социальный характер. По мнению некоторых критиков, центральной выводится тема становления и развития революционного движения среди рабочих. Всего в двух рецензиях авторы указали на то, что повесть помогла им создать законченный образ русского человека с характеризующими его национальными чертами. Несмотря на различие

¹ Gorky M. Mother. D. Appleton's Magazine. New York. Volume VIII. July-December, 1906. P. 720–736.

² Gorky M. Mother. D. Appleton's Magazine. New York, 1907, January-June, vol. XIX. P. 85–99, 205–218, 320–335, 449–467, 622–639, 752–768. (Ил. С. Ивановского).

³ New York Times. 1907. Vol. 12, April 27. P. 272; May 25. P. 333.

⁴ Independent. 1907. July 18. P. 159–160.

⁵ Outlook. 1907. Vol. 86. June 7. P. 254.

⁶ Nation. 1907. Vol. 84. № 2189. June 13. P. 544.

⁷ American Monthly Review of Review. 1907. Vol. 35. June. P. 763, 764.

мнений, в одном рецензенты всё же выразили единодушие: повесть «Мать» не является книгой для «легкого чтения» и заслуживает самого пристального внимания и глубокого изучения. Практически все отметили, что эта книга стала большим шагом вперед по сравнению с прежними произведениями Горького. В целом можно говорить о том, что в Америке к произведению отнеслись доброжелательно⁸.

О том, что Горький с волнением ждал реакцию американской литературной критики и массового читателя, свидетельствует его письмо М. Хилквиту от 21 мая (3 июня) 1907 г.: «Если Вам не трудно — то когда появятся отзывы о моей книге, соберите их через бюро и пошлите по адресу Ладыжникова в Берлин. А лучше всего — пусть это сделает само бюро»⁹.

Второй страной, где была опубликована повесть «Мать» вскоре после дебюта в США, стала Германия. В отличие от американской англоязычной версии, здесь она сразу вышла отдельным изданием на русском и немецком языках в июне 1907 г. в берлинском издательстве И.П. Ладыжникова¹⁰. Несколькими годами позже, в 1908 и 1912 гг., Ладыжников выпустил второе и третье издания произведения на русском языке. Первый отзыв о книге появился три месяца спустя в газете Социал-демократической партии Германии «Vorwärts» (1907. № 199. 12 окт.).

Следом за этой публикацией на появление повести «Мать» в Германии откликнулись супруги Каутские. В своих воспоминаниях М.Ф. Андреева упомянула об очень теплом дружеском письме, написанном ей Луизой Каутской 1(14) но-

⁸ Подробнее см.: Егорова Ю.М. Эта книга полностью заслуживает своё священное заглавие: первые отзывы американской прессы на выход ранней редакции повести М. Горького «Мать» // Максим Горький. Парадигмы философских и художественных поисков XX–XXI вв. Горьковские чтения–2022. Материалы XI Международной научной конференции. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 188–194.

⁹ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2000. Т. 6. С. 51.

¹⁰ Максим Горький. Мать. Berlin. Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren. I. Ladyschnikow, 1907.

ября 1907 года: «Мы получили несколько дней назад книгу <“Мать”. — Ю.Е.> с посвящением, написанным рукой Горького, и Вашим переводом его слов, которые прозвучали для нас как привет издалека. <...> Сейчас, когда читаешь всю целиком, она производит еще большее впечатление. <...>

Лично я отношу эту книгу к числу самых прекрасных произведений Горького. Она пронизана благородной внутренней теплотой, которая проникает в сердце и зажигает в нем огонь, горящий еще долго после того, как отложишь книгу. Чувствуется, что автор писал ее кровью сердца. Он неотделим от своих героев. Какие правдивые, искренние люди встают с каждой страницы. Как любишь эту мать, радуешься и страдаешь вместе с ней и все больше и больше уважаешь ее. А этот прекрасный сын! Каких друзей приобретаешь, читая эту чудесную книгу. Скажите Вашему Алексею, как я благодарна ему за наслаждение. Вероятно, уже многие тысячи говорили ему и писали об этом. Но всё же я надеюсь, что и мой восторг принесет ему радость»¹¹.

На следующий день смущенному от трогательной похвалы Горькому пришло письмо от самого К. Каутского. Разделяя восторг своей жены, немецкий историк, публицист, экономист и политик социал-демократического направления писал: «...Я получил Вашу книгу с Вашим посвящением <...>. Она доставила мне столько радости и внушила мне чувство гордости! <...> Ваши произведения стали для меня гораздо большим, чем просто беллетристика. Они доставляют мне не только эстетическое удовольствие, но обогащают меня знаниями; они показывают мне не только человеческие судьбы, которые потрясают или возвышают, но и дают мне представление о чужих социальных условиях; сила и художественная выразительность писателя позволяют мне так глубоко проникнуть в эти условия, будто я сам в них жил. Для понимания эпохи и народа гораздо существеннее, чем описания историков или статистиков, картины, созданные великими поэтами, они дают нам представ-

¹¹ Андреева М.Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М.: Искусство, 1968. С. 157–158.

ление о тех неуловимых, зависимых от материальных условий факторах, которые невозможно охватить <...> если <...> мне удалось в какой-то мере понять русские дела, то этим я обязан <...> Толстому и Вам. <...> Ваши работы учат меня понимать Россию, которая будет; понять те силы, которые вынашивают новую Россию. За это я в высшей степени Вам благодарен.

Вы научили меня понимать эти силы в их страдании, их брожении и стремлении. Вы показываете их сейчас в их борьбе и возмущении, — пусть будет Вам дано показать в ближайшее время их победу...»¹².

Вскоре после восторженного отклика четы Каутских Горький получил около десятка хвалебных статей и рецензий немецких журналов и газет. Судя по переписке с К.П. Пятницким, Р.П. Аврамовым и М. Хилквитом от середины ноября 1907 г., писатель остался доволен тем, как приняли повесть в Германии: «Посылаю заметку одной местной газеты обо мне. Отзывы немецких газет о “Матери” удивительно хвалебны», — сообщил он Пятницкому; «Спасибо за отзывы газет о “Матери”, сообщенные Вами, — благодарил Горький в письме болгарского журналиста и переводчика Аврамова. — Очень удивлен, ей-Богу! В России “Мать” не имеет успеха, для меня это доказательство того, что мы и в идейных, и в эстетических запросах опередили немцев. Bravo!»; «...За последнее время, очевидно, ввиду успеха, который книга имеет в Германии и во Франции, несколько издателей из Лондона спрашивают у меня разрешение перевести “Мать”, — известил он М. Хилквита¹³.

Весной 1908 г. Ладыжников отправил Горькому номер журнала «Der Kampf» со статьей Отто Уитнера (Otto Wittner) «Максим Горький и его социальный роман» (*Maxim Gorki und sein sozialer Roman*), посвященной творчеству писателя и его повести «Мать». Автор эссе, в частности, указал на то, что Горький, как и его творчество, «переросли пролетариат», что характеризует его как новатора. Будучи пролетарием по духу, став писателем, он остался пролетарием в своих чув-

¹² Архив Горького. КГ-ин-Г-2-35-2. Далее — АГ.

¹³ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2000. Т. 6. С. 104, 110, 111.

ствах. Критика, с которой Горький обрушивается в своих произведениях на буржуазное общество, уверен О. Уитнер, пронизана этим внутренним самоощущением, что делает неразрывным автора с его творчеством и воспринимается читателем как единое целое. Никто так не призван и не избран, как Горький, быть прообразом тех великих социальных потрясений, которые ныне переделывают старую Россию. Далее Уитнер перенес свои размышления на повесть «Мать», посвященную русскому рабочему движению. «Здесь уже нет ни грандиозных пейзажей ранних рассказов писателя, ни тех мощных описаний, в которых, кажется, пульсирует рабочая мелодия самого современного машинного века. <...> Он должен воспитывать людей. Он ведет нас в гущу суеты заводской слободки, в пределы пролетарского квартала, где наиболее беспокойно и уныло, — продолжает Уитнер. — И здесь он показывает нам, как из мелких водоворотов и сгустков возникает могучий поток современного рабочего движения»¹⁴. Размышляя о главном герое произведения, Уитнер с уверенностью заключил: «...Боец Павел Власов не является героем этой жизненной книги, в чем и проявляется поэтическая творческая сила Горького»¹⁵. По мнению эссеиста, главная героиня «...Это мать Павла Власова, которая благодаря действиям сына постепенно превращается в убежденную социалистку». Уитнер выразил восхищение тем, «как выпрямляется эта женская душа, эта бедная, маленькая, сторбленная, смиренная душа, пораженная теплотой новой цели жизни; как постепенно приходит к этой избитой, усталой, преждевременно увядшей женщине вера. Сначала она не совсем понимает, чего хотят эти люди, и только с горечью чувствует, что между нею и ее единственным любимым сыном появилось нечто, разделяющее их. Ниловна видит наивным взглядом простолюдинки, насколько друзья ее сына хорошие, веселые, простые люди: люди, способные страдать. Героиня интуитивно чувствует, что на-

¹⁴ Otto Wittner. *Maxim Gorki und sein sozialer Roman // Der Kampf*. Oktober 1907 bis September 1908. Wien 1908. P. 378–380.

¹⁵ Там же. С. 380.

чатое ими дело, стремления и помыслы должны быть также хороши»¹⁶.

Дав в письме оценку этой публикации, Ладыжников резюмировал: «Статья верно передает отношение немецких товарищей к повести. Как это ни странно, но у этих товарищей взгляд на дело гораздо шире и правильное, и научнее, чем у русских...»¹⁷.

Насколько можно судить по приведенным источникам, повесть Горького «Мать» была одинаково благосклонно встречена как в Соединенных Штатах, так и в Германии. Тональность отзывов центральных изданий обеих стран практически совпадали. Литературные критики и публицисты сходились во мнении, что произведение посвящено в большей степени духовному возрождению женщины и становлению ее как личности, а также святой сущности материнства. Во вторую очередь ими отмечалось социальное значение повести, в которой нашли отражение общественно-политические процессы России начала XX в. и показано зарождение революционного движения в стране.

На протяжении еще многих лет Горький получал письма из Германии, в которых немецкие читатели выражали свое восторженное отношение к повести: «Я прочитала Вашу повесть “Мать”, которая произвела на меня глубокое впечатление, — писала Лени Мюллер из Дуинсбурга. — Это заставляет меня писать Вам. Нигде, ни в одной книге, я не встречала такой любви к людям! <...> Прежде всего я поняла, что каждый может служить большому делу, если стремится к тому, чтобы служить людям, человечеству!»¹⁸. В благодарность за присланный Горьким том «Матери» Мари Дейтч выразила свое восторженное отношение к книге: «...Вчера, к моему великому удивлению, я получила Ваше прекрасное произведение о Матери. <...> Я так счастлива обладать этой особой <...> книгой»¹⁹. Некоторые из адресатов, как, например, Марианна Ниенхаус, предлагала свои услуги по

¹⁶ Там же.

¹⁷ АГ. КГ-п-42-1-1.

¹⁸ АГ. КГ-инГ-3-33-1.

¹⁹ АГ. КГ-инГ-1-64-2.

переводу повести или иллюстрированию ее будущих изданий: «Когда я впервые <...> прочитала Вашу повесть “Мать”, то после первых же страниц почувствовала, что хочу и должна ее иллюстрировать! Это было почти стихийное чувство!»²⁰.

Однако далеко не все разделяли восторженных мнений о книге. Вскоре после выхода повести в Германии на нее обратила внимание иностранная цензура, которая придерживалась иных взглядов, отличных от благодушных откликов прессы и частных лиц. Под ее контроль попали не только печатавшиеся в России произведения «сомнительного содержания, подрывавшие устои самодержавия», но и зарубежные издания русских авторов на родном и иностранных языках. Списки «неблагонадежных» оказались довольно внушительными. Имя Горького значилось в них в числе первых и числилось там с 1901 вплоть до 1916 г., поскольку в Европе выходило большое количество его произведений, которые пользовались огромной популярностью в широких читательских кругах. Помимо повести «Мать» цензурной критике подверглись «Песня о Соколе» (1895), «Заметки о мещанстве» (1905), пьеса «Враги» (1906), очерк «9 января» (1907) и многие др. Повышенное внимание со стороны иностранной цензуры к произведениям Горького наблюдалось в Европе в первые годы XX в. по двум причинам: во-первых, в это время отмечался всплеск небывалого интереса к молодому пролетарскому писателю, внесшему в русскую литературу живую и самобытную струю, а во-вторых, произведения, которые потенциально могла запретить русская цензура, как правило печатались за рубежом.

Возвращаясь к истории покорения повестью «Мать» Германии, стоит отметить, что именно в этой стране появился первый цензорский доклад, написанный о книге М. Горького «Die Mutter» бароном В.А. Каульбарсом, — *Einzig autorisierte Obersetzung von Adolf Hess* [«Мать». Единственный авторизованный перевод А. Гесце], Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren J. Ladyschnikow, Berlin. В служебном документе от

²⁰ АГ. КГ-инГ-3-38-1.

2 октября 1907 г. он изложил свои доводы и замечания, суть которых сводилась к следующему:

«Настоящее произведение Горького есть апология движения в народ для проповеди социализма и анархии. В книге сопоставляется незаурядный отец, который, не находя удовлетворения в серой жизни рабочего, спивается, тогда как его сын Павел все свои душевные силы отдает делу раскрепощения рабочих и крестьян. Сын увлекает в конце концов на пропаганду и свою мать, которая из тихой, богобоязненной женщины делается “сознательной”, занимается пропагандой и тогда только начинает постигать цель и настоящий смысл жизни. Все действия революционеров рисуются, как верх благородства и геройства; полиция же и жандармы все время бьют и истязают связанных арестантов. Для суждения об общем направлении книги приведу следующие места: на стр. 48 на вопрос, правда ли, что социалисты убили государя, следует ответ: “Нам, социалистам, это было не нужно”. На стр. 155 рекомендуется вооружить сначала головы пролетариата, а потом уже руки. На стр. 182–183 герой романа находит, что можно убить разбойника, но убивать шпиона слишком противно, на что получается возражение, что по чувству долга приходится иногда убить и шпиона. На стр. 378: “Что это за царь, который сдирает последнюю рубашку со своих подданных”. На стр. 386 рекомендуются политические убийства. На стр. 444 герой романа говорит: “Я должен заявить, что царь не единственная цепь, связывающая народ, он только первое и ближайшее звено, от которого надо освободить народ”. В том же духе вся книга стр.: 22, 25, 34, 43, 48, 51, 64, 77, 78, 79, 80, 81, 99, 101, 102, 124, 125, 142, 147, 155, 158, 159, 182, 183, 184, 190, 198, 200, 222, 223, 276, 277, 356, 357, 380, 444, 445, 446, 448, 451, 458, 460.

Полагаю книгу запретить.

Резолюция: “Запретить и не выдавать”»²¹.

В отличие от первых откликов американской и немецкой прессы, назвавших главной мыслью произведения рост ду-

²¹ ЦГИА. Архив внутренней политики, культуры и быта Ленинградского отделения. Фонд Центрального комитета иностранной цензуры. Рапорты за 1907 г. № 7875.

ховного самосознания женщины и ее святой миссии материнства, цензор заострил внимание не столько на социальном характере повести, сколько на опасной для царского режима «проповеди социализма и анархии» среди народа и на призыве к свержению самодержавия. Этого вывода было вполне достаточно для того, чтобы запретить книгу к печати и подвергнуть преследованию ее автора. Значимость остальных поднятых в повести проблем уже не играла никакой роли.

Подводя итоги, следует отметить, что в целом «Мать» Горького была встречена в Германии, как, впрочем, и в Соединенных Штатах, более благосклонно, нежели в России. Вероятно, это объясняется тем, что в вышеназванных странах отношение к Горькому и его творчеству было равным и беспристрастным, его имя не возносили, но и не порицали с такой силой, как на родине. Другая причина, возможно, кроется в том, что за рубежом в те годы была иная общественно-политическая обстановка, не наблюдалось такого роста революционных настроений и не происходило событий такого масштаба, как в России.

Список литературы

1. Андреева М.Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М.: Искусство, 1968. С. 157–158.
2. Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. Москва. Архив Горького.
3. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2000. Т. 6.
4. Егорова Ю.М. Эта книга полностью заслуживает своё священное заглавие: первые отзывы американской прессы на выход ранней редакции повести М. Горького «Мать» // Максим Горький. Парадигмы философских и художественных поисков XX–XXI вв. Горьковские чтения–2022. Материалы XL Международной научной конференции. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 188–194.
5. ЦГИА. Архив внутренней политики, культуры и быта Ленинградского отделения. Фонд Центрального комитета иностранной цензуры. Рапорты за 1907 г. № 7875.
6. Gorky M. Mother. D. Appleton's Magazine. New York. 1906. July–December, vol. VIII. P. 720–736.

7. *Gorky M. Mother*. D. Appleton's Magazine. New York. 1907, January-June, vol. XIX. P. 85–99, 205–218, 320–335, 449–467, 622–639, 752–768.
8. *Otto Wittner*. Maxim Gorki und sein sozialer Roman // Der Kampf. Oktober 1907 bis September 1908. Wien, 1908. P. 378–380.

ВЕЧНЫЕ ТЕМЫ И РАЗНЫЕ ЭПОХИ: ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ «МАТЕРИ» ГОРЬКОГО ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ С Б. БРЕХТОМ

© 2023 г. М.В. Ромашкина

Статья подготовлена в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 21-18-00131 «А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве»).

Аннотация: Роман М. Горького «Мать», впервые опубликованный в 1906 г. в США на английском языке, на русском языке становится доступным читателю только в 1907 г. В 1917 г. издательство «Жизнь и знание», завершая начатое издательством (товариществом) «Знание» первое собрание сочинений М. Горького, впервые публикует роман «Мать» без купюр. Спустя десятилетие, в 1930–1932 гг., немецкий поэт, драматург и общественный деятель Бертольд Брехт для театра Комедии создает пьесу, основанную на романе Горького. Цель настоящей статьи — проанализировать, какие темы остаются неизменными, а какие преобразуются при трансформации рода литературы.

Ключевые слова: Максим Горький, роман «Мать», Бертольд Брехт, драма, компаративистика.

Информация об авторе: Мария Владимировна Ромашкина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: M.romashkina@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1570-0830>

Для цитирования: Ромашкина М.В. Вечные темы и разные эпохи: что осталось от «Матери» Горького после встречи с Б. Брехтом // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном простран-

стве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 271–286.
<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-271-286>

ETERNAL THEMES AND DIFFERENT AGES: WHAT REMAINS OF GORKY'S "MOTHER" AFTER MEETING B. BRECHT

© 2023. Maria V. Romashkina

Acknowledgements: This article was prepared in A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences as part of the Russian Science Foundation grant (RSF, project № 21-18-00131, "A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space").

Abstract: Gorky's novel "Mother," first published in 1906 in the USA in English, becomes available in Russian only in 1907. In 1917 the publishing house "Life and Knowledge" completing the first edition of the publishing house "Knowledge" the first complete works of M. Gorky, publishes the novel "Mother" uncensored for the first time. A decade later, in 1930–1932, the German poet, playwright and social activist Bertolt Brecht creates a play based on Gorky's novel for the Comedy Theater. The purpose of this article is to analyze which themes remain unchanged and which become completely different with the transformation from prose to drama.

Keywords: Maxim Gorky, novel "Mother," Bertolt Brecht, prose, drama, comparative studies.

Information about the author: Maria V. Romashkina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: M.romashkina@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1570-0830>

For citation: Romashkina, M.V. "Eternal Themes and Different Ages: what Remains of Gorky's 'Mother' after Meeting B. Brecht." *A.M. Gor'kii v Germanii: pisatel' i ego okruzhenie v sotsio-kul'turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 271–286. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-271-286>

Популярность творчества Максима Горького, в частности его драматических произведений, за пределами Российской империи была не менее грандиозной, чем на родине. «Немецкий театр одним из первых обратился к горьковской драматургии. Европейскую культуру сближали поиски новых форм сценического процесса — начиная с драматургического материала через современное прочтение к экспериментальной подаче текста публике»¹. Как пишут Т.В. Кудрявцева и А.А. Гугнин в статье «Особенности немецко-русского литературного диалога (1800–1945)», «неоромантическое томление души задыхающегося в тисках бюргерской рутины немецкого интеллектуала по “прекрасному далеко” в сочетании с бунтарством анархо-индивидуалиста оказалось весьма восприимчиво к мятежному духу персонажей русского буревестника»². Именно поэтому многие премьеры пьес Горького проходили за рубежом в то же время, что и на родине. Так, например, «Мещане» были поставлены в Берлине в январе 1903 г. (в МХТ — в марте 1902 г.); «На дне» (в немецкой версии — «*Nachtasyl*») немецкий зритель увидел в один год с российским — в том же 1903 г.

Вот почему создание Бертольтом Брехтом пьесы, основанной на романе Горького «Мать», для театра Комедии (*Komödienhaus am Schiffbauerdamm*), на первый взгляд, не вызывает удивления, ведь интерес к Горькому и его влияние в мире только возрастают после революции в Российской империи. Примечательно, впрочем, что у Брехта этот интерес несколько запоздалый: если посмотреть его дневники 1920–1922 гг., в них совсем не будет упоминания России, Ленина, Горького, он обратится к нему позднее, после 1926 г.³

¹ Демкина С.М. Пьеса М. Горького «На дне» на немецкой сцене (по материалам Музея А.М. Горького ИМЛИ РАН) // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3, № 1. С. 252–265. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-1-252-265.

² Кудрявцева Т.В., Гугнин А.А. Особенности немецко-русского литературного диалога (1880–1945) // Россия — Германия: литературные встречи (1880–1945). М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 24–49.

³ Подробнее см.: *Brecht B. Diaries 1920–1922*. London, Eyre Methuen Publ., 1979.

Переработка текстов эпического рода в драму встречалась в литературе с середины XVIII в. и стала особенно частым явлением в XIX в., когда все большую популярность приобрели романы. Это явление было распространено как в Европе («Пуритане» Вальтера Скотта, «Дама с камелиями» А. Дюма-сына), так и в России (малая и крупная проза Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева). Поэтому перенесение на сцену эпических текстов, несмотря на известное высказывание Ф.М. Достоевского, считавшего, что «...есть какая-то тайна искусства, по которой эпическая форма никогда не найдет себе соответствия в драматической»⁴, нельзя считать чем-то необычным.

Переработка текстов М. Горького для театра также имела место в 1920-е г. Например, в 1927 г. Эрвин Пискатор готовил к постановке «На дне». Режиссерская версия несколько отличалась от оригинала, вследствие чего Пискатор «обратился к М. Горькому с просьбой о возможности внесения изменений в текст пьесы. Горький эту просьбу отклонил, сославшись на то, что «давно законченную пьесу, отразившую определенную историческую эпоху, считает раз и навсегда завершенной»⁵.

Однако созданная Б. Брехтом драматическая «переработка» романа М. Горького не просто трансформирует эпический текст в драму. Это не только перевод с русского на немецкий и, как следствие, изменение ряда социокультурных факторов, а также изменение хронотопа. Пьеса не напоминает читателю о прошлом и не переносит в Россию начала века. Напротив, несмотря на то что название и главные герои пьесы однозначно указывают на первоисточник (роман Горького «Мать»), в пьесе появляется целый ряд сцен, которые не являются и не могли являться частью романа. Поэтому в драматическом произведении сюжетные линии, заимствованные из романа, воспринимаются как отпра-

⁴ Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука. 1996. Т. 15. С. 491.

⁵ Демкина С.М. Пьеса М. Горького «На дне» на немецкой сцене (по материалам Музея А.М. Горького ИМЛИ РАН) // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3, № 1. С. 252–265. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-1-252-265.

ная точка будущих событий, в разные эпохи воспринимавшихся с большим или меньшим трагизмом (закончилась Первая мировая война, и очевидны предпосылки к Второй мировой войне, Октябрьской революции в России). Как отмечает С.М. Третьяков, впервые переведший драму Брехта на русский язык, пьеса не являлась сценической версией романа, но «давала лишь первоначальный толчок новому произведению, перешагивавшему исторические рамки романа»⁶.

В переработке Брехта роман Горького претерпевает множество изменений на всех уровнях текста: в системе персонажей, сюжете и композиции, а также задачах, которые ставят перед собой авторы. Пьеса Б. Брехта включает 14 сцен, только 8 из которых по времени совпадают с описываемыми в романе событиями: это события 1905 г., накануне первой русской революции и после нее. Затем Брехт показывает события 1912, 1914, 1916 и, наконец, 1917 г., которые, конечно, отсутствуют в романе, написанном в 1906 г. Однако и первые восемь сцен пьесы являются не повторением эпизодов романа, но самостоятельным развитием или переосмыслением исходного текста. Так, пьеса открывается размышлением Пелагеи Власовой о плачевном финансовом состоянии ее семьи, жалобой героини на то, что «суп стал еще хуже»⁷ (в русском переводе С. Третьякова — «еще плоше»⁸). Подобной сцены нет в романе, она иначе характеризует главную героиню и ее отношения с сыном, однако сразу вводит читателя в контекст жизни рабочих. Таким образом, при сохранении основных сюжетных линий развитие персонажей происходит в несколько иных ситуациях, а значит, меняется их восприятие читателями. Из восьми сцен, совпадающих по времени действия с романом, только четыре сцены возможно сопоставить с конкретны-

⁶ Брехт Б. Эпические драмы. М.; Л.: ГИХЛ. 1934. С. 14.

⁷ Brecht B. Die stücke von Bertolt Brecht in einem Band. Schuhrkampf Verlag, 1987. S. 331.

⁸ Брехт Б. Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания: в 5 т. М.: Искусство. 1963. Т. 1. С. 401.

ми сценами романа: это стачка из-за «болотной копейки», демонстрация 1905 г., посещение главной героиней сына в тюрьме и поездка Пелагеи Власовой с агитационными материалами к крестьянам. Однако среди этих сцен только одна — посещение Пелагеей Власовой сына в тюрьме — близка роману по сюжету, деталям и цитатам. Остановимся на ней более подробно⁹.

В романе встречу Павла с матерью предваряют наблюдения и размышления матери о встреченных ею в тюремной канцелярии людях. Здесь она встречает старуху, сын которой находился в тюрьме уже более девяти месяцев, и в ее ответе Власова чувствует «что-то странное, похожее на гордость»¹⁰; лысого старичка, который говорит о подорожании, о нарастании социального напряжения, о том, что «примиряющих голосов не слышно»; отставного военного; полную женщину с дряблым лицом. У каждого из них своя история, свое мнение, свой голос. Все они при этом кажутся Пелагее чужими: «во всех мать чувствовала что-то чужое ей. Дома говорили иначе, понятнее, проще, громче»¹¹. Вместе с Пелагеей Власовой читатель знакомится и с надзирателем «с квадратной рыжей бородой», которого ей хочется «толкнуть в спину», чтобы поскорее увидеть сына. В пьесе в этой сцене только трое: Павел Власов, его мать и тюремный надзиратель. Это значит, что галерея судеб, которую показывает Горький, у Брехта сводится к истории одного человека, превращаясь в универсальную, приобретая общность. По мнению С. Третьякова, «театр по Брехту должен действовать на разум зрителя. Столкновение суждений, борьбу силлогизмов, раскрытие в человеческом сознании того, что в мире ложно и глупо, Брехт предпочитает раскрытию в человеческом чувстве того, что в мире отвратительно и плохо»¹².

⁹ См. подробнее: Ромашкина М.В. Особенности трансформации эпического текста в драму: как меняется роман М. Горького «Мать» в драме Б. Брехта «Жизнь революционерки Пелагеи Власовой из Твери» // Новый филологический вестник. 2022. № 4 (63). С. 285–296.

¹⁰ Горький М. Собр. соч.: в 18 т. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 4. С. 222.

¹¹ Там же.

¹² Третьяков С. Новый Лев Толстой // Новый ЛЕФ. 1927. № 1. С. 36–37.

Как в романе, так и в пьесе разговор дается тяжело. Авторский голос в романе замечает: «она ждала каких-то других вопросов, искала их в глазах сына и не находила»¹³. Вместе с тем в романе в разговор матери и сына проникает еще один персонаж (отсутствующий в пьесе) — Сашенька. Когда Пелагея Власова среди прочего упоминает, что «Саша кланяется», Павел не скрывает радости: у него «дрогнули веки, лицо стало мягче, он улыбнулся». Это вызывает у матери ревность («острая горечь щипнула сердце матери»), и следующий вопрос она задает «с раздражением». Это чувство очень быстро проходит, и в конце сцены героиня уже «растроганная и счастливая». Именно такие детали делают персонажей живыми, настоящими, подверженными сиюминутным страстям и повседневным огорчениям. В пьесе сцена начинается с размышления матери, которая уже некоторое время не видела сына, об общественном долге: «Надзиратель будет очень настороже, но все же мне надо узнать адреса крестьян, интересующихся нашей газетой. Надеюсь, я удержу эту уйму имен в памяти». Функционально эта сцена намного важнее в пьесе, чем в романе, поскольку является принципиально значимой для развития действия: здесь мать узнает адреса (фамилии и деревни, в которых проживают сочувствующие революции крестьяне), а значит, без этой сцены невозможна дальнейшая поездка Матери в деревню. Как в романе, так и в пьесе сцена важна также развитием взаимоотношений главных героев, так как здесь демонстрируется переход матери на новый уровень увлечения революцией. Вместе с тем этот уровень отличается в романе и пьесе. В пьесе сцена предваряет поездку матери в деревню, в романе же Пелагея Власова впервые рассказывает сыну, что и она сочувствует революционному движению и продолжает начатое им, Павлом, дело. Таким образом, похожие с точки зрения сюжета сцены, прерываемые идентичными понуканиями надзирателя («Разойдитесь, чтобы между вами было расстояние»¹⁴, «Политических разгово-

¹³ Горький М. Собр. соч.: в 18 т. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 4. С. 223.

¹⁴ Там же.

ров — никаких»¹⁵), имеют в произведениях несколько разные функции.

Исчезновение некоторых сцен в романе обусловлено противоречиями, которые обнажила история. Так, в пьесе «Мать», написанной в 1920–1930 гг., следующий диалог будет выглядеть несообразно историческим реалиям: «Мать тяжело вздохнула и, опустив глаза, спросила: — Так ли, Павлуша? Ведь они — против царя, ведь они убили одного. Павел прошелся по комнате, погладил рукой щеку и, усмехнувшись, сказал: — Нам это не нужно!»¹⁶. Можно без труда привести целый ряд подобных примеров.

Некоторые сцены в пьесе Брехта, наоборот, получают дополнительное развитие, например, сцена с болотной копеейкой. Если в романе эти «переговоры» с самого начала терпят неудачу (и это опять же показывает, что герой, которому 18 лет, еще юн и неопытен), в пьесе — это настоящая бизнес-коммуникация.

Еще один важный эпизод романа и пьесы показывает, как персонажи учатся читать. В романе этому посвящена финальная часть 17 главы, и ключевой становится фраза Андрея, обучающего Пелагею Власову грамоте: «Только те настоящие — люди, которые сбивают цепи с разума человека. Вот теперь и вы, по силе вашей, за это взялись»¹⁷. В пьесе сцена обучения грамоте более развернутая и среди прочего привносит комический элемент. Кроме того, именно в этой сцене впервые Пелагея Власова показана как лидер, она не боится спорить с учителем, наставляет молодых революционеров.

Как уже было упомянуто выше, различия на уровне сюжета и композиции приводят к значительной смене характеров и мотивов персонажей. Роман Горького открывается описанием слободки и фабрики, высасывающей жизнь из своих рабочих, и описанием Михаила Власова, отца Павла

¹⁵ Brecht B. Die stücke von Bertolt Brecht in einem Band. Schuhrkamp Verlag, 1987. S. 347.

¹⁶ Горький М. Собр. соч.: в 18 т. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 4. С. 174.

¹⁷ Там же. С. 216.

и мужа Пелагеи. Две первые главы романа оканчиваются смертью: «Пожив такой жизнью лет 50, человек умирал», и «Через несколько дней кто-то убил ее» (о собаке Михаила, которая после смерти хозяина поселилась на его могиле). Эти вводные главы во многом определяют и характер главной героини, Пелагеи Ниловны Власовой, и ее сына Павла. Она — истерзанная страхом перед суровым, неприветливым мужем, тяжелым бытом, никогда не видевшая другого отношения к себе. Во время одной из первых встреч революционеров у Павла Пелагея вспоминает, как будущий муж сватался, и вся лексическая окраска в этой зарисовке темная и гнетущая: «На одной из вечеринок он поймал ее в *темных* (курсив мой. — М.Р.) сенях и, прижав всем телом к стене, спросил *глухо и сердито*:

— Замуж за меня пойдешь?

Ей было больно и обидно, а он больно мня ее груди, сопел и дышал ей в лицо, горячо и влажно. Она попробовала вывернуться из его рук, рванулась в сторону.

— Куда! — зарычал он. — Ты — отвечай, ну?

Задыхаясь от *стыда и обиды*, она молчала»¹⁸.

Характер Павла также сформирован суровым отцом. Впервые читатель знакомится с Павлом, когда он пытается противостоять отцу: «Когда Павлу, сыну его, было четырнадцать лет, Власову захотелось оттаскать его за волосы. Но Павел взял в руки тяжелый молоток и кратко сказал: — Не тронь...». Горький также подробно описывает его окончательное становление два года спустя, после смерти отца: сначала попытки казаться взрослым, таким же, как все, как отец («Спустя недели две после смерти отца, в воскресенье, Павел Власов пришел домой сильно пьяный. Качаясь, он пролез в передний угол и, ударив кулаком по столу, как *это делал отец*, крикнул матери: — Ужинать!», «Павел сделал все, что надо молодому парню: купил гармонику, рубашку с накрахмаленной грудью <...> по праздникам возвращался домой выпивши и всегда сильно страдал от водки»), а за-

¹⁸ Там же. С. 169.

тем — поиск другого, непохожего на других пути («Он начал приносить книги и старался читать их незаметно, а прочитав, куда-то прятал. Иногда он выписывал из книжек что-то на отдельную бумажку и тоже прятал ее...»¹⁹).

Необходимо отметить, что в этих главах нет темы, с которой начинает пьесу Брехт, — «Прямо совестно предлагать сыну такой суп. Но не могу я положить в него масла ни пол-ложечки. Ведь на той неделе ему урезали заработок на копейку в час»²⁰. Тема безденежья, безусловно, присутствует в обоих текстах, однако в романе «Мать» она вторична по сравнению с общим настроением беспросветности существования, беззакония, грязи, серости, но бытовые вопросы (отсутствие ночлега, пропитания и т. д.) практически не поднимаются в романе Горького, более того, из первых глав романа читатель узнает, что четырнадцатилетний подросток в состоянии обеспечить себя и свою мать — после столкновения с Павлом отец замечает Пелагее: «Денег у меня больше не спрашивай, тебя Пашка прокормит». В пьесе Брехта тема голода, отсутствия крова, безденежья стоит более остро. Первая зонга пьесы иронично возвещает: «Береги грош заботливей»²¹.

Значимо также, что в процессе становления героиня проходит через череду сомнений. Ее мятущееся, не привыкшее думать самостоятельно сознание выхватывает разные мысли и мнения окружающих ее, не во всем согласных между собой революционеров. Вместе с Михаилом Рыбиным она размышляет: «Господа книжки составляют, они раздают. А в книжках этих пишется — против господ. Теперь, — скажи ты мне, — какая им польза тратить деньги для того, чтобы народ против себя поднять, а?» — это размышления Рыбина, которые потом Мать будет обсуждать с сыном и Андреем Находкой и которые последний разовьет весьма высокомерным

¹⁹ Горький М. Собр. соч.: в 18 т. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1960. С. 159.

²⁰ Брехт Б. Театр: Пьесы. Статьи. Высказывания: в 5 т. М.: Искусство, 1963. Т. 1. С. 401.

²¹ Там же. С. 404.

отношением рабочего к крестьянину: «Ну, и пускай ходит по деревням, звонит о правде, будит народ. С нами трудно ему. У него в голове свои, мужицкие мысли выросли, нашим — тесно там...»²². В пьесе процесс становления Матери показан стремительно: ее неодобрение революции, страх перед изменениями сменяется страстным принятием за несколько сцен.

Вместе с тем из текста пьесы исключены некоторые значимые для романа эпизоды, например убийство Исаяи и переживания Андрея из-за этого. Убийство Исаяи вносит в роман детективный элемент, не являющийся одновременно ключевым для повествования. Такая подача, смешение элементов «низкого», развлекательного жанра с серьезной социальной и философской проблематикой связывают роман Горького с произведениями предшественников, в частности с романами Достоевского. О том же свидетельствует и болезненная реакция Андрея на это событие, когда Андрей, словно Иван Карамазов, обвиняющий себя в убийстве отца, говорит: «Подождите! <...> Это не я, — но я мог не позволить...»²³.

Пелагея Власова, безусловно, главный герой романа и пьесы, однако в романе дается система разнообразных персонажей, с их различными позициями, противоречиями. В первой части романа мать в большей степени наблюдатель, нежели деятель. Основной деятель первой части — Павел. Пелагея Власова наблюдает, отчасти со страхом, за сыном и за целым рядом полноценных, полноправных персонажей, у каждого из которых есть своя история и свое объяснение, почему они участвуют в происходящем: Сашенькой, Натальей, Рыбиным. Позиция матери формируется на основании встреч и общения с этими людьми.

В пьесе Брехта мать — главный и, по сути, единственный деятель. Как отмечает В. Ключев в книге «Бертольт Брехт — новатор театра», «его (Брехта) Пелагея Власова — это живой и сложный человек, который от пассивного подчинения, ка-

²² Горький М. Собр. соч.: в 18 т. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1960. С. 219.

²³ Горький М. Собр. соч.: в 18 т. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1960. С. 243.

залось бы, низменным событиям приходит к сознательно-му участию в переустройстве мира»²⁴. Ее позиция меняется, как уже было сказано выше, очень быстро, в пятой главе она принимает участие в шествии, и после этого ее позиция становится жестче и только крепнет. Все остальные персонажи — это фон, словно хор в античной трагедии. Даже читатель, не только зритель, видит в других персонажах пьесы лишь исполнителей зонг и отдельных реплик²⁵.

Та же ситуация возникает и в отношении Пелагеи Власовой к религии. В романе оно долго остается непоколебимым, отчасти меняется отношение к церкви как к институту, но не к религии в целом. В пьесе же до пятой сцены мать несколько раз говорит о том, что «я в бога верую, и о насильничестве и слышать не хочу», а впоследствии наблюдает, как ее соседки разрывают Библию и комментирует: «Лучше разорвать Библию, чем расплескать еду»²⁶.

Сопоставление персонажей пьесы и романа показывает, что совпадений не так много. Из 30 персонажей в списке действующих лиц только пятеро — это персонажи романа: Пелагея Власова, ее сын Павел, Андрей Находка, Антон Рыбин и Николай Весовщиков. Но и их роль сильно меняется. Первое, что бросается в глаза, — это указание возле имени Андрея Находки «рабочие завода Сухлинова». Таким образом из персонажа романа с судьбой, историей, прошлым, планами на будущее, переживаниями, внешней уверенностью и внутренними метаниями он превращается в пьесе в символ, идею революционного движения, выразителя судьбы и позиции народа. Меняются и взаимоотношения Павла и Матери. В романе Пелагея Власова — прежде все-

²⁴ Ключев В. «Бертольт Брехт — новатор театра», М.: Знание, 1961. С. 18.

²⁵ Роль музыки в творчестве Брехта вообще и в рассматриваемой пьесе в частности не следует преуменьшать. Подробнее об этом см.: Назарова В.Т. Ганс Эйслер — Бертольт Брехт: Творческое содружество: Исследование. Л.: Сов. композитор, 1980. 104 с.

²⁶ Брехт Б. Театр: Пьесы. Статьи. Высказывания: в 5 т. М.: Искусство, 1963. Т. 1. С. 443.

го Мать; все, что она делает, делается для того, чтобы помочь сыну, быть ближе эмоционально и физически. Несмотря на свое сочувствие революции, в заключительной сцене романа, где Павел арестован, а Пелагея поднимает выпавшее знамя, она думает о том, что Павел говорит ей: «До свидания, мама», и ее мгновенная реакция — «Жив, вспомнил». В пьесе же, когда Павел Власов, который бежит из Сибири в Финляндию, останавливается у матери (точнее, у учителя Власова), она никак не изменяет привычный ритм жизни, продолжая в первую очередь думать о революционной деятельности, а не о том, чтобы позаботиться о сыне. Об этом, отчасти иронично, говорит сам Павел: «Оттиски будет вынимать мать революционера Павла Власова, революционерка Пелагея Власова. А она заботится о нем? Ни капельки! Чай она ему заварила? Баню истопила? Телка заколола? Ничего подобного!» И дальнейший их диалог сух и деловит: «Мать. Трудно жилось? Павел. Если бы не тиф, все было бы хорошо»²⁷. После этой сцены, внезапно прерванной приходом Зигорского, собиравшего, что необходимо немедленно уходить, они уже не увидятся — Павел будет убит.

Еще один персонаж, упомянутый нами в списке тех, кто переходит из романа в пьесу, — это Николай Весовщиков. Однако необходимо упомянуть, что этот персонаж сохраняет только имя. В романе, как и в пьесе, есть два Весовщикова. В романе это отец (которого повествователь называет воров), Данила, и его сын Николай, молчаливый, нелюдимый человек, который часто приходит к Власовым, слушает, о чем говорят молодые революционеры, и вопрошает: «Мне не то надо знать, как люди жили, а как надо жить»²⁸. В пьесе читатель знакомится с Иваном Весовщиковым, революционером, который принимает на себя заботу о Пелагее Власовой и устраивает ее прислугой в дом к своему брату Николаю, отношение которого к революции пассивно-негативное.

²⁷ Горький М. Собр. соч.: в 18 т. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1960. С. 169.

²⁸ Брехт Б. О литературе. М.: Худож. лит., 1988. С. 151.

Один из персонажей пьесы — это «Власовы всех стран». Эта общность свидетельствует об идеях мировой революции, широко распространенных в разных странах в этот период. В своих заметках о романе М. Горького Б. Брехт замечает: «Он заставил прислушаться к делу рабочего класса как к делу общему, всеохватному, делу всего человечества»²⁹; эта общность особенно важна для Брехта: И.М. Фрадкин в комментариях к переводу пьесы Б. Брехта отмечает: «Работая над инсценировкой, он избегал подчеркивания моментов местных, национальных, избегал всего, что могло бы сузить общезначимость пьесы, умалить ее интерес и поучительность для зрителей любой страны»³⁰. Именно поэтому, когда при постановке пьесы в США персонажи выступали в русских народных костюмах, это вызвало возмущение и отторжение автора пьесы, так как из произведения, актуального для всего мира, оно превращалось в типично русскую (скорее лубочную) историю. Современники Брехта отмечали: «На сцене Брехта все должно быть красиво. Бедная комната Пелагеи Власовой должна быть красивой, как и расположение рабочих во дворе фабрики, как и цвета костюмов женщин среднего класса в центре скупки латуни. На первый взгляд вы, конечно, не замечаете всего этого. Брехт ставит свои пьесы так, что на десятый раз вы все равно замечаете что-то новое. Чем чаще вы смотрите пьесу, тем богаче она кажется. Даже если вы хорошо знаете пьесу, вы получаете новое удовольствие от аранжировки, жестов, красок и так далее»³¹.

С. Третьяков рассматривал пьесу Брехта как пособие по революционной деятельности: «Эта пьеса — целый семинар пропагандистской методики и тактики революционной борьбы. Как расставлять людей в борьбе? <...> Как использовать опыт чужой культуры? Как быть дисциплинированными? <...> Переделайте русские названия в пьесе на немецкие, и вы получите повесть о немецкой революцио-

²⁹ Брехт Б. О литературе. М.: Худож. лит., 1988. С. 151.

³⁰ Брехт Б. Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания: в 5 т. М.: Искусство, 1963. Т. 1. С. 459.

³¹ Brecht as they knew him. Berlin. Seven seas publishers. 1974. S. 128.

нерке-профессионалке, проделывающей свою кротовью работу по просветлению сознания миллионов германских Власовых»³².

В этом и ключевое отличие романа и пьесы. Роман — это история Матери. Здесь также имеет место обобщение, ведь роман называется не именем главной героини. Горький словно сообщает — так поступила бы любая мать. Вместе с тем это роман, наполненный разнообразными, знакомыми читателю историями людей своего времени. Легко узнается место (царь, жандармы, житейский уклад) и время (предреволюционные настроения). Пьеса же выходит на новый уровень остранения. Ее персонажи — герои всех стран и всех эпох. Из романа-размышления с элементами натурализма, неоромантизма, впитавшего в себя элементы русской литературы второй половины XIX в. (Достоевского, Чехова, Чернышевского), пьеса становится примером немецкого соцреализма.

Список литературы

1. *Брехт Б.* О литературе. М.: Худож. лит., 1988. 524 с.
2. *Брехт Б.* Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания: в 5 т. М.: Искусство, 1963 Т. 1. 511 с.
3. *Брехт Б.* Эпические драмы. М.; Л.: ГИХЛ, 1934. С. 14.
4. *Горький М.* Собр. соч.: в 18 т. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 4. С. 222.
5. *Демкина С.М.* Пьеса М. Горького «На дне» на немецкой сцене (по материалам Музея А.М. Горького ИМЛИ РАН) // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3, № 1. С. 252–265. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-1-252-265.
6. *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1996. Т. 15. С. 491.
7. *Клюев В.* «Бертольт Брехт — новатор театра». М.: Знание, 1961. 47 с.
8. *Кудрявцева Т.В., Гугнин А.А.* Особенности немецко-русского литературного диалога (1880–1945) // *Россия — Германия: литературные встречи (1880–1945)*. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 24–49.
9. *Назарова В.Т.* Ганс Эйслер — Бертольт Брехт: Творческое со-

³² Цит. по: *Шарыпина Т.А.* Эстетические идеи русского авангарда и немецкая социалистическая драматургия 1930–1940-х годов (Бертольт Брехт и Фридрих Вольф) // *Россия — Германия: литературные встречи (1880–1945)* / отв. ред. Т.В. Кудрявцева. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 710.

10. дружество: Исследование. Л.: Сов. композитор, 1980. 104 с.
Ромашкина М.В. Особенности трансформации эпического текста в драму: как меняется роман М. Горького «Мать» в драме Б. Брехта «Жизнь революционерки Пелагеи Власовой из Твери» // Новый филологический вестник. 2022. № 4 (63). С. 285–296.
11. Третьяков С. Новый Лев Толстой // Новый ЛЕФ. 1927. № 1. С. 36–37.
12. Шарыпина Т.А. Эстетические идеи русского авангарда и немецкая социалистическая драматургия 1930–1940-х годов (Бертольд Брехт и Фридрих Вольф) // Россия — Германия: литературные встречи (1880–1945) / отв. ред. Т.В. Кудрявцева. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 697–718.
13. Brecht B. Diaries 1920–1922. London, Eyre Methuen Publ., 1979. 182 p.
14. Brecht B. Die stücke von Bertolt Brecht in einem Band. Schuhrkamp: Verlag, 1987. S. 33.
15. Brecht as they knew him. Berlin: Seven seas publishers, 1974. S. 128.

Глава 6

А.М. Горький до Германии

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ: «ЮЖНЫЙ КРАЙ» О М. ГОРЬКОМ (1914–1917 гг.)

© 2023 г. Е.М. Захарова

Статья подготовлена в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 21-18-00131 «А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве»).

Аннотация: В 1921 г. Максим Горький уехал в Германию. Этому решению предшествовало по-настоящему насыщенное в творческом отношении время. Завершена работа над основными произведениями, открыты издательства «Парус» и «Всемирная литература», а также журнал «Летопись», написаны антивоенные статьи, цикл «Несвоевременные мысли». Яркий период, предвещавший эмиграцию, не оставался без внимания как в столичных, так и провинциальных изданиях. В этом отношении интерес представляет рецепция биографического и творческого пути писателя в газете «Южный край». Цель статьи — выявить и проследить характер публикаций, посвященных писателю в 1914–1917 гг., для обнаружения смены вектора редакционной политики «Южного края».

Ключевые слова: «Южный край», М. Горький, эмиграция, революция, рецепция.

Информация об авторе: Елизавета Михайловна Захарова — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: Elizakharova2019@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2087-6072>

Для цитирования: Захарова Е.М. Перед отъездом: «Южный край» о М. Горьком (1914–1917 гг.) // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 289–298. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-289-298>

**BEFORE DEPARTURE:
“IUZHNYI KRAI” ABOUT M. GORKY (1914–1917)**

© 2023. Elizaveta M. Zakharova

Acknowledgements: This article was prepared in A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences as part of the Russian Science Foundation grant (RSF, project № 21-18-00131, “A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space”).

Abstract: In 1921 Maxim Gorky went to Germany. This decision was preceded by a truly rich creative time. The work on the main works had been completed, the publishing houses “Parus” and “World Literature,” as well as the “Letopis” magazine, had been opened, anti-war articles, the cycle “Untimely Thoughts,” had been written. The bright period leading up to emigration did not go unnoticed in both metropolitan and provincial publications. In this regard, the reception of the biographical and creative path of the writer in the newspaper “Yuzhnyj kraj” is of the interest. The purpose of the article is to identify and trace the nature of publications dedicated to the writer in 1914–1917. This will show a change in the vector of the “Yuzhnyj kraj’s” editorial policy.

Keywords: “Yuzhnyj kraj,” M. Gorky, emigration, revolution, reception.

Information about the author: Elizaveta M. Zakharova, PhD in Philology, Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: Elizakharova2019@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2087-6072>

For citation: Zakharova, E.M. “Before Departure: ‘Iuzhnyi kraj’ about M. Gorky (1914–1917).” *A.M. Gor’kii v Germanii: pisatel’ i ego okruzhenie v sotsio-kul’turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 289–298. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-289-298>

«Южный край» и литературный контекст

Идея создания харьковской газеты «Южный край», а также руководство ею в первые годы принадлежало А.А. Йозефовичу. Первоначально издание задумывалось как трибуна для публичных высказываний известных в городе профессоров. Однако дефицит прибыли в конце первого года существования заставил издателя изменить стратегию, что привело к большему коммерческому успеху: «Заложив под издание этого печатного органа свое имущество, Йозефович в итоге создал колоссальную по тем временам медиаимперию, которая включала крупнейшую на Юге России газету, мощную типографию, издававшую разнообразную полиграфическую продукцию, обширную библиотеку, находившуюся при редакции»¹.

Помимо периодически публиковавшихся в газете Ю.Н. Говорухи-Отрока, В.М. Гаршина, М.П. Арцыбашева, А.Т. Аверченко, Г.И. Успенского и других русских писателей, на ее страницах ежедневно выходили материалы от собственных корреспондентов, работавших не только в отечественных столицах и губерниях, но и во Франции, Германии, Австро-Венгрии, Болгарии.

Неизменной на протяжении всего существования газеты (1880–1919) оставалась тенденция держать читателей в курсе литературной ситуации в государстве и за его пределами. В целом присутствие литературы в «Южном крае» точнее всего определить как мозаичное или разрозненное, так как у газеты отсутствовала постоянная рубрика для художественной прозы, а публикации стихотворных произведений носили фрагментарный характер. Раз в неделю выходил номер с рецензиями на театральные и музыкальные события Харькова. Одной из форм поддержания диалога региональной и столичной печати в «Южном крае» стала постоянная рубрика, посвященная значимым для русских писателей событиям (годовщина смерти А.С. Пушкина, чествование памяти А.П. Чехова, юбилей М.Ю. Лермонтова и ряд других знаковых явлений). Юби-

¹ Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. СПб.: Питер, 2017. С. 64.

лейные публикации отчетливо подразделяются на две группы: хроникальные анонсы готовящихся и прошедших торжеств («На Гоголевском празднестве»; «На выставке в память Жуковского и Гоголя»; «К сооружению памятника Н.В. Гоголя») или не связанные напрямую с юбилеем, но по-своему осмысляющие творчество писателя тексты. Можно заметить, что внимание к писательским персоналиям — одна из тенденций «Южного края». В большей степени на биографии и публицистических высказываниях были сосредоточены газетные тексты, посвященные М. Горькому.

Классификация текстов о Горьком

«Телеграмма М. Горького», «М. Горький в России», «Приветствие М. Горького», «Паспорт М. Горького» — лишь немногие названия заметок и статей в «Южном крае», отражавших степень заинтересованности авторов харьковской газеты в личной и профессиональной трансформации писателя на протяжении 1900–1917 гг.

Внимание к фигуре Горького было разносторонним на протяжении более чем двадцати лет. В связи с чем можно предложить условную классификацию текстов, появлявшихся в газете:

1. Публикации о событиях личной жизни Горького;
2. Свидетельства рецепции творчества писателя на международном уровне;
3. Рецепция творчества среди соотечественников и писателей-современников;
4. Публикация авторских текстов Горького.

Публикации о событиях личной жизни Горького

Наиболее многочисленная по количеству входящих в нее текстов группа освещала новости, связанные с вехами биографического пути Горького. Заголовки новостных текстов отражают хронику значимых событий: «М. Горький уехал из Гельсингфорса» (№ 11935. Веч. вып. 1914. 8 (21) марта), «Излечение М. Горького от туберкулеза» (№ 11952. Утр. вып. 1914. 18 (31)

марта. С. 2), «У М. Горького» (Очерк о проживании в Сестрорецке) (№ 11982. Веч. вып. 1914. 4 (17) апреля).

Само имя писателя становится своеобразным прикосновением к столичному культурному контексту. Так, статья В. Власова «Нужны поэты»² продолжает высказанную ранее мысль Горького о неоромантизме и его воплощении в литературе. А новостная заметка о премьере петербургского спектакля по пьесе Л. Андреева «Мысль» освещается с акцентом на присутствии Горького в зале Художественного театра. Интересно, что даже вышедшее в том же, 1914 г., интервью с Ф.И. Шаляпиным для привлечения еще большего внимания названо так: «Ф.И. Шаляпин о Горьком и о своих планах»³.

Цикл коротких январских публикаций 1914 г. отражает общий фокус внимания редакции к фигуре Горького. Так, 5 января в рубрике «Телеграммы и телефонограммы» появляется заметка «Телеграмма М. Горького». Речь в ней идет о том, что петербургские друзья Горького до сих пор не получили никаких определенных сведений о его местоположении⁴. Вслед за этой публикацией выходит новость-подтверждение «М. Горький в России»⁵. Отчет о передвижениях писателя продолжается новостной заметкой с сообщением о возвращении 31 декабря в Россию⁶. Кроме того, корреспондентов в это же период интересуют состояние здоровья Горького⁷, а также факт выдачи ему паспорта по постановлению ремесленной управы⁸. Завершается расследование о Горьком рядом лаконичных заметок:

² Власов В. Нужны поэты // Южный край. 1914. № 11989. Утр. вып. 10 (23) апреля. С. 3.

³ Ф.И. Шаляпин о Горьком и о своих планах // Южный край. 1914. № 12052. Веч. вып. 16 (29) мая. С. 2. Без подписи.

⁴ Телеграмма М. Горького // Южный край. 1914. № 11823. Утр. вып. 5 (18) января. С. 3. Без подписи.

⁵ М. Горький в России // Южный край. 1914. № 11823. Утр. вып. 5 (18) января. С. 6. Без подписи.

⁶ М. Горький // Южный край. 1914. № 11827. Утр. вып. 8 (21) января. С. 2. Без подписи.

⁷ М. Горький // Южный край. 1914. № 11829. Утр. вып. 9 (22) января. С. 2. Без подписи.

⁸ Паспорт М. Горького // Южный край. 1914. № 11840. Веч. вып. 15 (28) января. С. 2. Без подписи.

об установленной за ним слежке охранным отделением⁹, о выезде из Петербурга в Москву, об остановке на станции «Поваровка», а также очерком «М. Горький в Берсеневке», где дается описание деревни, нового временного места жительства¹⁰.

Рецепция творчества на международном уровне

Заметно меньшим объемом отличается группа текстов, отражающая свидетельства рецепции творчества писателя на международном уровне. Так, в 1916 г. выходит очерк о «мод» на Горького в Англии. Но важно заметить, что если публикации «Южного края», которые нередко перепечатывали сведения из других периодических изданий («Речь», «Биржевые ведомости» и др.), о событиях личной жизни Горького носили характер светской хроники, то редкие заметки о зарубежной рецепции имели отношение к восприятию творческого наследия.

Писатели-современники о Горьком

За творчеством Горького и событиями личного характера из его жизни следили коллеги-писатели. Так, 1916 г. в «Южном крае» отмечен рядом существенных для выстраивания писательской репутации текстов. «Чехов о Горьком» — яркий заголовок скрывал под собой анонс шестого тома собрания сочинений, куда в том числе были включены письма о Горьком. Внимание харьковской газеты к явлениям современной прозы нельзя назвать пристальным и скрупулезным, однако вышедшая повесть «В людях» без внимания не осталась. А. Ефимович в рецензии «Новое произведение Горького» анализирует вторую часть автобиографической трилогии. Наиболее объемный взгляд на творческий путь писателя в декабре того же года предложил К.И. Чуковский в лекции «О Горьком». Газетный очерк излагал ключевые положения, прозвучавшие в Общественной библиотеке, о творческом пути писателя: со-

⁹ М. Горький // Южный край. 1914. № 11843. Утр. вып. 17 (30) января. С. 3. Без подписи.

¹⁰ М. Горький в Берсеневке // Южный край. 1914. № 11862. Утр. вып. 27 (8 февраля) января. С. 2. Без подписи.

поставление с Достоевским, Чеховым, Блоком, анализ повестей «Детство» и «В людях», постулирование неоромантизма.

Если вернуться к самым первым упоминаниям имени Горького в периодических изданиях, в частности в газете «Южный край», то станет очевидно, что традиция сопоставления его творчества с самыми разными литературными школами и писательскими стилями возникла сразу. Так, в монографической статье С. Яблоновского «Свет и тени» Горький рассматривается в ракурсе сходства с непосредственным гением Шекспира: «Кто знает, если бы Шекспиру удалось прочесть Гервинуса, Даудена, Гете, Шлегеля, Ферниваля и прочих комментаторов <...> — кто знает, может быть, он был бы изумлен открытой пред ним бездною премудрости, как мольеровский герой, пораженный тем, что он говорит прозой. Весьма возможно, что он стал бы даже переделывать полубессознательно созданные образы по рецепту глубокомысленных немцев подобно тому, как Кольцов, под влиянием Белинского, Станкевича и других выдающихся умов того времени, стал писать свои философско-риторические стихотворения»¹¹. Статья в большей степени адресована самому Горькому и выступает в качестве напутствия начинающему писателю о том, какую стратегию избрать по отношению к литературным критикам: «Будем надеяться <...> натура г. Горького сильная и выносливая. Вынес он всевозможные мытарства по трущобам, вынес горькую нужду, вынес столкновения со всевозможного рода отребьем человечества, могущим развратить и опошлить менее крупную натуру, будем же верить, что вынесет он и от наших критиков, что и они не развратят и опошлят его»; «Будем верить, что он пойдет только своей собственной дорогой, не обращая внимания ни на какие указки, всматриваясь только к голосу своей души»¹².

Публикация авторских текстов Горького

Парадокс с появлением авторских текстов Горького в «Южном крае» заключается в двух аспектах: 1) в количественном

¹¹ С. Яблоновский. Свет и Тени. 1901. № 7104. 11 (24) августа. С. 1.

¹² Там же. С. 1.

отношении они существенно уступают место метавысказываниям о писателе; 2) авторские тексты, перепечатанные из других изданий, в большинстве случаев имеют публицистический характер.

Так, в вечернем выпуске мартовского номера 1916 г. появляется «Письмо к читателю» Горького. Кроме того, газета нередко оповещала читателей о выходе самостоятельных текстов Горького, а также о публикациях в других изданиях. В 1915 г. газета уделяет несколько полос отчетам о выходе серии сборников, посвященных разным народностям России, а в следующем году предметом внимания стала статья Горького «Русский — еврею», опубликованная в шестом номере «Еврейской недели»¹³.

Образ Горького и его трансформация в «Южном крае»

За фигурой Горького в Харьковской газете следили пристальным образом. Корреспондентов и рецензентов интересовало не только художественное творчество писателя, но и аспекты его личной жизни, общественной деятельности, а также характер рецепции как в стране, так и за ее пределами.

Внимание к жизни и творчеству писателя можно рассматривать и с функциональной точки зрения: как один из способов уйти от замкнутости в историко-культурном контексте на страницах «Южного края». Биографические, литературно-критические и иные заметки, имеющие отношение к имени М. Горького, выполняли одновременно несколько задач:

- просвещение читателей;
- легитимизация анализа биографии и творчества писателя;
- рецепция классической русской художественной литературы;
- формирование связи столичных и провинциальных изданий;
- обращение к текущим социальным, общероссийским или городским, вопросам;

¹³ М. Горький. Русский — еврею. 1916. № 13203. Веч. вып. 12 (25) февраля. С. 1.

– вхождение в общее культурное пространство России и Европы;

– выстраивание историко-литературной памяти.

Эволюция того, как воспринималась личность Горького в «Южном крае», носит следующий характер: педагогические, а точнее сказать, воспитательные заметки в адрес Горького сменяются пристальным вниманием к каждому шагу писателя-патриарха русской литературы. Не только за художественным творчеством, но и в большей степени за общественной деятельностью Горького в харьковской газете в 1910-е гг. наблюдали с сильнейшим интересом.

Можно подвести итог и предположить, что так называемый горьковский текст, куда входит весь комплекс материалов Горького и о нем в «Южном крае», стал еще одним мостиком в построении диалогичных отношений между региональным изданием и общероссийским культурным дискурсом. Кроме того, это еще одна форма коммуникации между русской литературой и журналистикой начала XX в.

Список литературы

1. Власов В. Нужны поэты // Южный край. 1914. № 11989. Утр. вып. 10 (23) апреля. С. 3.
2. Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. СПб.: Питер, 2017. 575 с.
3. М. Горький // Южный край. 1914. № 11827. Утр. вып. 8 (21) января. С. 2.
4. М. Горький // Южный край. 1914. № 11829. Утр. вып. 9 (22) января. С. 2.
5. М. Горький // Южный край. 1914. № 11843. Утр. вып. 17 (30) января. С. 3.
6. М. Горький в Берсеневке // Южный край. 1914. № 11862. Утр. вып. 27 (8 февраля) января. С. 2.
7. М. Горький в России // Южный край. 1914. № 11823. Утр. вып. 5 (18) января. С. 6.
8. М. Горький. Русский — еврею // Южный край. 1916. № 13203. Веч. вып. 12 (25) февраля. С. 1
9. Паспорт М. Горького // Южный край. 1914. № 11840. Веч. вып. 15 (28) января. С. 2.

10. С. Яблоновский. Свет и Тени // Южный край. 1901. № 7104. 11 (24) августа. С. 1.
11. Телеграмма М. Горького // Южный край. 1914. № 11823. Утр. вып. 5 (18) января. С. 3.
12. Ф.И. Шаляпин о Горьком и о своих планах // Южный край. 1914. № 12052. Веч. вып. 16 (29) мая. С. 2.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук

**А.М. Горький в Германии:
писатель и его окружение
в социокультурном
и литературно-медийном
пространстве**

Ответственный редактор
О.А. Клинг

Корректор
М.В. Нефёдова

Компьютерная верстка
А.З. Бернштейн

Подписано в печать 06.10.2023

Формат 60×90^{1/16}

Усл.-печ. л. 19,0

Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук

121069, Москва, ул. Поварская, д. 25 а

тел. (495) 690-05-61

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42

корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

ISBN 978-5-9208-0724-3

9 785920 807243 >

